СОЧИНЕНІЯ

НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ.

СОЧИНЕНІЯ

НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, іюня 5 дня 1842 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БОРОДИНА И К°.

МИРГОРОДЪ.

ПОВѢСТИ,

СЛУЖАЩІЯ ПРОДОЛЖЕНІЕМЪ ВЕЧЕРОВЪ НА ХУТОРѢ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ.

═

Миргородъ нарочито невеликій при рѣкѣ Хоролѣ городъ. Имѣетъ 1 канатную фабрику, 1 кирпичный заводъ, 4 водяныхъ и 45 вѣтреныхъ мельницъ.

Географія Зябловскаго.

Хотя въ Миргородѣ пекутся бублики изъ чернаго тѣста, но довольно вкусны.

Изъ записокъ одного путешественника.

═

СТАРОСВѢТСКІЕ

ПОМѢЩИКИ.

СТАРОСВѢТСКІЕ

ПОМѢЩИКИ.

Я очень люблю скромную жизнь тѣхъ уединенныхъ владѣтелей отдаленныхъ деревень, которыхъ въ Малороссіи обыкновенно называютъ «старосвѣтскими» и которые, какъ дряхлые живописные домики, хороши своею простотою и совершенною противоположностью съ новымъ гладенькимъ строеніемъ, котораго стѣнъ не промылъ еще дождь, крыши не покрыла зеленая плесень,

и лишенное штукатурки крыльцо не показываетъ своихъ красныхъ кирпичей. Я иногда люблю сойти на-минуту въ сферу этой необыкновенно-уединенной жизни, гдѣ ни одно желаніе не перелетаетъ за частоколъ, окружающій небольшой дворикъ, за плетень сада, наполненнаго яблонями и сливами, за деревенскія избы, его окружающія, пошатнувшіяся на-сторону, осѣненныя вербами, бузиною и грушами. Жизнь ихъ скромныхъ владѣтелей такъ тиха, такъ тиха, что на-минуту забываешься и думаешь, что страсти, желанія и неспокойныя порожденія злаго духа, возмущающія міръ, вовсе не существуютъ, и ты ихъ видѣлъ только въ блестящемъ, сверкающемъ сновидѣніи. Я отсюда вижу низенькій домикъ съ галереею изъ маленькихъ почернѣлыхъ деревянныхъ столбиковъ, идущею вокругъ всего дома, чтобы можно было во время грома и града затворить ставни оконъ, не замочась дождемъ; за нимъ душистая черемуха, цѣлые ряды низенькихъ фруктовыхъ деревъ, потопленныхъ багрянцемъ вишень и яхонтовымъ моремъ сливъ, покрытыхъ свинцовымъ матомъ, развѣсистый кленъ, въ тѣни котораго разостланъ, для отдыха, коверъ; передъ домомъ просторный

дворъ съ низенькою свѣжею травкою, съ протоптанною дорожкою отъ амбара до кухни и отъ кухни до барскихъ покоевъ; длинношейный гусь, пьющій воду, съ молодыми и нѣжными, какъ пухъ, гусятами; частоколъ, обвѣшанный связками сушеныхъ грушъ и яблокъ, и провѣтривающимися коврами; возъ съ дынями, стоящій возлѣ амбара; отпряженный волъ, лѣниво лежащій возлѣ него: — все это для меня имѣетъ неизъяснимую прелесть, можетъ-быть, отъ того, что я уже не вижу ихъ и что намъ мило все то̀, съ чѣмъ мы въ разлукѣ. Какъ бы то̀ ни было, но даже тогда, когда бричка моя подъѣзжала къ крыльцу этого домика, душа принимала удивительно-пріятное и спокойное состояніе; лошади весело подкатывали подъ крыльцо, кучеръ преспокойно слѣзалъ съ козелъ и набивалъ трубку, какъ-будто бы онъ пріѣзжалъ въ собственный домъ свой; самый лай, который подымали флегматическіе барбосы, бровки и жучки, былъ пріятенъ моимъ ушамъ. Но болѣе всего мнѣ нравились самые владѣтели этихъ скромныхъ уголковъ, старички, старушки, заботливо выходившіе на-встрѣчу. Ихъ лица мнѣ представляются и теперь иногда въ шумѣ и толпѣ среди мод-

ныхъ фраковъ, и тогда вдругъ на меня находитъ полусонъ и мерещется былое. На лицахъ у нихъ всегда написана такая доброта, такое радушіе и чистосердечіе, что невольно отказываешься, хотя по-крайней-мѣрѣ на короткое время, отъ всѣхъ дерзкихъ мечтаній и незамѣтно переходишь всѣми чувствами въ низменную буколическую жизнь.

Я до-сихъ-поръ не могу позабыть двухъ старичковъ прошедшаго вѣка, которыхъ, увы! теперь уже нѣтъ, но душа моя полна еще до-сихъ-поръ жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда воображу себѣ, что пріѣду со-временемъ опять на ихъ прежнее, нынѣ опустѣлое жилище, и увижу кучу развалившихся хатъ, заглохшій прудъ, заросшій ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ низенькій домикъ — и ничего болѣе. Грустно! мнѣ заранѣе грустно! Но обратимся къ разсказу. Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ и жена его Пульхерія Ивановна Товстогубиха, по выраженію окружныхъ мужиковъ, были тѣ старики, о которыхъ я началъ разсказывать. Если бы я былъ живописецъ и хотѣлъ изобразить на полотнѣ Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избралъ другаго оригинала, кромѣ ихъ.

Аѳанасію Ивановичу было шестьдесятъ лѣтъ, Пульхеріи Ивановнѣ пятьдесятъ-пять. Аѳанасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ камлотомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы разсказывалъ, или просто слушалъ. Пульхерія Ивановна была нѣсколько серьёзна, почти никогда не смѣялась; но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что̀ было у нихъ лучшаго, что вы, вѣрно, нашли бы улыбку уже черезъ-чуръ приторною для ея добраго лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ были расположены съ такою пріятностію, что художникъ вѣрно бы укралъ ихъ. По нимъ можно было, казалось, читать всю жизнь ихъ, ясную, спокойную, жизнь, которую вели старыя національныя, простосердечныя и вмѣстѣ богатыя фамиліи, всегда составляющія противоположность тѣмъ низкимъ малороссіянамъ, которые выдираются изъ дегтярей, торгашей, наполняютъ, какъ саранча, палаты и присутственныя мѣста, дерутъ послѣднюю копейку съ своихъ же земляковъ, наводняютъ Петербургъ ябедниками, наживаютъ наконецъ капиталъ и торжественно

прибавляютъ къ фамиліи своей, оканчивающейся на *о*, слогъ *въ*. Нѣтъ, они не были похожи на этихъ презрѣнныхъ и жалкихъ твореній, такъ же какъ и всѣ малороссійскія старинныя и коренныя фамиліи. Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь: они никогда не говорили другъ другу «ты», но всегда «вы»: вы, Аѳанасій Ивановичъ; вы, Пульхерія Ивановна. «Это вы продавили стулъ, Аѳанасій Ивановичъ?» — «Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна; это я». Они никогда не имѣли дѣтей, и оттого вся привязанность ихъ сосредоточилась на нихъ же самихъ. Когда-то, въ молодости, Аѳанасій Ивановичъ служилъ въ компанейцахъ, былъ послѣ секундъ-маіоромъ; но это уже было очень давно, уже прошло, уже самъ Аѳанасій Ивановичъ почти никогда не вспоминалъ объ этомъ. Аѳанасій Ивановичъ женился тридцати лѣтъ, когда былъ молодцомъ и носилъ шитый камзолъ; онъ даже увезъ довольно ловко Пульхерію Ивановну, которую родственники не хотѣли отдать за него; но и объ этомъ уже онъ очень мало помнилъ, по-крайней-мѣрѣ никогда не говорилъ. Всѣ эти давнія, необыкновенныя происшествія давно превратились или замѣни-

лись спокойною и уединенною жизнію, тѣми дремлющими и вмѣстѣ какими-то гармоническими грезами, которыя ощущаете вы, сидя на деревенскомъ балконѣ, обращенномъ въ садъ, когда прекрасный дождь роскошно шумитъ, хлопая по древеснымъ листьямъ, стекая журчащими ручьями и наговаривая дрему на ваши члены, а между-тѣмъ, радуга крадется изъ-за деревьевъ и въ видѣ полуразрушеннаго свода свѣтитъ матовыми семью цвѣтами на небѣ; или когда укачиваетъ васъ коляска, ныряющая между зелеными кустарниками, а степной перепелъ гремитъ и душистая трава вмѣстѣ съ хлѣбными колосьями и полевыми цвѣтами лѣзетъ въ дверцы коляски, пріятно ударяя васъ по рукамъ и лицу. Онъ всегда слушалъ съ пріятною улыбкою гостей, пріѣзжавшихъ къ нему, иногда и самъ говорилъ, но болѣе разспрашивалъ; онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ стариковъ, которые надоѣдаютъ вѣчными похвалами старому времени, или порицаніями новаго; онъ, напротивъ, разспрашивая васъ, показывалъ большое любопытство и участіе къ обстоятельствамъ вашей собственной жизни, удачамъ и неудачамъ, которыми обыкновенно интересуются всѣ добрые

старики, хотя оно нѣсколько похоже на любопытство ребенка, который въ то время, когда говоритъ съ вами, разсматриваетъ печатку вашихъ часовъ; тогда лицо его, можно сказать, дышало добротою. Комнаты домика, въ которомъ жили наши старички, были маленькія, низенькія, какія обыкновенно встрѣчаются у старосвѣтскихъ людей. Въ каждой комнатѣ была огромная печь, занимавшая почти третью часть ея. Комнатки эти были ужасно теплы, потому-что и Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна очень любили теплоту. Топки ихъ были всѣ проведены въ сѣни, всегда почти до самаго потолка наполненныя соломою, которую обыкновенно употребляютъ въ Малороссіи вмѣсто дровъ. Трескъ этой горящей соломы и освѣщеніе дѣлаютъ сѣни чрезвычайно пріятными въ зимній вечеръ, когда пылкая молодость, прозябнувши отъ преслѣдованія какой-нибудь брюнетки, вбѣгаетъ въ нихъ, похлопывая ладонями. Стѣны комнаты убраны были нѣсколькими картинами и картинками въ старинныхъ узенькихъ рамахъ. Я увѣренъ, что сами хозяева давно позабыли ихъ содержаніе, и если бы нѣкоторыя изъ нихъ были унесены, то

они бы, вѣрно, этого не замѣтили. Два портрета было большихъ, писанныхъ масляными красками: одинъ представлялъ какого-то архіерея, другой Петра III; изъ узенькихъ рамъ глядѣла герцогиня Лавальеръ, опачканная мухами. Вокругъ оконъ и надъ дверями находилось множество небольшихъ картинокъ, которыя какъ-то привыкаешь почитать за пятна на стѣнѣ и потому ихъ вовсе не разсматриваешь. Полъ почти во всѣхъ комнатахъ былъ глиняный, но такъ чисто вымазанный и содержавшійся съ такою опрятностію, съ какою, вѣрно, не содержится ни одинъ паркетъ въ богатомъ домѣ, лѣниво подметаемый невыспавшимся господиномъ въ ливреѣ. Комната Пульхеріи Ивановны была вся уставлена сундуками, ящиками, ящичками и сундучечками. Множество узелковъ и мѣшковъ съ сѣмянами, цвѣточными, огородными, арбузными, висѣло по стѣнамъ. Множество клубковъ съ разноцвѣтною шерстью, лоскутковъ старинныхъ платьевъ, шитыхъ за полстолѣтіе, были укладены по угламъ въ сундучкахъ и между сундучками. Пульхерія Ивановна была большая хозяйка и собирала все, хотя иногда сама не знала, на что оно

потомъ употребится. Но самое замѣчательное въ домѣ — были поющія двери. Какъ только наставало утро, пѣніе дверей раздавалось по всему дому. Я не могу сказать отчего онѣ пѣли: перержавѣвшія ли петли были тому виною, или самъ механикъ, дѣлавшій ихъ, скрылъ въ нихъ какой-нибудь секретъ; но замѣчательно то́, что каждая дверь имѣла свой особенный голосъ: дверь, ведущая въ спальню, пѣла самымъ тоненькимъ дискантомъ; дверь въ столовую хрипѣла басомъ; но та, которая была въ сѣняхъ, издавала какой-то странный дребезжащій и вмѣстѣ стонущій звукъ, такъ-что, вслушиваясь въ него, очень ясно наконецъ слышалось: «батюшки, я зябну!» Я знаю, что многимъ очень не нравится этотъ звукъ, но я его очень люблю; и если мнѣ случится иногда здѣсь услышать скрыпъ дверей, тогда мнѣ вдругъ такъ и запахнетъ деревнею; низенькой комнаткой, озаренной свѣчкой въ старинномъ подсвѣчникѣ; ужиномъ уже поставленнымъ на столѣ; майскою темною ночью, которая глядитъ изъ сада, сквозь растворенное окно, на столъ, уставленный приборами; соловьемъ, который обдаетъ садъ, домъ и дальнюю рѣку своими раскатами; страхомъ и шорохомъ

вѣтвей... и, Боже! какая длинная навѣвается мнѣ тогда вереница воспоминаній! Стулья въ комнатѣ были деревянные, массивные, какими обыкновенно отличается старина; они были всѣ съ высокими выточенными спинками въ натуральномъ видѣ, безъ всякаго лака и краски; они не были даже обиты матеріею и нѣсколько походили на тѣ стулья, на которые и донынѣ садятся архіереи. Трехъугольные столики по угламъ, четырехъугольные передъ диваномъ и зеркаломъ въ тоненькихъ золотыхъ рамахъ, выточенныхъ листьями, которые мухи усѣяли черными точками, передъ диваномъ коверъ съ птицами, похожими на цвѣты, и цвѣтами, похожими на птицъ: вотъ все почти убранство невзыскательнаго домика, гдѣ жили мои старики. Дѣвичья была набита молодыми и немолодыми дѣвушками въ полосатыхъ исподницахъ, которымъ иногда Пульхерія Ивановна давала шить какія-нибудь бездѣлушки и заставляла чистить ягоды, но которыя большею частію бѣгали на кухню и спали. Пульхерія Ивановна почитала необходимостью держать ихъ въ домѣ и строго смотрѣла за ихъ нравственностью; но, къ чрезвычайному ея удивленію, не проходило нѣсколькихъ

мѣсяцевъ, чтобы у которой-нибудь изъ ея дѣвушекъ станъ не дѣлался гораздо полнѣе обыкновеннаго; тѣмъ-болѣе это казалось удивительно, что въ домѣ почти никого не было изъ холостыхъ людей, выключая развѣ только комнатнаго мальчика, который ходилъ въ сѣромъ полуфракѣ съ босыми ногами, и если не ѣлъ, то ужъ вѣрно спалъ. Пульхерія Ивановна обыкновенно бранила виновную и наказывала строго, чтобы впередъ этого не было. На стеклахъ оконъ звенѣло страшное множество мухъ, которыхъ всѣхъ покрывалъ толстый басъ шмеля, иногда сопровождаемый пронзительными визжаніями осъ; но какъ только подавали свѣчи, вся эта ватага отправлялась на ночлегъ и покрывала черною тучею весь потолокъ.

Аѳанасій Ивановичъ очень мало занимался хозяйствомъ, хотя впрочемъ ѣздилъ иногда къ косарямъ и жнецамъ и смотрѣлъ довольно пристально на ихъ работу; все бремя правленія лежало на Пульхеріи Ивановнѣ. Хозяйство Пульхеріи Ивановны состояло въ безпрестанномъ отпираніи и запираніи кладовой, въ соленіи, сушеніи, вареніи безчисленнаго множества фруктовъ и растеній. Ея домъ былъ совершенно похожъ на химп-

ческую лабораторію. Подъ яблонею вѣчно былъ разложенъ огонь; и никогда почти не снимался съ желѣзнаго треножника котелъ или мѣдный тазъ съ вареньемъ, желе, пастилою, дѣланными на меду, на сахарѣ, и не помню еще на чемъ. Подъ другимъ деревомъ кучеръ вѣчно перегонялъ въ мѣдномъ лембикѣ водку на персиковыя листья, на черемуховый цвѣтъ, на золототысячникъ, на вишневыя косточки, и къ концу этого процесса никогда не бывалъ въ состояніи поворотить языка, болталъ такой вздоръ, что Пульхерія Ивановна ничего не могла понять, и отправлялся на кухню спать. Всей этой дряни наваривалось, насаливалось, насушивалось такое множество, что, вѣроятно, она потопила бы наконецъ весь дворъ (потому-что Пульхерія Ивановна, всегда сверхъ расчисленнаго на потребленіе, любила приготовлять еще на-запасъ), если бы большая половина этого не съѣдалась дворовыми дѣвками, которыя, забираясь въ кладовую, такъ ужасно тамъ объѣдались, что цѣлый день стонали и жаловались на животы свои. Въ хлѣбопашество и прочія хозяйственныя статьи внѣ двора Пульхерія Ивановна мало имѣла возможности входить. Прикащикъ, соединившись съ войтомъ,

обкрадывали немилосерднымъ образомъ. Они завели обыкновеніе входить въ господскіе лѣса, какъ въ свои собственные, надѣлывали множество саней, и продавали ихъ на ближней ярмаркѣ; кромѣ того, всѣ толстые дубы они продавали насрубъ для мельницъ сосѣднимъ казакамъ. Одинъ только разъ Пульхерія Ивановна пожелала обревизовать свои лѣса. Для этого были запряжены дрожки, съ огромными кожаными фартуками, отъ которыхъ, какъ только кучеръ встряхивалъ возжами и лошади, служившія еще въ милиціи, трогались съ своего мѣста, воздухъ наполнялся странными звуками, такъ-что вдругъ были слышны и флейта и бубны и барабанъ; каждый гвоздикъ и желѣзная скобка звенѣла, такъ-что возлѣ самыхъ мельницъ было слышно, какъ пани выѣзжала со двора, хотя это разстояніе было не менѣе двухъ верстъ. Пульхерія Ивановна не могла не замѣтить страшнаго опустошенія въ лѣсу и потери тѣхъ дубовъ, которые она еще въ дѣтствѣ знавала столѣтними. «Отчего это у тебя, Ничипоръ» сказала она, обратясь къ своему прикащику, тутъ же находившемуся: «дубки сдѣлались такъ рѣдкими? гляди, чтобы у тебя волосы не были рѣд-

ки». — «Отчего рѣдки?» говаривалъ обыкновенно прикащикъ: «пропали! такъ-таки совсѣмъ пропали: и громомъ побило и черви проточили — пропали, пани, пропали». Пульхерія Ивановна совершенно удовлетворялась этимъ отвѣтомъ и, пріѣхавши домой, давала повелѣніе удвоить только стражу въ саду около шпанскихъ вишень и большихъ зимнихъ дуль. Эти достойные правители, прикащикъ и войтъ, нашли вовсе излишнимъ привозить всю муку въ барскіе амбары, а что съ баръ будетъ довольно и половины; наконецъ и эту половину привозили они заплеснѣвшую или подмоченную, которая была обракована на ярмаркѣ. Но сколько ни обкрадывали прикащикъ и войтъ, какъ ни ужасно жрали всѣ въ дворѣ, начиная отъ ключницы до свиней, которыя истребляли страшное множество сливъ и яблокъ, и часто собственными мордами толкали дерево, чтобы стряхнуть съ него цѣлый дождь фруктовъ, сколько ни клевали ихъ воробьи и вороны, сколько вся дворня ни носила гостинцевъ своимъ кумовьямъ въ другія деревни и даже таскала изъ амбаровъ старыя полотна и пряжу, что все обращалось ко всемірному источнику, т. е. къ шинку, сколько

ни крали гости, флегматическіе кучера и лакеи, — но благословенная земля производила всего въ такомъ множествѣ, Аѳанасію Ивановичу и Пульхеріи Ивановнѣ такъ мало было нужно, что всѣ эти страшныя хищенія казались вовсе незамѣтными въ ихъ хозяйствѣ.

Оба старичка, по старинному обычаю старосвѣтскихъ помѣщиковъ, очень любили покушать. Какъ только занималась заря (они всегда вставали рано) и двери заводили свой разногласный концертъ, они уже сидѣли за столикомъ и пили кофе. Напившись кофе, Аѳанасій Ивановичъ выходилъ въ сѣни и, стряхнувши платкомъ, говорилъ: «кишъ, кишъ! пошли, гуси, съ крыльца!» На дворѣ ему обыкновенно попадался прикащикъ; онъ, по обыкновенію, вступалъ съ нимъ въ разговоръ, разспрашивалъ о работахъ, съ величайшею подробностью, и такія сообщалъ ему замѣчанія и приказанія, которыя удивили бы всякаго необыкновеннымъ познаніемъ хозяйства, и какой-нибудь новичекъ не осмѣлился бы и подумать, чтобы можно было украсть у такого зоркаго хозяина. Но прикащикъ его былъ обстрѣлянная птица: онъ зналъ, какъ нужно отвѣчать, а еще болѣе, какъ нужно хо-

зяйничать. Послѣ этого Аѳанасій Ивановичъ возвращался въ покои и говорилъ, приблизившись къ Пульхеріи Ивановнѣ: «а что, Пульхерія Ивановна, можетъ-быть, пора закусить чего-нибудь». — «Чего же бы теперь, Аѳанасій Ивановичъ, закусить? развѣ коржиковъ съ саломъ, или пирожковъ съ макомъ, или, можетъ-быть, рыжиковъ соленыхъ?» — «Пожалуй, хоть и рыжиковъ, или пирожковъ» отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ,—и на столѣ вдругъ являлась скатерть съ пирожками и рыжиками. За часъ до обѣда Аѳанасій Ивановичъ закусывалъ снова, выпивалъ старинную серебряную чарку водки, заѣдалъ грибками, разными сушеными рыбками и прочимъ. Обѣдать садились въ двѣнадцать часовъ. Кромѣ блюдъ и соусниковъ, на столѣ стояло множество горшечковъ съ замазанными крышками, чтобы не могло выдыхаться какое-нибудь аппетитное издѣліе старинной вкусной кухни. За обѣдомъ обыкновенно шелъ разговоръ о предметахъ самыхъ близкихъ къ обѣду. «Мнѣ кажется, какъ-будто эта каша» говаривалъ обыкновенно Аѳанасій Ивановичъ: «немного пригорѣла; вамъ этого не кажется, Пульхерія Ивановна?» — «Нѣтъ Аѳанасій Ивановичъ;

вы положите побольше масла, тогда она не будетъ казаться пригорѣлою, или вотъ возьмите этого соусу съ грибками и подлейте къ ней».— «Пожалуй» говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, подставляя свою тарелку: «попробуемъ, какъ оно будетъ». Послѣ обѣда Аѳанасій Ивановичъ шелъ отдохнуть одинъ часикъ, послѣ чего Пульхерія Ивановна приносила разрѣзанный арбузъ и говорила: «вотъ попробуйте, Аѳанасій Ивановичъ, какой хорошій арбузъ». — «Да вы не вѣрьте, Пульхерія Ивановна, что онъ красный въ серединѣ» говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, принимая порядочный ломоть: «бываетъ, что и красный, да не хорошій». Но арбузъ немедленно исчезалъ. Послѣ этого Аѳанасій Ивановичъ съѣдалъ еще нѣсколько грушъ и отправлялся погулять по саду вмѣстѣ съ Пульхеріей Ивановной. Пришедши домой, Пульхерія Ивановна отправлялась по своимъ дѣламъ, а онъ садился подъ навѣсомъ, обращеннымъ къ двору, и глядѣлъ, какъ кладовая безпрестанно показывала и закрывала свою внутренность, и дѣвки, толкая одна другую, то вносили, то выносили кучу всякаго дрязгу въ деревянныхъ ящикахъ, рѣшотахъ, ночевкахъ и въ прочихъ фрукто-хранилищахъ. Немного по-

годя, онъ посылалъ за Пульхеріей Ивановной, или самъ отправлялся къ ней и говорилъ: «чего бы такого поѣсть мнѣ, Пульхерія Ивановна?»— «Чего же бы такого?» говорила Пульхерія Ивановна: «развѣ я пойду скажу, чтобы вамъ принесли вареников съ ягодами, которыхъ приказала я нарочно для васъ оставить?» — «И то̀ добре» отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ. «Или, можетъ-быть, вы съѣли бы киселику?» — «И то̀ хороше» отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ; послѣ чего все это немедленно было приносимо и, какъ водится, съѣдаемо. Передъ ужиномъ Аѳанасій Ивановичъ еще кое-чего закушивалъ. Въ половинѣ десятаго садились ужинать. Послѣ ужина тотчасъ отправлялись опять спать, и всеобщая тишина водворялась въ этомъ дѣятельномъ и вмѣстѣ спокойномъ уголкѣ. Комната, въ которой спали Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна, была такъ жарка, что рѣдкій былъ бы въ состояніи остаться въ ней нѣсколько часовъ; но Аѳанасій Ивановичъ еще сверхъ того, чтобъ было теплѣе, спалъ на лежанкѣ, хотя сильный жаръ часто заставлялъ его нѣсколько разъ вставать среди ночи и прохаживаться по комнатѣ. Иногда Аѳанасій Ивановичъ,

ходя по комнатѣ, стоналъ. Тогда Пульхерія Ивановна спрашивала: «чего вы стонете, Аѳанасій Ивановичъ?» — «Богъ его знаетъ, Пульхерія Ивановна, такъ какъ-будто немного животъ болитъ» говорилъ Аѳанасій Ивановичъ. «Можетъ-быть, вы бы чего-нибудь съѣли, Аѳанасій Ивановичъ?» — «Не знаю, будетъ ли оно хорошо, Пульхерія Ивановна! впрочемъ, чего жъ бы такого съѣсть?» — «Кислаго молочка, или жиденькаго узвара съ сушеными грушами». — «Пожалуй, развѣ такъ только, попробовать» говорилъ Аѳанасій Ивановичъ. Сонная дѣвка отправлялась рыться по шкапамъ, и Аѳанасій Ивановичъ съѣдалъ тарелочку; послѣ чего онъ обыкновенно говорилъ: «теперь такъ какъ-будто сдѣлалось легче».

Иногда, если было ясное время и въ комнатахъ довольно тепло натоплено, Аѳанасій Ивановичъ, развеселившись, любилъ пошутить надъ Пульхеріею Ивановною и поговорить о чемъ-нибудь постороннемъ. «А что, Пульхерія Ивановна» говорилъ онъ: «если бы вдругъ загорѣлся домъ нашъ, куда бы мы дѣлись?» — «Вотъ это, Боже сохрани» говорила Пульхерія Ивановна, крестясь. — «Ну, да положимъ, что домъ нашъ

сгорѣлъ, куда бы мы перешли тогда?» — «Богъ знаетъ, что̀ вы говорите, Аѳанасій Ивановичъ! какъ можно, чтобы домъ могъ сгорѣть: Богъ этого не попуститъ». — «Ну, а если бы сгорѣлъ?» — «Ну, тогда бы мы перешли въ кухню. Вы бы заняли на-время ту комнатку, которую занимаетъ ключница». — «А если бы и кухня сгорѣла?» — «Вотъ пусть Богъ сохранитъ отъ такого попущенія, чтобы вдругъ и домъ и кухня сгорѣли! Ну, тогда бы въ кладовую, покамѣстъ выстроился бы новый домъ». — «А если бы и кладовая сгорѣла?» — «Богъ знаетъ, что̀ вы говорите! я и слушать васъ не хочу! грѣхъ это говорить, и Богъ наказываетъ за такія рѣчи». Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что подшутилъ надъ Пульхеріею Ивановною, улыбался, сидя на своемъ стулѣ.

Но интереснѣе всего казались для меня старички въ то время, когда бывали у нихъ гости. Тогда все въ ихъ домѣ принимало другой видъ. Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. Все, что̀ у нихъ ни было лучшаго, все это выносилось. Они наперерывъ старались угостить васъ всѣмъ, что̀ только производило ихъ хозяйство. Но болѣе всего пріятно мнѣ было то̀,

что во всей ихъ услужливости не было никакой приторности. Это радушіе и готовность такъ кротко выражались на ихъ лицахъ, такъ шли къ нимъ, что по-неволѣ соглашался на ихъ просьбы. Онѣ были слѣдствіе чистой, ясной простоты ихъ добрыхъ, безхитростныхъ душъ. Это радушіе вовсе не то́, съ какимъ угощаетъ васъ чиновникъ казенной палаты, вышедшій въ люди вашими стараніями, называющій васъ благодѣтелемъ и ползающій у ногъ вашихъ. Гость никакимъ образомъ не былъ отпускаемъ въ тотъ же день: онъ долженъ былъ непремѣнно переночевать. «Какъ можно такою позднею порою отправляться въ такую дальнюю дорогу!» всегда говорила Пульхерія Ивановна (гость обыкновенно жилъ въ трехъ или въ четырехъ верстахъ отъ нихъ). «Конечно» говорилъ Аѳанасій Ивановичъ: «неравно всякаго случая: нападутъ разбойники, или другой недобрый человѣкъ». — «Пусть Богъ милуетъ отъ разбойниковъ!» говорила Пульхерія Ивановна: «и къ чему разсказывать этакое на ночь; разбойники, не разбойники, а время темное, негодится совсѣмъ ѣхать. Да и вашъ кучеръ, я знаю вашего кучера, онъ такой тендитный, да маленькій, его всякая ко-

была побьетъ; да притомъ теперь онъ уже, вѣрно, наклюкался и спитъ гдѣ-нибудь».

И гость долженъ былъ непремѣнно остаться; но впрочемъ, вечеръ въ низенькой, теплой комнатѣ, радушный, грѣющій и усыпляющій разсказъ, несущійся паръ отъ поданнаго на столъ кушанья, всегда питательнаго и мастерски сготовленнаго, бываетъ для него наградою. Я вижу какъ теперь, какъ Аѳанасій Ивановичъ, согнувшись, сидитъ на стулѣ со всегдашнею своею улыбкой и слушаетъ со вниманіемъ и даже наслажденіемъ гостя! Часто рѣчь заходила и о политикѣ. Гость, тоже весьма рѣдко выѣзжавшій изъ своей деревни, часто съ значительнымъ видомъ и таинственнымъ выраженіемъ лица выводилъ свои догадки и разсказывалъ, что французъ тайно согласился съ англичаниномъ выпустить опять на Россію Бонапарта, или просто разсказывалъ о предстоящей войнѣ, и тогда Аѳанасій Ивановичъ часто говаривалъ, какъ-будто не глядя на Пульхерію Ивановну: «Я самъ думаю пойти на войну; почему жъ я не могу итти на войну?» — «Вотъ уже и пошелъ!» прерывала Пульхерія Ивановна. «Вы не вѣрьте ему» говорила она, обращаясь къ гостю: «гдѣ уже ему,

старому, итти на войну! его первый солдатъ застрѣлитъ! Ейбогу застрѣлитъ! Вотъ такъ-таки прицѣлится и застрѣлитъ». — «Что жъ» говорилъ Аѳанасій Ивановичъ: «и я его застрѣлю». — «Вотъ слушайте только, что̀ онъ говоритъ!» подхватывала Пульхерія Ивановна: «куда ему итти на войну! И пистоли его давно уже заржавѣли и лежатъ въ коморѣ; если бъ вы ихъ видѣли: тамъ такіе, что прежде еще, нежели выстрѣлитъ, разорветъ ихъ порохомъ. И руки себѣ поотбиваетъ, и лицо искалечитъ и на-вѣки несчастнымъ останется!» — «Что жъ» говорилъ Аѳанасій Ивановичъ: «я куплю себѣ новое вооруженіе; я возьму саблю или казацкую пику».— «Это все выдумки; такъ вотъ вдругъ прійдетъ въ голову и начнетъ разсказывать» подхватывала Пульхерія Ивановна съ досадою: «я и знаю, что онъ шутитъ, а все-таки непріятно слушать; вотъ этакое онъ всегда говоритъ, иной разъ слушаешь, слушаешь, да и страшно станетъ». Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что нѣсколько напугалъ Пульхерію Ивановну, смѣялся, сидя согнувшись на своемъ стулѣ.

Пульхерія Ивановна для меня была занимательнѣе всего тогда, когда подводила гостя къ

закускѣ. «Вотъ это» говорила она, снимая пробку съ графина: «водка, настоянная на деревій или шалфей: если у кого болятъ лопатки или поясница, то она очень помогаетъ; вотъ это на золототысячникъ: если въ ушахъ звенитъ и по лицу лишаи дѣлаются, то очень помогаетъ; а вотъ это перегонная на персиковыя косточки, вотъ возьмите рюмку, какой прекрасный запахъ. Если какъ-нибудь, вставая съ кровати, ударится кто объ уголъ шкапа или стола, и набѣжитъ на лбу гугля, то стоитъ только одну рюмочку выпить передъ обѣдомъ — и все какъ рукой сниметъ, въ ту же минуту все пройдетъ, какъ-будто вовсе не бывало». Послѣ этого, такой перечетъ слѣдовалъ и другимъ графинамъ, всегда почти имѣвшимъ какія-нибудь цѣлебныя свойства. Нагрузивши гостя всею этою аптекою, она подводила его ко множеству стоявшихъ тарелокъ. «Вотъ это грибки съ щебрецомъ! это съ гвоздиками и волошскими орѣхами; солить ихъ выучила меня туркеня, въ то время, когда еще турки были у насъ въ плѣну. Такая была добрая туркеня, и не замѣтно совсѣмъ, чтобы турецкую вѣру исповѣдывала; такъ совсѣмъ и ходитъ почти, какъ у насъ; только свинины не

ѣла: говоритъ, что у нихъ какъ-то тамъ въ законѣ запрещено. Вотъ это грибки съ смородиннымъ листомъ и мушкатнымъ орѣхомъ! А вотъ это большія травянки: я ихъ еще въ первый разъ мариновала; не знаю, каковы-то онѣ; я узнала секретъ отъ отца Ивана: въ маленькой кадушкѣ прежде всего нужно разостлать дубовые листья и потомъ посыпать перцемъ и селитрою и положить еще, что̀ бываетъ на пичуйвитерѣ, цвѣтъ, такъ этотъ цвѣтъ взять и хвостиками разостлать вверхъ. А вотъ это пирожки съ сыромъ! это съ урдою! а вотъ это тѣ, которые Аѳанасій Ивановичъ очень любитъ, съ капустою и гречневою кашею».

«Да» прибавилъ Аѳанасій Ивановичъ: «я ихъ очень люблю; они мягкіе и немножко кисленькіе». Вообще Пульхерія Ивановна была чрезвычайно въ-духѣ, когда бывали у нихъ гости. Добрая старушка! она вся была отдана гостямъ. Я любилъ бывать у нихъ и, хотя объѣдался страшнымъ образомъ, какъ и всѣ, гостившіе у нихъ, хотя мнѣ это было очень вредно, однако жъ я всегда бывалъ радъ къ нимъ ѣхать. Впрочемъ я думаю, что не имѣетъ ли самый воздухъ въ Малороссіи какого-то особеннаго свойства, помогаю-

щаго пищеваренію, потому-что если бы здѣсь вздумалъ кто-нибудь такимъ образомъ накушаться, то, безъ-сомнѣнія, вмѣсто постели очутился бы лежащимъ на столѣ.

Добрые старички! Но повѣствованіе мое приближается къ весьма печальному событію, измѣнившему навсегда жизнь этого мирнаго уголка. Событіе это покажется тѣмъ-болѣе разительнымъ, что произошло отъ самаго маловажнаго случая. Но по странному устройству вещей, всегда ничтожныя причины родили великія событія и, на-оборотъ, великія предпріятія оканчивались ничтожными слѣдствіями. Какой-нибудь завоеватель собираетъ всѣ силы своего государства, воюетъ нѣсколько лѣтъ, полководцы его прославляются и наконецъ все это оканчивается пріобрѣтеніемъ клочка земли, на которомъ негдѣ посѣять картофеля; а иногда, напротивъ, два какіе-нибудь колбасника двухъ городовъ подерутся между собою за вздоръ, и ссора объемлетъ наконецъ города, потомъ села и деревни, а тамъ и цѣлое государство. Но оставимъ эти разсужденія: онѣ нейдутъ сюда; притомъ я не люблю разсужденій, когда онѣ остаются только разсужденіями.

У Пульхеріи Ивановны была сѣренькая кошечка, которая всегда почти лежала, свернувшись клубкомъ, у ея ногъ. Пульхерія Ивановна иногда ее гладила и щекотала пальцемъ по ея шейкѣ, которую балованная кошечка вытягивала какъ-можно выше. Нельзя сказать, чтобы Пульхерія Ивановна слишкомъ любила ее, но просто привязалась къ ней, привыкши ее всегда видѣть. Аѳанасій Ивановичъ однакожъ часто подшучивалъ надъ такою привязанностію. «Я не знаю, Пульхерія Ивановна, что̀ вы такого находите въ кошкѣ; на что̀ она? Если бы вы имѣли собаку, тогда бы другое дѣло: собаку можно взять на охоту, а кошка на что̀?» — «Ужъ молчите Аѳанасій Ивановичъ» говорила Пульхерія Ивановна: «вы любите только говорить и больше ничего: собака не чистоплотна, собака нагадитъ, собака перебьетъ все, а кошка тихое твореніе, она никому не сдѣлаетъ зла».

Впрочемъ Аѳанасію Ивановичу было все равно, что кошки, что собаки; онъ для того только говорилъ такъ, чтобы немножко подшутить надъ Пульхеріей Ивановной.

За садомъ находился у нихъ большой лѣсъ,

который былъ совершенно пощаженъ предпріимчивымъ прикащикомъ, можетъ-быть оттого, что стукъ топора доходилъ бы до самыхъ ушей Пульхеріи Ивановны. Онъ былъ глухъ, запущенъ, старые древесные стволы были закрыты разросшимся орѣшникомъ и походили на мохнатыя лапы голубей. Въ этомъ лѣсу обитали дикіе коты. Лѣсныхъ дикихъ котовъ не должно смѣшивать съ тѣми удальцами, которые бѣгаютъ по крышамъ домовъ; находясь въ городахъ, они, несмотря на крутой нравъ свой, гораздо болѣе цивилизованы, нежели обитатели лѣсовъ; это, напротивъ того, большею частію народъ мрачный и дикій; они всегда ходятъ тощіе, худые, мяукаютъ грубымъ необработаннымъ голосомъ; они подрываются иногда подземнымъ ходомъ подъ самые амбары и крадутъ сало, являются даже въ самой кухнѣ, прыгнувши внезапно въ растворенное окно, когда замѣтятъ, что поваръ пошелъ въ бурьянъ. Вообще никакія благородныя чувства имъ не извѣстны; они живутъ хищничествомъ и душатъ маленькихъ воробьевъ въ самыхъ ихъ гнѣздахъ. Эти коты долго обнюхивались сквозь дыру подъ амбаромъ съ кроткою кошечкою Пульхеріи Ивановны, и на-

конецъ подманили ее, какъ отрядъ солдатъ подманиваетъ глупую крестьянку. Пульхерія Ивановна замѣтила пропажу кошки, послала искать ее, но кошка не находилась. Прошло три дня; Пульхерія Ивановна пожалѣла, наконецъ вовсе о ней позабыла. Въ одинъ день, когда она ревизовала свой огородъ и возвращалась съ нарванными своею рукою зелеными, свѣжими огурцами для Аѳанасія Ивановича, слухъ ея былъ пораженъ самымъ жалкимъ мяуканьемъ. Она, какъ-будто по инстинкту, произнесла: «кисъ, кисъ!» и вдругъ изъ бурьяна вышла ея сѣренькая кошка, худая, тощая; замѣтно было, что она нѣсколько уже дней не брала въ ротъ никакой пищи. Пульхерія Ивановна продолжала звать ее, но кошка стояла передъ нею, мяукала и не смѣла близко подойти; видно было, что она очень одичала съ того времени. Пульхерія Ивановна пошла впередъ, продолжая звать кошку, которая боязливо шла за нею до самаго забора. Наконецъ, увидѣвши прежнія, знакомыя мѣста, вошла и въ комнату. Пульхерія Ивановна тотчасъ приказала подать ей молока и мяса и, сидя передъ нею, наслаждалась жадностію бѣдной своей фаворитки, съ какою она глотала

кусокъ за кускомъ и хлебала молоко. Сѣренькая бѣглянка почти въ глазахъ ея растолстѣла и ѣла уже не такъ жадно. Пульхерія Ивановна протянула руку, чтобы погладить ее, но неблагодарная, видно уже слишкомъ свыклась съ хищными котами, или набралась романическихъ правилъ, что бѣдность при любви лучше палатъ, а коты были голы, какъ соколы, какъ бы то ни было, она выпрыгнула въ окошко, и никто изъ дворовыхъ не могъ поймать ее.

Задумалась старушка: «Это смерть моя приходила за мною!» сказала она сама-себѣ и ничто не могло ее разсѣять; весь день она была скучна. Напрасно Аѳанасій Ивановичъ шутилъ и хотѣлъ узнать, отчего она такъ вдругъ загрустила: Пульхерія Ивановна была безотвѣтна, или отвѣчала совершенно не такъ, чтобы можно было удовлетворить Аѳанасія Ивановича. На другой день она замѣтно похудѣла.

«Что̀ это съ вами, Пульхерія Ивановна? Ужъ не больны ли вы?»

«Нѣтъ, я не больна, Аѳанасій Ивановичъ! я хочу вамъ объявить одно особенное происшествіе; я знаю, что я этого лѣта умру; смерть моя уже приходила за мною!»

Уста Аѳанасія Ивановича какъ-то болѣзненно искривились; онъ хотѣлъ однакожъ побѣдить въ душѣ своей грустное чувство и, улыбнувшись, сказалъ: «Богъ знаетъ что̀ вы говорите, Пульхерія Ивановна! вы, вѣрно, вмѣсто декохта, что часто пьете, выпили персиковой».

«Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ, я не пила персиковой» сказала Пульхерія Ивановна.

И Аѳанасію Ивановичу сдѣлалось жалко, что онъ такъ пошутилъ надъ Пульхеріей Ивановной, и онъ смотрѣлъ на нее, и слеза повисла на его рѣсницѣ.

«Я прошу васъ, Аѳанасій Ивановичъ, чтобы вы исполнили мою волю» сказала Пульхерія Ивановна: «когда я умру, то похороните меня возлѣ церковной ограды. Платье надѣньте на меня сѣренькое, то, что съ небольшими цвѣточками по коричневому полю; атласнаго платья, что съ малиновыми полосками, не надѣвайте на меня: мертвой уже не нужно платье — на что̀ оно ей? а вамъ оно пригодится: изъ него сошьете себѣ парадный халатъ на-случай когда пріѣдутъ гости, то чтобы можно было вамъ прилично показаться и принять ихъ».

«Богъ знаетъ, что̀ вы говорите, Пульхерія

Ивановна!» говорилъ Аѳанасій Ивановичъ: «когда-то еще будетъ смерть, а вы уже стращаете такими словами».

«Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ, я уже знаю когда моя смерть. Вы однакожъ не горюйте за мною: я уже старуха, и довольно пожила, да и вы уже стары, мы скоро увидимся на томъ свѣтѣ».

Но Аѳанасій Ивановичъ рыдалъ, какъ ребенокъ.

«Грѣхъ плакать, Аѳанасій Ивановичъ! Не грѣшите и Бога не гнѣвите своею печалью. Я не жалѣю о томъ, что умираю; объ одномъ только жалѣю я (тяжелый вздохъ прервалъ на минуту рѣчь ея) я жалѣю о томъ, что не знаю, на кого оставить васъ, кто присмотритъ за вами, когда я умру. Вы какъ дитя маленькое: нужно, чтобы любило васъ тò, которое будетъ ухаживать за вами». При этомъ на лицѣ ея выразилась такая глубокая, такая сокрушительная сердечная жалость, что я не знаю, могъ ли бы кто-нибудь въ то время глядѣть на нее равнодушно.

«Смотри мнѣ, Явдоха» говорила она, обращаясь къ ключницѣ, которую нарочно велѣла по-

звать: «когда я умру, чтобы ты глядѣла за паномъ, чтобы берегла его, какъ глаза своего, какъ свое родное дитя. Гляди, чтобы на кухнѣ готовилось то̀, что̀ онъ любитъ; чтобы бѣлье и платье ты ему подавала всегда чистое; чтобы, когда гости случатся, ты принарядила его прилично; а то, пожалуй, онъ иногда выйдетъ въ старомъ халатѣ, потому-что и теперь часто позабываетъ онъ, когда бываетъ праздничный день, а когда будничный. Не своди съ него глазъ, Явдоха; я буду молиться за тебя на томъ свѣтѣ, и Богъ наградитъ тебя; не забывай же, Явдоха: ты уже стара, тебѣ не долго жить, не набирай грѣха на душу. Когда же не будешь за нимъ присматривать, то не будетъ тебѣ счастія на свѣтѣ; я сама буду просить Бога, чтобы не давалъ тебѣ благополучной кончины. И сама ты будешь несчастна, и дѣти твои будутъ несчастны, и весь родъ вашъ не будетъ имѣть ни въ чемъ благословенія божія».

Бѣдная старушка! она въ то время не думала ни о той великой минутѣ, которая ее ожидаетъ, ни о душѣ своей, ни о будущей своей жизни: она думала только о бѣдномъ своемъ спутникѣ, съ которымъ провела жизнь и котораго оставляла

сирымъ и безпріютнымъ. Она съ необыкновенною расторопностію распорядила все такимъ-образомъ, чтобы послѣ нея Аѳанасій Ивановичъ не замѣтилъ ея отсутствія. Увѣренность ея въ близкой своей кончинѣ такъ была сильна, и состояніе души ея такъ было къ этому настроено, что дѣйствительно чрезъ нѣсколько дней она слегла въ постелю и не могла уже принимать никакой пищи. Аѳанасій Ивановичъ весь превратился во внимательность и не отходилъ отъ ея постели. «Можетъ-быть, вы чего-нибудь бы покушали, Пульхерія Ивановна?» говорилъ онъ, съ безпокойствомъ смотря въ глаза ей. Но Пульхерія Ивановна ничего не говорила. Наконецъ послѣ долгаго молчанія, какъ-будто хотѣла она что-то сказать, пошевелила губами — и дыханіе ея улетѣло.

Аѳанасій Ивановичъ былъ совершенно пораженъ; это такъ казалось ему дико, что онъ даже не заплакалъ; мутными глазами глядѣлъ онъ на нее, какъ-бы не зная всего значенія трупа.

Покойницу положили на столъ, одѣли въ то самое платье, которое она сама назначила, сложили ей руки крестомъ, дали въ руки восковую свѣчу — онъ на все это глядѣлъ безчувствен-

но. Множество народа всякаго званія наполнило дворъ, множество гостей пріѣхало на похороны, длинные столы разставлены были по двору, кутья, наливки, пироги лежали кучами; гости говорили, плакали, глядѣли на покойницу, разсуждали о ея качествахъ, смотрѣли на него; но онъ самъ на все это глядѣлъ странно. Покойницу наконецъ понесли, народъ повалилъ слѣдомъ, и онъ пошелъ за нею; священники были въ полномъ облаченіи, солнце свѣтило, грудные младенцы плакали на рукахъ матерей, жаворонки пѣли, дѣти въ рубашенкахъ бѣгали и рѣзвились по дорогѣ. Наконецъ гробъ поставили надъ ямой, ему велѣли подойти и поцаловать въ послѣдній разъ покойницу: онъ подошелъ, поцаловалъ, на глазахъ его показались слезы, но какія-то безчувственныя слезы. Гробъ опустили, священникъ взялъ заступъ и первый бросилъ горсть земли, густой протяжный хоръ дьячка и двухъ пономарей пропѣлъ вѣчную память подъ чистымъ безоблачнымъ небомъ, работники принялись за заступы, и земля уже покрыла и сравняла яму, — въ это время онъ пробрался впередъ; всѣ разступились, дали ему мѣсто, желая знать его намѣреніе. Онъ поднялъ

глаза свои, посмотрѣлъ смутно и сказалъ: «Такъ вотъ это вы уже и погребли ее! зачѣмъ?!...» Онъ остановился и не докончилъ своей рѣчи.

Но когда возвратился онъ домой, когда увидѣлъ, что пусто въ его комнатѣ, что даже стулъ, на которомъ сидѣла Пульхерія Ивановна, былъ вынесенъ — онъ рыдалъ, рыдалъ сильно, рыдалъ неутѣшно и, слезы, какъ рѣка, лились изъ его тусклыхъ очей.

Пять лѣтъ прошло съ того времени. Какого горя не уноситъ время? Какая страсть уцѣлѣетъ въ неровной битвѣ съ нимъ? Я зналъ одного человѣка въ цвѣтѣ юныхъ еще силъ, исполненнаго истиннаго благородства и достоинствъ, я зналъ его влюбленнымъ нѣжно, страстно, бѣшено, дерзко, скромно, и при мнѣ, при моихъ глазахъ почти, предметъ его страсти — нѣжная, прекрасная, какъ ангелъ — была поражена ненасытною смертію. Я никогда не видалъ такихъ ужасныхъ порывовъ душевнаго страданія, такой бѣшеной палящей тоски, такого пожирающаго отчаянія, какія волновали несчастнаго любовника. Я никогда не думалъ, чтобы могъ человѣкъ создать для себя такой адъ, въ которомъ ни тѣни, ни образа и ничего, что̀ бы сколь-

ко-нибудь походило на надежду.... Его старались не выпускать изъ глазъ; отъ него спрятали всѣ орудія, которыми бы онъ могъ умертвить себя. Двѣ недѣли спустя, онъ вдругъ побѣдилъ себя: началъ смѣяться, шутить; ему дали свободу; и первое, на что онъ употребилъ ее, это было купить пистолетъ. Въ одинъ день внезапно раздавшійся выстрѣлъ перепугалъ ужасно его родныхъ; они вбѣжали въ его комнату и увидѣли его распростертаго съ раздробленнымъ черепомъ. Врачъ, случившійся тогда, объ искусствѣ котораго гремѣла всеобщая молва, увидѣлъ въ немъ признаки существованія, нашелъ рану несовсѣмъ смертельною, — и онъ, къ изумленію всѣхъ, былъ вылеченъ. Присмотръ за нимъ увеличили еще болѣе: даже за столомъ не клали возлѣ него ножа и старались удалить все, чѣмъ бы могъ онъ себя ударить; но онъ въ скоромъ времени нашелъ новый случай и бросился подъ колеса проѣзжавшаго экипажа. Ему раздробило руку и ногу; но онъ опять былъ вылеченъ. Годъ послѣ этого я видѣлъ его въ одномъ многолюдномъ залѣ: онъ сидѣлъ за столомъ, весело говорилъ: «птит-увертъ» закрывши одну карту, и за нимъ стоя-

ла, облокотившись на спинку его стула, молоденькая жена его, перебирая его марки.

По истеченіи сказанныхъ пяти лѣтъ послѣ смерти Пульхеріи Ивановны, я, будучи въ тѣхъ мѣстахъ, заѣхалъ въ хуторокъ Аѳанасія Ивановича навѣстить моего стариннаго сосѣда, у котораго когда-то пріятно проводилъ день и всегда объѣдался лучшими издѣліями радушной хозяйки. Когда я подъѣхалъ ко двору, домъ мнѣ показался вдвое старѣе, крестьянскія избы совсѣмъ легли на бокъ, безъ-сомнѣнія такъ же, какъ и владѣльцы ихъ; частоколъ и плетень въ дворѣ были совсѣмъ разрушены, и я видѣлъ самъ, какъ кухарка выдергивала изъ него палки для затопки печи, тогда какъ ей нужно было сдѣлать только два шага лишнихъ, чтобы достать тутъ же наваленнаго хворосту. Я съ грустью подъѣхалъ къ крыльцу; тѣ же самые барбосы и бровки, уже слѣпые, или съ перебитыми ногами, залаяли, поднявши вверхъ свои волнистые, обвѣшенные репейниками хвосты. На-встрѣчу вышелъ старикъ. Такъ, это онъ! я тотчасъ узналъ его; но онъ согнулся уже вдвое противъ прежняго. Онъ узналъ меня и привѣтствовалъ съ тою же знакомою мнѣ улыбкою; я вошелъ за нимъ въ

комнаты; казалось, все было въ нихъ по-прежнему, но я замѣтилъ во всемъ какой-то странный безпорядокъ, какое-то ощутительное отсутствіе чего-то; словомъ, я ощутилъ въ себѣ тѣ странныя чувства, которыя одолѣваютъ нами, когда мы вступаемъ первый разъ въ жилище вдовца, котораго прежде знали нераздѣльнымъ съ подругою, сопровождавшею его всю жизнь. Чувства эти бываютъ похожи на то, когда видимъ передъ собою безъ ноги человѣка, котораго всегда знали здоровымъ. Во всемъ видно было отсутствіе заботливой Пульхеріи Ивановны: за столомъ подали одинъ ножъ безъ черенка; блюда уже не были приготовлены съ такимъ искусствомъ; о хозяйствѣ я не хотѣлъ и спросить, боялся даже и взглянуть на хозяйственныя заведенія.

Когда мы сѣли за столъ, дѣвка завязала Аѳанасія Ивановича салфеткою и очень хорошо сдѣлала, потому-что безъ того онъ бы весь халатъ свой запачкалъ соусомъ. Я старался его чѣмъ-нибудь занять и разсказывалъ ему разныя новости; онъ слушалъ съ тою же улыбкою, но повременамъ взглядъ его былъ совершенно безчувственъ, и мысли не разбродились, но исчезали.

Часто подымалъ онъ ложку съ кашею и вмѣсто того, чтобы подносить ко рту, подносилъ къ носу; вилку свою, вмѣсто того, чтобы воткнуть въ кусокъ цыпленка, онъ тыкалъ въ графинъ, и тогда дѣвка, взявши его за руку, наводила на цыпленка. Мы иногда ожидали по-нѣскольку минутъ слѣдующаго блюда. Аѳанасій Ивановичъ уже самъ замѣчалъ это и говорилъ: «что это такъ долго не несутъ кушанья?» Но я видѣлъ сквозь щель въ дверяхъ, что мальчикъ, разносившій намъ блюда, вовсе не думалъ о томъ и спалъ, свѣсивши голову на скамью.

«Вотъ это то кушанье» сказалъ Аѳанасій Ивановичъ, когда подали намъ *мнишки* со сметаною: «это то кушанье» продолжалъ онъ, и я замѣтилъ, что голосъ его началъ дрожать, и слеза готовилась выглянуть изъ его свинцовыхъ глазъ, но онъ собиралъ всѣ усилія, желая удержать ее. «Это то кушанье, которое по... по... покой... покойни...» и вдругъ брызнулъ слезами; рука его упала на тарелку, тарелка опрокинулась, полетѣла и разбилась, соусъ залилъ его всего; онъ сидѣлъ безчувственно, безчувственно держалъ ложку, и слезы, какъ ручей, какъ немолчно-теку-

щій фонтанъ, лились, лились ливмя на застилавшую его салфетку.

Боже! думалъ я, глядя на него: пять лѣтъ всеистребляющаго времени — старикъ уже безчувственный, старикъ, котораго жизнь, казалось, ни разу не возмущало ни одно сильное ощущеніе души, котораго вся жизнь, казалось, состояла только изъ сидѣнія на высокомъ стулѣ, изъ ѣденія сушеныхъ рыбокъ и грушъ, изъ добродушныхъ разсказовъ — и такая долгая, такая жаркая печаль? Что же сильнѣе надъ нами: страсть или привычка? Или всѣ сильные порывы, весь вихорь нашихъ желаній и кипящихъ страстей — есть только слѣдствіе нашего яркаго возраста и только по тому одному кажутся глубоки и сокрушительны? Что бы ни было, но въ это время мнѣ казались дѣтскими всѣ наши страсти противъ этой долгой, медленной, почти безчувственной привычки. Нѣсколько разъ силился онъ выговорить имя покойницы, но на половинѣ слова спокойное и обыкновенное лицо его судорожно исковеркивалось, и плачъ дитяти поражалъ меня въ самое сердце. Нѣтъ, это не тѣ слезы, на которыя обыкновенно такъ щедры старички, представляющіе вамъ жалкое свое по-

ложеніе и несчастія; это были также не тѣ слезы, которыя они роняютъ за стаканомъ пуншу: нѣтъ, это были слезы, которыя текли, не спрашиваясь, сами-собою, накопляясь отъ ѣдкости боли уже охладѣвшаго сердца.

Онъ не долго послѣ того жилъ. Я недавно услышалъ о его смерти. Странно однако жъ то̀, что обстоятельства кончины его имѣли какое-то сходство съ кончиною Пульхеріи Ивановны. Въ одинъ день Аѳанасій Ивановичъ рѣшился немного пройтись по саду. Когда онъ медленно шелъ по дорожкѣ, съ обыкновенною своею безпечностію, вовсе не имѣя никакой мысли, съ нимъ случилось странное происшествіе. Онъ вдругъ услышалъ, что позади его произнесъ кто-то довольно явственнымъ голосомъ: «Аѳанасій Ивановичъ!» Онъ оборотился, но никого совершенно не было; посмотрѣлъ во всѣ стороны, заглянулъ въ кусты — нигдѣ никого. День былъ тихъ и солнце сіяло. Онъ на минуту задумался; лицо его както оживилось, и онъ наконецъ произнесъ: «это Пульхерія Ивановна зоветъ меня!» Вамъ, безъ-сомнѣнія, когда-нибудь случалось слышать голосъ, называющій васъ по имени, который простолюдины объясняютъ тѣмъ, что душа стоскова-

лась за человѣкомъ и призываетъ его, и послѣ котораго слѣдуетъ неминуемо смерть. Признаюсь, мнѣ всегда былъ страшенъ этотъ таинственный зовъ. Я помню, что въ дѣтствѣ часто его слышалъ: иногда вдругъ позади меня кто-то явственно произносилъ мое имя. День обыкновенно въ это время былъ самый ясный и солнечный; ни одинъ листъ въ саду на деревѣ не шевелился; тишина была мертвая; даже кузнечикъ въ это время переставалъ кричать; ни души въ саду; но, признаюсь, если бы ночь самая бѣшеная и бурная, со всѣмъ адомъ стихій, настигла меня одного среди непроходимаго лѣса, я бы не такъ испугался ея, какъ этой ужасной тишины, среди безоблачнаго дня. Я обыкновенно тогда бѣжалъ съ величайшимъ страхомъ и занимавшимся дыханіемъ изъ саду, и тогда только успокоивался, когда попадался мнѣ навстрѣчу какой-нибудь человѣкъ, видъ котораго изгонялъ эту страшную сердечную пустыню.

Онъ весь покорился своему душевному убѣжденію, что Пульхерія Ивановна зоветъ его; онъ покорился съ волею послушнаго ребенка, сохнулъ, кашлялъ, таялъ, какъ свѣчка, и наконецъ угасъ, такъ какъ она, когда уже ничего не осталось,

чтò бы могло поддержать бѣдное ея пламя. «Положите меня возлѣ Пульхеріи Ивановны»—вотъ все, чтò произнесъ онъ передъ своею кончиною.

Желаніе его исполнили и похоронили возлѣ церкви близъ могилы Пульхеріи Ивановны. Гостей было меньше на похоронахъ, но простаго народу и нищихъ было такое же множество. Домикъ барскій уже сдѣлался вовсе пустъ. Предпріимчивый прикащикъ вмѣстѣ съ войтомъ перетащили въ свои избы всѣ оставшіяся старинныя вещи и рухлядь, которую не могла утащить ключница. Скоро пріѣхалъ, неизвѣстно откуда, какой-то дальній родственникъ, наслѣдникъ имѣнія, служившій прежде поручикомъ, не помню, въ какомъ полку, страшный реформаторъ. Онъ увидѣлъ тотчасъ величайшее разстройство и упущеніе въ хозяйственныхъ дѣлахъ; все это рѣшился онъ непремѣнно искоренить, исправить и ввести во всемъ порядокъ. Накупилъ шесть прекрасныхъ англійскихъ серповъ, приколотилъ къ каждой избѣ особенный нумеръ, и наконецъ такъ хорошо распорядился, что имѣніе черезъ шесть мѣсяцевъ взято было въ опеку. Мудрая опека (изъ одного бывшаго засѣдателя и какого-то штабсъ-капитана въ полинялотъ мундирѣ)

перевела въ непродолжительное время всѣхъ куръ и всѣ яйца. Избы, почти совсѣмъ лежавшія на землѣ, развалились вовсе; мужики распьянствовались и стали большею частію числиться въ бѣгахъ. Самъ же настоящій владѣтель, который впрочемъ жилъ довольно мирно съ своею опекою и пилъ вмѣстѣ съ нею пуншъ, пріѣзжалъ очень рѣдко въ свою деревню и проживалъ не долго. Онъ до-сихъ-поръ ѣздитъ по всѣмъ ярмаркамъ въ Малороссіи; тщательно освѣдомляется и примѣнивается къ цѣнамъ на разныя большія произведенія, продающіяся оптомъ, какъ-то: муку, пеньку, медъ и прочее; но покупаетъ только небольшія бездѣлушки, какъ-то: кремешки, гвоздь прочищать трубку, и вообще все то, что не превышаетъ всѣмъ оптомъ своимъ цѣны одного рубля.

ТАРАСЪ БУЛЬБА.

ТАРАСЪ БУЛЬБА.

I.

«А поворотись-ка сынъ! Экой ты смѣшной какой! Что это на васъ за поповскіе подрясники? И этакъ всѣ ходятъ въ академіи?» Такими словами встрѣтилъ старый Бульба двухъ сыновей своихъ, учившихся въ кіевской бурсѣ и пріѣхавшихъ уже домой къ отцу.

Сыновья его только-что слѣзли съ коней. Это

были два дюжіе молодца, еще смотрѣвшіе изъ-подлобья, какъ недавно выпущенные семинаристы. Крѣпкія, здоровыя лица ихъ были покрыты первымъ пухомъ волосъ, котораго еще не касалась бритва. Они были очень смущены такимъ пріемомъ отца и стояли неподвижно, потупивъ глаза въ землю.

«Стойте, стойте! дайте мнѣ разглядѣть васъ хорошенько» продолжалъ онъ, поворачивая ихъ: «какія же длинныя на васъ свитки! экія свитки! такихъ свитокъ еще и на свѣтѣ не было. А побѣги который-нибудь изъ васъ! я посмотрю, не шлепнется ли онъ на землю, запутавшись въ полы».

«Не смѣйся, не смѣйся батьку!» сказалъ наконецъ старшій изъ нихъ.

«Смотри ты какой пышный! а отчего жъ бы не смѣяться?»

«Да такъ; хоть ты мнѣ и батько, а какъ будешь смѣяться, то, ейбогу поколочу!»

«Ахъ ты сякой-такой сынъ! какъ, батька?» сказалъ Тарасъ Бульба, отступивши съ удивленіемъ нѣсколько шаговъ назадъ.

«Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого».

«Какъ же хочешь ты со мною биться, развѣ на кулаки?»

«Да ужъ на чемъ бы тò ни было».

«Ну, давай на кулаки!» говорилъ Тарасъ Бульба, засучивъ рукава: «посмотрю я, что̀ за человѣкъ ты въ кулакѣ!» И отецъ съ сыномъ, вмѣсто привѣтствія послѣ давней отлучки, начали садить другъ другу тумаки и въ бока, и въ поясницу, и въ грудь, то отступая и оглядывая, то вновь наступая.

«Смотрите, добрые люди: одурѣлъ старый! совсѣмъ спятилъ съ ума!» говорила блѣдная, худощавая и добрая мать ихъ, стоявшая у порога и неуспѣвшая еще обнять ненаглядныхъ дѣтей своихъ: «дѣти пріѣхали домой, больше года ихъ не видѣли, а онъ задумалъ ни-вѣсть что̀: на кулаки биться!»

«Да онъ славно бьется!» говорилъ Бульба, остановившись: «ейбогу, хорошо!» продолжалъ онъ, немного оправляясь: «такъ, хоть бы даже и не пробовать. Добрый будетъ казакъ! Ну, здорово сынку!» почеломкаемся!» И отецъ съ сыномъ стали цаловаться. «Добре, сынку! Вотъ такъ колоти всякаго, какъ меня тузилъ: никому не спускай! а все-таки на тебѣ смѣшное убранство:

что это за веревка виситъ? А ты, Бейбасъ, что стоишь и руки опустилъ?» говорилъ онъ, обращаясь къ младшему: «что жъ ты, собачій сынъ, не поколотишь меня?»

«Вотъ еще что̀ выдумалъ!» говорила мать, обнимавшая между-тѣмъ младшаго: «и придетъ же въ голову этакое, чтобы дитя родное било отца. Да будто и до того теперь: дитя молодое, проѣхало столько пути, утомилось... (это дитя было двадцати слишкомъ лѣтъ и ровно въ сажень ростомъ) ему бы теперь нужно опочить и поѣсть чего-нибудь, а онъ заставляетъ его биться!»

«Э, да ты мазунчикъ, какъ я вижу!» говорилъ Бульба: «не слушай, сынку, матери: она баба, она ничего не знаетъ. Какая вамъ нѣжба? Ваша нѣжба — чистое поле да добрый конь: вотъ ваша нѣжба! А видите вотъ эту саблю—вотъ ваша матерь! Это все дрянь, чѣмъ набиваютъ головы ваши: и академіи, и всѣ тѣ книжки, буквари и философія, и все это: *ка зна що* — я плевать на все это». Здѣсь Бульба пригналъ въ строку такое слово, которое даже не употребляется въ печати. «А вотъ, лучше, я васъ на той же недѣлѣ отправлю на Запорожье. Вотъ гдѣ

наука! Тамъ вамъ школа; тамъ только наберетесь разуму».

«И всего только одну недѣлю быть имъ дома?» говорила жалостно, со слезами на глазахъ, худощавая старуха-мать: «и погулять имъ, бѣднымъ, не удастся, не удастся и дому роднаго узнать, и мнѣ не удастся наглядѣться на нихъ».

«Полно, полно выть, старуха. Казакъ не на то̀, чтобы возиться съ бабами. Ты бы спрятала ихъ обоихъ себѣ подъ юбку, да и сидѣла бы на нихъ, какъ на куриныхъ яйцахъ. Ступай, ступай, да ставь намъ скорѣе на столъ все, что̀ есть. Не нужно пампушекъ, медовиковъ, маковниковъ и другихъ пундиковъ; тащи намъ всего барана, козу давай, меды сорокалѣтніе! да горѣлки побольше, не съ выдумками горѣлки, съ изюмомъ и всякими вытребеньками, а чистой пѣнной горѣлки, чтобъ играла и шипѣла какъ бѣшеная».

Бульба повелъ сыновей своихъ въ свѣтлицу, откуда проворно выбѣжали двѣ красивыя дѣвки, прислужницы, въ червонныхъ монистахъ, прибиравшія комнаты. Онѣ, какъ видно, испугались пріѣзда паничей, не любившихъ спускать никому, или же, просто, хотѣли соблюсти

свой женскій обычай: вскрикнуть и броситься опрометью, увидѣвши мужчину, и потомъ долго закрываться отъ сильнаго стыда рукавомъ. Свѣтлица была убрана во вкусѣ того времени, о которомъ живые намеки остались только въ пѣсняхъ, да въ народныхъ думахъ, уже не поющихся больше на Украйнѣ бородатыми старцами-слѣпцами въ сопровожденіи тихаго треньканья бандуры и ввиду обступившаго народа; во вкусѣ того браннаго, труднаго времени, когда начались разыгрываться схватки и битвы на Украйнѣ за унію. Все было чисто, вымазано цвѣтной глиною. На стѣнахъ сабли, нагайки, сѣтки для птицъ, невода и ружья, хитро обдѣланный рогъ для пороху, золотая уздечка на коня и путы съ серебряными бляхами. Окна въ свѣтлицѣ были маленькія, съ круглыми, тусклыми стеклами, какія встрѣчаются нынѣ только въ старинныхъ церквахъ, сквозь которыя иначе нельзя было глядѣть, какъ приподнявъ подвижное стекло. Вокругъ оконъ и дверей были красные отводы. На полкахъ по угламъ стояли кувшины, бутыли и фляжки зеленаго и синяго стекла, рѣзные серебряные кубки, позолоченныя чарки всякой работы: венецейской, турецкой, черкесской, за-

шедшіе въ свѣтлицу Бульбы всякими путями черезъ третьи и четвертыя руки, что было весьма обыкновенно въ тѣ удалыя времена. Берестовыя скамьи вокругъ всей комнаты; огромный столъ подъ образами въ переднемъ углу; широкая печь съ запечьями, уступами и выступами, покрытая цвѣтными пестрыми изразцами. Все это было очень знакомо нашимъ двумъ молодцамъ, приходившимъ каждый годъ домой на каникулярное время, приходившимъ потому, что у нихъ не было еще коней и потому, что не въ обычаѣ было позволять школярамъ ѣздить верхомъ. У нихъ были только длинные чубы, за которые могъ выдрать ихъ всякій казакъ, носившій оружіе. Бульба только при выпускѣ ихъ послалъ имъ изъ табуна своего пару молодыхъ жеребцовъ.

Бульба, по случаю пріѣзда сыновей, велѣлъ созвать всѣхъ сотниковъ и весь полковой чинъ, кто только былъ на-лицо; и когда пришли двое изъ нихъ и ссаулъ Дмитро Токвачъ, старый его товарищъ, онъ имъ тотъ же часъ ихъ представилъ, говоря: «вотъ смотрите, какіе молодцы! на Сѣчь ихъ скоро пошлю». Гости поздравили и Бульбу и обоихъ юношей и сказали имъ, что доброе дѣ-

ло дѣлаютъ и что нѣтъ лучшей науки для молодаго человѣка, какъ Запорожская Сѣчь.

«Нужъ, паны браты, садись всякій, гдѣ кому лучше, за столъ. Ну, сынки! прежде всего выпьемъ горѣлки!» такъ говорилъ Бульба: «Боже благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остапъ, и ты, Андрій! Дай же Боже, чтобъ вы на войнѣ всегда были удачливы! чтобы бусурмановъ били, и турковъ бы били, и татаровъ били бы, когда и ляхи начнутъ что̀ противъ вѣры нашей чинить, то и ляховъ бы били. Ну, подставляй свою чарку; что, хороша горѣлка? А какъ по-латини горѣлка? То-то сынку, дурни были латинцы: они и не знали, есть ли на свѣтѣ горѣлка. Какъ-бишь того звали, что латинскіе вирши писалъ? Я грамотѣ разумѣю не сильно, а потому и не знаю: Горацій, что ли?»

«Вишь какой батько!» подумалъ про-себя старшій сынъ, Остапъ: «все старая собака, знаетъ, а еще и прикидывается».

«Я думаю, архимандритъ не давалъ вамъ и понюхать горѣлки» продолжалъ Тарасъ: «а признайтесь, сынки, крѣпко стегали васъ березовыми и свѣжимъ вѣникомъ по спинѣ и по всему, что̀ ни есть у казака? А можетъ, такъ-какъ

вы сдѣлались уже слишкомъ разумные, такъ, можетъ, и плетюганами пороли; чай, не только по субботамъ, а доставалось и въ среду, и въ четвергъ?»

«Нечего, батько, вспоминать, что̀ было» отвѣчалъ Остапъ: «что̀ было, то̀ прошло!»

«Пусть теперь попробуетъ!» сказалъ Андрій; «пускай только теперь кто-нибудь зацѣпитъ; вотъ пусть только подвернется теперь какая-нибудь татарва, будетъ знать она, что̀ за вещь казацкая сабля».

«Добре сынку! ейбогу добре! Да когда на то̀ пошло, то и я съ вами ѣду! ейбогу ѣду. Какого дьявола мнѣ здѣсь ждать? чтобъ я сталъ гречкосѣемъ, домоводомъ, глядѣть за овцами, да за свиньями, да бабиться съ женой? Да пропади они: я казакъ: не хочу! Такъ что̀ же, что нѣтъ войны? я такъ поѣду съ вами на Запорожье погулять; ейбогу ѣду!» И старый Бульба мало-помалу горячился, горячился, наконецъ разсердился совсѣмъ, всталъ изъ-за стола и пріосанившись, топнулъ ногою. «Завтра же ѣдемъ! зачѣмъ откладывать? какого врага мы можемъ здѣсь высидѣть? на что̀ намъ эта хата? къ чему намъ все это? на что̀ эти горшки?» Сказавши это, онъ

началъ колотить и швырять горшки и фляжки. Бѣдная старушка, привыкшая уже къ такимъ поступкамъ своего мужа, печально глядѣла, сидя на лавкѣ. Она не смѣла ничего говорить; но услыша о такомъ страшномъ для нея рѣшеніи, она не могла удержаться отъ слезъ; взглянула на дѣтей своихъ, съ которыми угрожала ей такая скорая разлука — и никто бы не могъ описать всей безмолвной силы ея горести, которая, казалось, трепетала въ глазахъ ея и въ судорожно-сжатыхъ губахъ. Бульба былъ упрямъ страшно. Это былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые могли возникнуть только въ тяжелый XV вѣкъ на полукочующемъ углу Европы, когда вся южная первобытная Россія, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена дотла неукротимыми набѣгами монгольскихъ хищниковъ; когда, лишившись дома и кровли, сталъ здѣсь отваженъ человѣкъ; когда на пожарищахъ, въ-виду грозныхъ сосѣдей и вѣчной опасности, селился онъ и привыкалъ глядѣть имъ прямо въ очи, разучившись знать, существуетъ ли какая боязнь на свѣтѣ; когда браннымъ пламенемъ объялся древле-мирный славянскій духъ и завелось казачество — широкая разгульная замашка

русской природы, и когда всѣ порѣчья, перевозы, прибрежныя пологія и льготныя мѣста усѣялись казаками, которымъ и счету никто не вѣдалъ, и смѣлые товарищи ихъ были вправѣ отвѣчать султану, пожелавшему знать о числѣ ихъ: «кто ихъ знаетъ! у насъ ихъ по всему степу, что̀ байракъ, то̀ казакъ» (что̀ маленькій пригорокъ, тамъ ужъ и казакъ). Это было точно необыкновенное явленье русской силы: его вышибло изъ народной груди огниво бѣдъ. Вмѣсто прежнихъ удѣловъ, мелкихъ городковъ, наполненныхъ псарями и ловчими, вмѣсто враждующихъ и торгующихъ городами мелкихъ князей возникли грозныя селенія, курени и околицы, связанные общей опасностью и ненавистью противъ нехристіанскихъ хищниковъ. Уже извѣстно всѣмъ изъ исторіи, какъ ихъ вѣчная борьба и безпокойная жизнь спасли Европу отъ неукротимыхъ стремленій, грозившихъ ее опрокинуть. Короли польскіе, очутившіеся намѣсто удѣльныхъ князей властителями этихъ пространныхъ земель, хотя отдаленными и слабыми, поняли значеніе казаковъ и выгоды такой бранной, строптивой жизни. Они поощряли ихъ и льстили этому расположенію. Подъ ихъ отдален-

ною властью гетманы, избранные изъ среды самихъ же казаковъ, преобразовали околицы и курени въ полки и правильные округи. Это не было строевое собранное войско, его бы никто не увидалъ; но въ случаѣ войны и общаго движенья, въ восемь дней, небольше, всякій являлся на конѣ во всемъ своемъ вооруженіи, получа одинъ только червонецъ платы отъ короля, и въ двѣ недѣли набиралось такое войско, какого бы не въ силахъ были набрать никакіе рекрутскіе наборы. Кончился походъ, воинъ уходилъ въ луга и пашни, на днѣпровскіе перевозы, ловилъ рыбу, торговалъ, варилъ пиво и былъ вольный казакъ. Современные иноземцы справедливо дивились тогда необыкновеннымъ способностямъ его. Не было ремесла, котораго бы не зналъ казакъ: накурить вина, снарядить телегу, намолоть пороху, справить кузнецкую, слесарную работу и, въ прибавку къ тому — гулять напропалую, пить и бражничать, какъ только можетъ одинъ русскій — все это было ему по-плечу. Кромѣ рейстровыхъ казаковъ, считавшихъ обязанностью являться во время войны, можно было во всякое время, въ случаѣ большой потребности, набрать цѣлыя толпы охочекомонныхъ: стоило только

есауламъ пройти по рынкамъ и площадямъ всѣхъ селъ и мѣстечекъ и прокричать во весь голосъ, ставши на телегу: «эй, вы, пивники, броварники, полно вамъ пиво варить, да валяться по запечьямъ, да кормить своимъ жирнымъ тѣломъ мухъ! Ступайте славы рыцарской и чести добиваться! Вы, плугари, гречкосѣи, овцеводы, баболюбы, полно вамъ за плугомъ ходить, да пачкать въ землѣ свои жолтые чоботы, да (подбираться къ жинкамъ) и губить силу рыцарскую! пора доставать казацкой славы!» И слова эти были, какъ искры падающія на сухое дерево. Пахарь ломалъ свой плугъ, бровары и пивовары кидали свои кадки и били бочки, ремесленникъ и торгашъ посылалъ къ чорту и ремесло и лавку, билъ горшки въ домѣ, — и все, что ни было, садилось на коня. Словомъ, русскій характеръ получилъ здѣсь могучій, широкій размахъ, крѣпкую наружность. Тарасъ былъ одинъ изъ числа коренныхъ, старыхъ полковниковъ: весь былъ онъ созданъ для бранной тревоги и отличался грубой прямотой своего нрава. Тогда вліяніе Польши начинало уже оказываться на русскомъ дворянствѣ. Многіе перенимали уже польскіе обычаи, заводили роскошь, великолѣп-

ныя прислуги, соколовъ, ловчихъ, обѣды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Онъ любилъ простую жизнь казаковъ и перессорился съ тѣми изъ своихъ товарищей, которые были наклонны къ варшавской сторонѣ, называя ихъ холопьями польскихъ пановъ. Вѣчно неугомонный, онъ считалъ себя законнымъ защитникомъ православія. Самоуправно входилъ въ села, гдѣ только жаловались на притѣсненія арендаторовъ и на прибавку новыхъ пошлинъ съ дыма. Самъ, съ своими казаками, производилъ надъ ними расправу и положилъ себѣ правиломъ, что въ трехъ случаяхъ всегда слѣдуетъ взяться за саблю, именно: когда коммисары не уважали въ чемъ старшинъ и стояли предъ ними въ шапкахъ; когда поглумились надъ православіемъ и не почтили предковскаго закона, и наконецъ, когда враги были бусурманы и турки, противъ которыхъ онъ считалъ во всякомъ случаѣ позволительнымъ поднять оружіе во славу христіанства. Теперь онъ тѣшилъ себя заранѣе мыслью, какъ онъ явится съ двумя сыновьями своими въ Сѣчь и скажетъ: «вотъ посмотрите, какихъ я молодцовъ привелъ къ вамъ!» Какъ представитъ ихъ всѣмъ старымъ, закаленнымъ въ битвахъ

товарищамъ, какъ поглядитъ на первые подвиги ихъ въ ратной наукѣ и бражничествѣ, которое почиталось тоже однимъ изъ главныхъ достоинствъ рыцаря. Онъ сначала хотѣлъ-было отправить ихъ однихъ; но при видѣ ихъ свѣжести, рослости, могучей тѣлесной красоты, вспыхнулъ воинскій духъ его, и онъ на другой же день рѣшился ѣхать съ ними самъ, хотя необходимостью этого была одна упрямая воля. Онъ уже хлопоталъ и отдавалъ приказы, выбиралъ коней и сбрую для молодыхъ сыновей, навѣдывался и въ конюшни и въ амбары, отобралъ слугъ, которые должны были завтра съ ними ѣхать. Есаулу Товкачу передалъ свою власть вмѣстѣ съ крѣпкимъ наказомъ явиться сей же часъ со всѣмъ полкомъ, если только онъ подастъ изъ Сѣчи какую-нибудь вѣсть. Хотя онъ былъ и навеселѣ и въ головѣ его еще бродилъ хмѣль, однако жъ не забылъ ничего. Даже отдалъ приказъ напоить коней и всыпать имъ въ ясли крупной и первой пшеницы, и пришелъ усталый отъ своихъ заботъ.

«Ну, дѣти, теперь надобно спать, а завтра будемъ дѣлать то̀, что̀ Богъ дастъ. Да не стели намъ постель! намъ не нужна постель: мы будемъ спать на дворѣ».

Ночь еще только-что обняла небо, но Бульба всегда ложился рано. Онъ развалился на коврѣ, накрылся бараньимъ тулупомъ, потому-что ночной воздухъ былъ довольно свѣжъ и потому-что Бульба любилъ укрыться потеплѣе, когда былъ дома. Онъ вскорѣ захрапѣлъ, и за нимъ послѣдовалъ весь дворъ; все, что ни лежало въ разныхъ его углахъ, захрапѣло и запѣло; прежде всего заснулъ сторожъ, потому-что болѣе всѣхъ напился для прiѣзда паничей. Одна бѣдная мать не спала; она приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ; она расчесывала гребнемъ ихъ молодыя, небрежно всклокоченныя кудри и смачивала ихъ слезами; она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣнiе и не могла наглядѣться. Она вскормила ихъ собственною грудью; она возростила, взлелѣяла ихъ — и только на одинъ мигъ видитъ ихъ передъ собою. «Сыны мои, сыны мои милые! что̀ будетъ съ вами? что̀ ждетъ васъ?» говорила она, и слезы остановились въ морщинахъ, измѣнившихъ когда-то прекрасное лицо ея. Въ-самомъ-дѣлѣ она была жалка, какъ всякая женщина того удалаго вѣка. Она мигъ только жила любовью, только въ первую горячку страсти, въ

первую горячку юности, и уже суровый прельститель ея покидалъ ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видѣла мужа въ годъ два, три дня, и потомъ нѣсколько лѣтъ о немъ не бывало слуху. Да и когда видѣлась съ нимъ, когда они жили вмѣстѣ, что за жизнь ея была? Она терпѣла оскорбленія, даже побои; она видѣла изъ милости только оказываемыя ласки; она была какое-то странное существо въ этомъ сборищѣ безжизненныхъ рыцарей, на которыхъ разгульное Запорожье набрасывало суровый колоритъ свой. Молодость безъ наслажденія мелькнула передъ нею, и ея прекрасныя свѣжія щеки и перси безъ лобзаній отцвѣли и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, всѣ чувства, все, что есть нѣжнаго и страстнаго въ женщинѣ, все обратилось у нея въ одно материнское чувство. Она съ жаромъ, съ страстью, со слезами, какъ степная чайка, вилась надъ дѣтьми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нея; берутъ для того, чтобы не увидѣть ихъ никогда. Кто знаетъ, можетъ-быть, при первой битвѣ татаринъ срубитъ имъ головы, и она не будетъ знать, гдѣ лежатъ брошенныя тѣла ихъ, которыя расклюетъ хищная подорожная птица и

за каждый кусочекъ которыхъ, за каждую каплю крови она отдала бы все. Рыдая, глядѣла она имъ въ очи, которыя всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать, и думала: «авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочитъ денька на два отъѣздъ; можетъ-быть, онъ задумалъ оттого такъ скоро ѣхать, что много выпилъ».

Мѣсяцъ съ вышины неба давно уже озарялъ весь дворъ, наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколъ, окружавшій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ, ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ и не думала о снѣ. Уже кони, чуя разсвѣтъ, всѣ полегли на траву и перестали ѣсть; верхніе листья вербъ начали лепетать и мало-по-малу лепечущая струя спустилась по нимъ до самаго низу. Она просидѣла до самаго свѣта, вовсе не утомилась и внутренно желала, чтобы ночь протянулась какъ можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржаніе жеребенка; красныя полосы ясно сверкнули на небѣ. Бульба вдругъ проснулся и вскочилъ; онъ очень хорошо помнилъ все, что̀ приказывалъ вчера.

«Ну, хлопцы, полно спать! пора, пора! На-

пойте коней! А гдѣ стара? (такъ онъ обыкновенно называлъ жену свою). Живѣе, стара, готовь намъ ѣсть, потому-что путь великій лежитъ!»

Бѣдная старушка, лишенная послѣдней надежды, уныло поплелась въ хату. Между-тѣмъ, какъ она со слезами готовила все, что̀ нужно къ завтраку, Бульба раздавалъ свои приказанія; возился на конюшнѣ и самъ выбиралъ для дѣтей своихъ лучшія убранства. Бурсаки вдругъ преобразились: на нихъ явились, вмѣсто прежнихъ запачканныхъ сапоговъ, сафьянные красные съ серебряными подковами, шаровары шириною въ Черное море, съ тысячью складокъ и со сборами, перетянулись золотымъ очкуромъ; къ очкуру прицѣплены были длинные ремешки съ кистями и прочими побрякушками для трубки. Казакинъ алаго цвѣта, сукна яркаго, какъ огонь, опоясался узорчатымъ поясомъ, чеканные турецкіе пистолеты были засунуты за поясъ; сабля брякала по ногамъ ихъ. Ихъ лица, еще мало загорѣвшія, казалось, похорошѣли и побѣлѣли; молодые, черные усы теперь какъ-то ярче оттѣняли бѣлизну ихъ и здоровый, мощный цвѣтъ юности; они бы-

ли хороши подъ черными бараньими шапками съ золотымъ верхомъ. Бѣдная мать! она какъ увидѣла ихъ, она и слова не могла промолвить, и слезы остановились въ глазахъ ея.

«Ну, сыны, все готово! нечего мѣшкать» произнесъ наконецъ Бульба: «теперь, по обычаю христіанскому, нужно передъ дорогою всѣмъ присѣсть».

Всѣ сѣли, не выключая даже и хлопцевъ, стоявшихъ почтительно у дверей.

«Теперь благослови, мать, дѣтей своихъ!» сказалъ Бульба: «моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь лыцарскую *, чтобы стояли всегда за вѣру Христову, а не то пусть лучше пропадутъ, чтобы и духу ихъ не было на свѣтѣ! Подойдите, дѣти, къ матери: молитва материнская и на водѣ и на землѣ спасаетъ». Мать слабая, какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы, надѣла имъ, рыдая, на шею. «Пусть хранитъ васъ.... Божья Матерь.... не забывайте, сынки, мать вашу.... пришлите хоть вѣсточку о себѣ...» далѣе она не могла говорить.

«Ну, пойдемъ, дѣти!» сказалъ Бульба. У

* Рыцарскую.

крыльца стояли осѣдланные кони. Бульба вскочилъ на своего Чорта, который бѣшено отшатнулся, почувствовавъ на себѣ двадцати-пудовое бремя, потому-что Бульба былъ чрезвычайно тяжелъ и толстъ. Когда увидѣла мать, что уже и сыны ея сѣли на коней, она кинулась къ меньшому, у котораго въ чертахъ лица выражалось болѣе какой-то нѣжности; она схватила его за стремя, она прилипла къ сѣдлу его и, съ отчаяньемъ во всѣхъ чертахъ, не выпускала его изъ рукъ своихъ. Два дюжихъ казака взяли ее бережно и унесли въ хату. Но когда выѣхали они за ворота, она со всею легкостію дикой козы, несообразной ея лѣтамъ, выбѣжала за ворота, съ непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного изъ сыновей съ какою-то помѣшанною, безчувственною горячностію; ее опять увели. Молодые казаки ѣхали смутно и удерживали слезы, боясь отца своего, который однако же, съ своей стороны, тоже былъ нѣсколько смущенъ, хотя старался этого не показывать. День былъ сѣрый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали както въ разладъ. Они, проѣхавши, оглянулись назадъ: хуторъ ихъ какъ-будто ушелъ въ землю; только стояли на землѣ

двѣ трубы ихъ скромнаго домика; одиѣ только вершины деревъ, деревъ, по сучьямъ которыхъ они лазили, какъ бѣлки; одинъ только дальній лугъ еще стлался передъ ними, тотъ лугъ, по которому они могли припомнить всю исторію жизни, отъ лѣтъ, когда валялись по росистой травѣ его, до лѣтъ, когда поджидали въ немъ чернобровую казачку, боязливо летѣвшую чрезъ него съ помощію своихъ свѣжихъ, быстрыхъ ножекъ. Вотъ уже одинъ только шестъ надъ колодцемъ съ привязаннымъ вверху колесомъ отъ телеги, одиноко торчитъ въ небѣ; уже равнина, которую они проѣхали, кажется издали горою и все собою закрыла. Прощайте и дѣтство, и игры, и все, и все!

═

II.

Всѣ три всадника ѣхали молчаливо. Старый Тарасъ думалъ о давнемъ: передъ нимъ проходила его молодость, его лѣта, его протекшія лѣта, о которыхъ всегда почти плачетъ казакъ, желавшій бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Онъ думалъ о томъ, кого онъ встрѣтитъ на Сѣчѣ изъ своихъ прежнихъ сотоварищей. Онъ вычислялъ, какіе уже перемерли, какіе живутъ

еще. Слеза тихо круглилась на его зѣницѣ, и посѣдѣвшая голова его уныло понурилась.

Сыновья его были заняты другими мыслями. Но нужно сказать поболѣе о сыновьяхъ его. Они были отданы по двѣнадцатому году въ кіевскую академію, потому-что всѣ почетные сановники тогдашняго времени считали необходимостью дать воспитаніе своимъ дѣтямъ, хотя это дѣлалось съ тѣмъ, чтобы послѣ совершенно позабыть его. Они тогда были, какъ всѣ, поступавшіе въ бурсу, дики, воспитаны на свободѣ, и тамъ уже они обыкновенно нѣсколько шлифовались и получали что-то общее, дѣлавшее ихъ похожими другъ на друга. Старшій, Остапъ, началъ съ того свое поприще, что въ первый годъ еще бѣжалъ. Его возвратили, высѣкли страшно и засадили за книгу. Четыре раза закапывалъ онъ свой букварь въ землю и четыре раза, отодравши его безчеловѣчно, покупали ему новый. Но безъ-сомнѣнія, онъ повторилъ бы и въ пятый, если бы отецъ не далъ ему торжественнаго обѣщанія продержать его въ монастырскихъ служкахъ цѣлыя двадцать лѣтъ и не поклялся напередъ, что онъ не увидитъ Запорожья во-вѣки, если не выучится въ академіи всѣмъ наукамъ.

Любопытно, что это говорилъ тотъ же самый Тарасъ Бульба, который бранилъ всю ученость и совѣтывалъ, какъ мы уже видѣли, дѣтямъ вовсе не заниматься ею. Съ этого времени Остапъ началъ съ необыкновеннымъ стараніемъ сидѣть за скучною книгою и скоро сталъ на ряду съ лучшими. Тогдашній родъ ученія страшно расходился съ образомъ жизни: эти схоластическія, грамматическія, реторическія и логическія тонкости рѣшительно не прикасались ко времени, никогда не примѣнялись и не повторялись въ жизни. Учившіеся имъ ни къ чему не могли привязать своихъ познаній, хотя бы даже менѣе схоластическихъ. Самые тогдашніе ученые болѣе другихъ были невѣжды, потому-что вовсе были удалены отъ опыта. Притомъ же это республиканское устройство бурсы, это ужасное множество молодыхъ, дюжихъ, здоровыхъ людей, все это должно было имъ внушить дѣятельность совершенно внѣ ихъ учебнаго занятія. Иногда плохое содержаніе, иногда частыя наказанія голодомъ, иногда многія потребности, возбуждающіяся въ свѣжемъ, здоровомъ, крѣпкомъ юношѣ, все это, соединившись, раждало въ нихъ ту предпріимчивость, которая послѣ развивалась на Запоро-

жьѣ. Голодная бурса рыскала по улицамъ Кіева и заставляла всѣхъ быть осторожными. Торговки, сидѣвшія на базарѣ, всегда закрывали руками своими пироги, бублики, сѣмячки изъ тыквъ, какъ орлицы дѣтей своихъ, если только видѣли проходившаго бурсака. Консулъ, долженствовавшій, по обязанности своей, наблюдать надъ подвѣдомственными ему сотоварищами, имѣлъ такіе страшные карманы въ своихъ шараварахъ, что могъ помѣстить туда всю лавку зазѣвавшейся торговки. Эти бурсаки составляли совершенно отдѣльный міръ: въ кругъ высшій, состоявшій изъ польскихъ и русскихъ дворянъ, они не допускались. Самъ воевода, Адамъ Кисель, несмотря на оказываемое покровительство академіи, не вводилъ ихъ въ общество и приказывалъ держать ихъ построже. Впрочемъ, это наставленіе было вовсе излишне, потому-что ректоръ и профессоры-монахи не жалѣли лозъ и плетей, и часто ликторы, по ихъ приказанію, пороли своихъ консуловъ такъ жестоко, что тѣ нѣсколько недѣль почесывали свои шаравары. Многимъ изъ нихъ это было вовсе ничего и казалось немного чѣмъ крѣпче хорошей водки съ перцемъ; другимъ, наконецъ, сильно надоѣдали такія безпре-

станныя припарки, и они убѣгали на Запорожье, если умѣли найти дорогу и если не были перехватываемы на пути. Остапъ Бульба, несмотря на то̀, что началъ съ большимъ стараніемъ учить логику и даже богословіе, никакъ не избавлялся неумолимыхъ розогъ. Естественно, что все это должно было какъ-то ожесточить характеръ и сообщить ему твердость, всегда отличавшую казаковъ. Остапъ считался всегда однимъ изъ лучшихъ товарищей. Онъ рѣдко предводительствовалъ другими въ дерзкихъ предпріятіяхъ — обобрать чужой садъ или огородъ, но зато онъ былъ всегда однимъ изъ первыхъ, приходившихъ подъ знамена предпріимчиваго бурсака и никогда, ни въ какомъ случаѣ не выдавалъ своихъ товарищей; никакія плети и розги не могли заставить его это сдѣлать. Онъ былъ суровъ къ другимъ побужденіямъ, кромѣ войны и разгульной пирушки; по-крайней-мѣрѣ никогда почти о другомъ не думалъ. Онъ былъ прямодушенъ съ равными. Онъ имѣлъ доброту въ такомъ видѣ, въ какомъ она могла только существовать при такомъ характерѣ и въ тогдашнее время. Онъ душевно былъ тронутъ слезами бѣд-

ной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

Меньшой братъ его, Андрій, имѣлъ чувства нѣсколько живѣе и какъ-то болѣе развитыя. Онъ учился охотнѣе и безъ напряженія, съ какимъ обыкновенно принимается тяжелый и сильный характеръ. Онъ былъ изобрѣтательнѣе своего брата; чаще являлся предводителемъ довольно опаснаго предпріятія и иногда, съ помощію изобрѣтательнаго ума своего, умѣлъ увертываться отъ наказанія, тогда-какъ братъ его, Остапъ, отложивши всякое попеченіе, скидалъ съ себя свитку и ложился на полъ, вовсе не думая просить о помилованіи. Онъ также кипѣлъ жаждою подвига, но вмѣстѣ съ нею душа его была доступна и другимъ чувствамъ. Потребность любви вспыхнула въ немъ живо, когда онъ перешелъ за восьмнадцать лѣтъ; женщина чаще стала представляться горячимъ мечтамъ его; онъ, слушая философическіе диспуты, видѣлъ ее поминутно свѣжую, черноокую, нѣжную; предъ нимъ безпрерывно мелькали ея сверкающія, упругія перси; нѣжная, прекрасная, вся обнаженная рука; самое платье, облипавшее вокругъ ея дѣвственныхъ и вмѣстѣ мощныхъ членовъ,

дышало въ мечтахъ его какимъ-то невыразимымъ сладострастіемъ. Онъ тщательно скрывалъ отъ своихъ товарищей эти движенія страстной юношеской души, потому-что въ тогдашній вѣкъ было стыдно и безчестно думать казаку о женщинѣ и любви, не отвѣдавъ битвы. Вообще въ послѣдніе годы онъ рѣже являлся предводителемъ какой-нибудь ватаги, но чаще бродилъ одинъ гдѣ-нибудь въ уединенномъ закоулкѣ Кіева, потопленномъ въ вишневыхъ садахъ, среди низенькихъ домиковъ, заманчиво глядѣвшихъ на улицу. Иногда онъ забирался и въ улицу аристократовъ, въ нынѣшнемъ старомъ Кіевѣ, гдѣ жили малороссійскіе и польскіе дворяне и гдѣ домы были выстроены съ нѣкоторою прихотливостію. Одинъ разъ, когда онъ зазѣвался, наѣхала почти на него колымага какого-то польскаго пана, и сидѣвшій на козлахъ возница съ престрашными усами хлыснулъ его довольно исправно бичемъ. Молодой бурсакъ вскипѣлъ: съ безумною смѣлостію схватилъ онъ мощною рукою своею за заднее колесо и остановилъ колымагу. Но кучеръ, опасаясь раздѣлки, ударилъ по лошадямъ, онѣ рванули, — и Андрій, къ счастію, успѣвшій отхватить руку, шлепнулся на землю прямо ли-

цомъ въ грязь. Самый звонкій и гармоническій смѣхъ раздался надъ нимъ. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ стоявшую у окна красавицу, какой еще не видывалъ отъ-роду: черноглазую и бѣлую, какъ снѣгъ, озаренный утреннимъ румянцемъ солнца. Она смѣялась отъ всей души и смѣхъ придавалъ сверкающую силу ея ослѣпительной красотѣ. Онъ оторопѣлъ. Онъ глядѣлъ на нее, совсѣмъ потерявшись, разсѣянно обтирая съ лица своего грязь, которою еще болѣе замазывался. Кто бы была эта красавица? Онъ хотѣлъ-было узнать отъ дворни, которая толпою въ богатомъ убранствѣ стояла за воротами, окруживши игравшаго молодаго бандуриста. Но дворня подняла смѣхъ, увидѣвши его запачканную рожу, и не удостоила его отвѣтомъ. Наконецъ онъ узналъ, что это была дочь пріѣхавшаго на-время ковенскаго воеводы. Въ слѣдующую же ночь, съ свойственною однимъ бурсакамъ дерзостію онъ пролѣзъ чрезъ частоколъ въ садъ, взлѣзъ на дерево, которое раскинулось вѣтвями и упиралось въ самую крышу дома; съ дерева перелѣзъ на крышу и черезъ трубу камина пробрался прямо въ спальню красавицы, которая въ это время сидѣла предъ свѣчею и вынимала

изъ ушей своихъ дорогія серьги. Прекрасная полячка такъ испугалась, увидѣвши вдругъ передъ собою незнакомаго человѣка, что не могла произнести ни одного слова; но когда увидѣла, что бурсакъ стоялъ, потупивъ глаза и не смѣя отъ робости пошевелить рукою, когда узнала въ немъ того же самаго, который хлопнулся передъ ея глазами на улицѣ, смѣхъ вновь овладѣлъ ею. Притомъ въ чертахъ Андрія ничего не было страшнаго: онъ былъ очень хорошъ собою. Она отъ души смѣялась и долго забавлялась надъ нимъ. Красавица была вѣтрена, какъ полячка; но глаза ея, глаза чудесные, пронзительно-ясные, бросали взглядъ долгій, какъ постоянство. Бурсакъ не могъ пошевелить рукою и былъ связанъ, какъ въ мѣшкѣ, когда дочь воеводы смѣло подошла къ нему, надѣла ему на голову свою блистательную діадему, повѣсила на губы ему серьги и накинула на него кисейную прозрачную шемизетку съ фестонами, вышитыми золотомъ. Она убирала его и дѣлала съ нимъ тысячу разныхъ глупостей съ развязностію дитяти, которою отличаются вѣтреныя полячки и которая повергла бѣднаго бурсака въ бо̀льшее еще смущеніе. Онъ представлялъ смѣшную фигуру, рас-

крывши ротъ и глядя неподвижно въ ея ослѣпительныя очи. Раздавшійся у дверей стукъ пробудилъ въ ней испугъ. Она велѣла ему спрятаться подъ кровать, и какъ только безпокойство прошло, она кликнула свою горничную, плѣнную татарку, и дала ей приказаніе осторожно вывесть его въ садъ и оттуда отправить черезъ заборъ. Но на этотъ разъ бурсакъ нашъ не такъ счастливо перебрался черезъ заборъ: проснувшійся сторожъ хватилъ его порядочно по ногамъ, и собравшаяся дворня долго колотила его уже на улицѣ, покамѣстъ быстрыя ноги не спасли его. Послѣ этого, проходить мимо дома было очень опасно, потому-что дворня у воеводы была многочисленна. Онъ увидѣлъ ее еще разъ въ костелѣ: она замѣтила его и очень пріятно усмѣхнулась, какъ давнему знакомому; онъ видѣлъ ее вскользь еще одинъ разъ, и послѣ этого воевода ковенскій скоро уѣхалъ, и вмѣсто прекрасной, черноглазой полячки выглядывало изъ оконъ какое-то толстое лицо. Вотъ о чемъ думалъ Андрій, повѣсивъ голову и потупивъ глаза въ гриву коня своего.

А между-тѣмъ степь уже давно приняла ихъ всѣхъ въ свои зеленыя объятія и высокая трава,

обступивши, скрыла ихъ, и только черныя казачьи шапки однѣ мелькали между ея колосьями.

«Э, э, э! что же это вы, хлопцы, такъ притихли?» сказалъ наконецъ Бульба, очнувшись отъ своей задумчивости: «какъ-будто какіе-нибудь чернецы! Ну, разомъ, разомъ! Всѣ думки къ нечистому! Берите въ зубы люльки, да закуримъ, да пришпоримъ коней, да полетимъ такъ, чтобы и птица не угналась за нами».

И казаки, прилегши нѣсколько къ конямъ, пропали въ травѣ. Уже и черныхъ шапокъ нельзя было видѣть; одна только быстрая молнія сжимаемой травы показывала бѣгъ ихъ.

Солнце выглянуло давно на расчищенномъ небѣ и живительнымъ, теплотворнымъ свѣтомъ своимъ облило степь. Все, что смутно и сонно было на душѣ у казаковъ, вмигъ слетѣло, сердца ихъ встрепенулись, какъ птицы.

Степь чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе. Тогда весь югъ, все то пространство, которое составляетъ нынѣшнюю Новороссію, до самаго Чернаго моря, было зеленою, дѣвственною пустынею. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растеній; одни

только кони, скрывавшіеся въ нихъ, какъ въ лѣсу, вытаптывали ихъ. Ничто въ природѣ не могло быть лучше ихъ. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубыя, синія и лиловыя волошки; жолтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтико-образными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный, Богъ знаетъ откуда, колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ былъ наполненъ тысячью разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался, Богъ знаетъ въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха; вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ одною черною точкою; вонъ она перевернулась крылами и блеснула передъ солнцемъ... Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!...

Наши путешественники останавливались только на нѣсколько минутъ для обѣда; причемъ ѣхавшій съ ними отрядъ, состоявшій изъ десяти казаковъ, слѣзалъ съ лошадей, отвязывалъ деревянныя баклажки съ горѣлкою и тыквы, употребляемыя вмѣсто сосудовъ. Ѣли только хлѣбъ съ саломъ, или коржи, пили только по одной чаркѣ, единственно для подкрѣпленія, потому-что Тарасъ Бульба не позволялъ никогда напиваться въ дорогѣ, и продолжали путь до вечера. Вечеромъ вся степь совершенно перемѣнялась: все пестрое пространство ея охватывалось послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло, такъ-что видно было, какъ тѣнь перебѣгала по немъ, и она становилась темно-зеленою; испаренія подымались гуще; каждый цвѣтокъ, каждая травка испускали амбру, и вся степь курилась благовоніемъ. По небу изголуба-темному, какъ будто исполинскою кистью, наляпаны были широкія полосы изъ розоваго золота; изрѣдка бѣлѣли клоками легкія и прозрачныя облака, и самый свѣжій, обольстительный, какъ морскія волны, вѣтерокъ едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть дотрогивался до щекъ. Вся музыка, наполнявшая день, утихала и смѣнялась

другою. Пестрые овражки выползывали изъ норъ своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Трещаніе кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какого-нибудь уединеннаго озера крикъ лебедя и, какъ серебро, отдавался въ воздухѣ. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлегъ, раскладывали огонь и ставили на него котелъ, въ которомъ варили себѣ кулишъ; паръ отдѣлялся и косвенно дымился на воздухѣ. Поужинавъ, казаки ложились спать, пустивши по травѣ спутанныхъ коней своихъ. Они раскидывались на свиткахъ. На нихъ прямо глядѣли ночныя звѣзды. Они слышали своимъ ухомъ весь безчисленный міръ насѣкомыхъ, наполнявшихъ траву, весь ихъ трескъ, свистъ, краканье, все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось въ свѣжемъ ночномъ воздухѣ и доходило до слуха гармоническимъ. Если же кто-нибудь изъ нихъ подымался и вставалъ на-время, то ему представлялась степь усѣянною блестящими искрами свѣтящихся червей. Иногда ночное небо въ разныхъ мѣстахъ освѣщалось дальнимъ заревомъ отъ выжигаемаго по лугамъ и рѣкамъ сухаго тростника, и темная вереница лебедей, ле-

тѣвшихъ на сѣверъ, вдругъ освѣщалась серебряно-розовымъ свѣтомъ, и тогда казалось, что красные платки летали по темному небу.

Путешественники ѣхали безъ всякихъ приключеній. Нигдѣ не попадались имъ деревья: все та же безконечная, вольная, прекрасная степь. По-временамъ только въ сторонѣ синѣли верхушки отдаленнаго лѣса, тянувшагося по берегамъ Днѣпра. Одинъ только разъ Тарасъ указалъ сыновьямъ на маленькую чернѣвшую въ дальней травѣ точку, сказавши: «смотрите, дѣтки, вонъ скачетъ татаринъ!» Маленькая головка съ усами уставила издали прямо на нихъ узенькіе глаза свои, понюхала воздухъ, какъ гончая собака, и, какъ серна, пропала, увидѣвши, что казаковъ было тринадцать человѣкъ. «А ну, дѣти, попробуйте догнать татарина! и не пробуйте; вовѣки не поймаете: у него конь быстрѣе моего Чорта». Однакожъ Бульба взялъ предосторожность, опасаясь гдѣ-нибудь скрывшейся засады. Они прискакали къ небольшой рѣчкѣ, называвшейся Татаркою и впадающей въ Днѣпръ, кинулись въ воду съ конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть слѣдъ свой, и тогда уже, выбравшись на берегъ, они продол-

жали путь. Чрезъ три дня послѣ этого они были уже не далеко отъ мѣста, бывшаго предметомъ ихъ поѣздки. Въ воздухѣ вдругъ захолодѣло; они почувствовали близость Днѣпра. Вотъ онъ сверкаетъ вдали и темною полосою отдѣлился отъ горизонта. Онъ вѣялъ холодными волнами и разстилался ближе, ближе, и наконецъ обхватилъ половину всей поверхности земли. Это было то мѣсто Днѣпра, гдѣ онъ, дотолѣ спертый порогами, бралъ наконецъ свое и шумѣлъ, какъ море, разлившись по волѣ, гдѣ брошенные въ средину его острова вытѣсняли его еще далѣе изъ береговъ и волны его стлались по самой землѣ, не встрѣчая ни утесовъ, ни возвышеній. Казаки сошли съ коней своихъ, взошли на паромъ и чрезъ три часа плаванія были уже у береговъ острова Хортицы, гдѣ была тогда Сѣча, такъ часто перемѣнявшая свое жилище. Куча народу бранилась на берегу съ перевощиками. Казаки оправили коней; Тарасъ пріосанился, стянулъ на себѣ покрѣпче поясъ и гордо провелъ рукою по усамъ. Молодые сыны его тоже осмотрѣли себя съ ногъ до головы съ какимъ-то страхомъ и неопредѣленнымъ удовольствіемъ, и всѣ вмѣстѣ въѣхали въ предмѣстье, находившееся за

полверсты отъ Сѣчи. При въѣздѣ ихъ оглушили пятьдесятъ кузнецкихъ молотовъ, ударявшихъ въ двадцати-пяти кузницахъ, покрытыхъ дерномъ и вырытыхъ въ землѣ. Сильные кожевники сидѣли подъ навѣсомъ крылецъ на улицѣ и мяли своими дюжими руками бычачьи кожи; крамари подъ ятками сидѣли съ кучами кремней, огнивами и порохомъ; армянинъ развѣсилъ дорогіе платки; татаринъ ворочалъ на рожнахъ бараньи катки съ тѣстомъ; жидъ, выставивъ впередъ свою голову, цѣдилъ изъ бочки горѣлку. Но первый, кто попался имъ на-встрѣчу, это былъ запорожецъ, спавшій на самой срединѣ дороги, раскинувъ руки и ноги. Тарасъ Бульба не могъ не остановиться и не полюбоваться на него.

«Эхъ какъ важно развернулся! Фу ты какая пышная фигура!» говорилъ онъ, остановивши коня. Въ-самомъ-дѣлѣ это была картина довольно смѣлая: запорожецъ, какъ левъ, растянулся на дорогѣ; закинутый гордо чубъ его захватывалъ на полъ-аршина земли; шаравары алаго дорогаго сукна были запачканы дегтемъ для показанія полнаго къ нимъ презрѣнія. Полюбовавшись, Бульба пробирался далѣе по тѣсной ули-

цѣ, которая была загромождена мастеровыми, тутъ же отправлявшими ремесло свое, и людьми всѣхъ націй, наполнявшими это предмѣстіе Сѣчи, которое было похоже на ярмарку и которое одѣвало и кормило Сѣчь, умѣвшую только гулять, да палить изъ ружей.

Наконецъ они минули предмѣстіе и увидѣли нѣсколько разбросанныхъ куреней, покрытыхъ дерномъ, или по-татарски, войлокомъ. Иные установлены были пушками. Нигдѣ не видно было забора, или тѣхъ низенькихъ домиковъ съ навѣсами на низенькихъ деревянныхъ столбикахъ, какіе были въ предмѣстьи. Небольшой валъ и засѣка, не хранимые рѣшительно никѣмъ, показывали страшную безпечность. Нѣсколько дюжихъ запорожцевъ, лежавшихъ съ трубками въ зубахъ на самой дорогѣ, посмотрѣли на нихъ довольно равнодушно и не сдвинулись съ мѣста. Тарасъ осторожно проѣхалъ съ сыновьями между нихъ, сказавши: «здравствуйте, панове!» — «Здравствуйте и вы!» отвѣчали запорожцы. Вездѣ по всему полю живописными кучами пестрѣлъ народъ. По смуглымъ лицамъ видно было, что всѣ были закалены въ битвахъ, испробовали всякихъ невзгодъ. Так

вотъ она, Сѣчь! Вотъ то гнѣздо, откуда вылетаютъ всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы! вотъ откуда разливается воля и казачество на всю Украйну! Путники выѣхали на обширную площадь, гдѣ обыкновенно собиралась рада. На большой опрокинутой бочкѣ сидѣлъ запорожецъ безъ рубашки; онъ держалъ въ рукахъ ее и медленно зашивалъ на ней дыры. Имъ опять перегородила дорогу цѣлая толпа музыкантовъ, въ серединѣ которыхъ отплясывалъ молодой запорожецъ, заломивши чортомъ свою шапку и вскинувши руками. Онъ кричалъ только: «живѣе играйте, музыканты! не жалѣй, Ѳома, горѣлки православнымъ христіянамъ!» И Ѳома, съ подбитымъ глазомъ, мѣрялъ безъ счету каждому приставашему по огромнѣйшей кружкѣ. Около молодаго запорожца четверо старыхъ выработывали довольно мелко ногами, вскидывались, какъ вихорь, на сторону, почти на голову музыкантамъ, и вдругъ, опустившись, неслися въ присядку и били круто и крѣпко своими серебряными подковами плотно убитую землю. Земля глухо гудѣла на всю окружность, и въ воздухѣ далече отдавались гопаки и тропаки, выбиваемые звонкими подковами сапоговъ. Но одинъ всѣхъ

живѣе вскрикивалъ и летѣлъ вслѣдъ за другими въ танцѣ. Чуприна развѣвалась по вѣтру, вся открыта была сильная грудь; теплый зимній кожухъ былъ надѣтъ въ рукава, и потъ градомъ лился съ него, какъ изъ ведра. «Да сними хоть кожухъ!» сказалъ наконецъ Тарасъ: «видишь какъ па̀ритъ». — «Не можно» кричалъ запорожецъ. «Отчего?» — «Не можно; у меня ужъ такой нравъ: что̀ скину, то̀ пропью». А шапки ужъ давно не было на молодцѣ, ни пояса на кафтанѣ, ни шитаго платка: все пошло куда слѣдуетъ. Толпа, чѣмъ далѣе, росла; къ танцующимъ приставали другіе, и нельзя было видѣть безъ внутренняго движенья, какъ вся толпа отдирала танецъ самый вольный, самый бѣшеный, какой только видѣлъ когда-либо міръ и который, по своимъ мощнымъ изобрѣтателямъ, понесъ названіе казачка.

«Эхъ, если бы не конь!» вскрикнулъ Тарасъ: «пустился бы, право пустился бы самъ въ танецъ». А между-тѣмъ, межъ народомъ стали попадаться и степенные, уваженные по заслугамъ всею Сѣчью, сѣдые, старые чубы, бывавшіе не разъ старшинами. Тарасъ скоро встрѣтилъ множество знакомыхъ лицъ. Остапъ и Андрій слы-

шали только привѣтствія: «А, это ты, Печерица! Здравствуй, Козолупъ! Откуда Богъ несетъ тебя, Тарасъ? Ты какъ сюда зашелъ, Долото? Здорово Кирдяга! Здорово Густый! Думалъ ли я видѣть тебя, Ремень?» И витязи, собравшіеся со всего разгульнаго міра восточной Россіи, цаловались взаимно, и тутъ понеслись вопросы: «а что Касьянъ? что Бородавка? что Колоперъ? что Пидсышокъ?» и слышалъ только въ отвѣтъ Тарасъ Бульба, что Бородавка повѣшенъ въ Толопанѣ, что съ Колопера содрали кожу подъ Кизикирменомъ, что пидсышкова голова посолена въ бочкѣ и отправлена въ самый Царь-градъ. Понурилъ голову старый Бульба и раздумчиво говорилъ: «добрые были казаки!»

═

III.

Уже около недѣли Тарасъ Бульба жилъ съ сыновьями своими на Сѣчѣ. Остапъ и Андрій мало занимались военною школою. Сѣчь не любила затруднять себя военными упражненіями и терять время; юношество воспитывалось и образовывалось въ ней однимъ опытомъ, въ самомъ пылу битвы, которыя оттого были почти безпрерывны. Казаки почитали скучнымъ запи-

мать промежутки изученіемъ какой-нибудь дисциплины, кромѣ развѣ стрѣльбы въ цѣль, да изрѣдка конной скачки и гоньбы за звѣремъ въ степяхъ и лугахъ; все прочее время отдавалось гульбѣ — признаку широкаго размета душевной воли. Вся Сѣча представляла необыкновенное явленіе: это было какое-то безпрерывное пиршество; балъ, начавшійся шумно и потерявшій конецъ свой. Нѣкоторые занимались ремеслами, иные держали лавочки и торговали; но большая часть гуляла съ утра до вечера, если въ карманахъ звучала возможность и добытое добро не перешло еще въ руки торгашей и шинкарей. Это общее пиршество имѣло въ себѣ что-то околдовывающее. Оно не было какое-нибудь сборище бражниковъ, напивавшихся съ-горя; но было просто какое-то бѣшеное разгулье веселости. Всякій, приходящій сюда, позабывалъ и бросалъ все, что̀ дотолѣ его занимало. Онъ, можно сказать, плевалъ на все прошедшее и съ жаромъ фанатика предавался волѣ и товариществу такихъ же, какъ самъ, не имѣвшихъ ни родныхъ, ни угла, ни семейства, кромѣ вольнаго неба и вѣчнаго пира души своей. Это производило ту бѣшеную веселость, которая не могла бы родиться ни

изъ какого другаго источника. Разсказы и болтовня, которые можно было слышать среди собравшейся толпы, лѣниво отдыхавшей на землѣ, часто такъ были смѣшны и дышали такою силою живаго разсказа, что нужно было имѣть только одну хладнокровную наружность запорожца, чтобы сохранить во все время неподвижное выраженіе лица и не моргнуть даже усомъ — рѣзкая черта, которою отличается донынѣ отъ другихъ братьевъ своихъ южный россіянинъ. Веселость была пьяна, шумна, но при всемъ томъ это не былъ черный кабакъ, гдѣ мрачно, искаженными чертами веселія забывается человѣкъ; это былъ тѣсный кругъ школьныхъ товарищей. Разница была только въ томъ, что вмѣсто сидѣнія за указкой и пошлыхъ толковъ учителя, они производили набѣгъ на пяти тысячахъ коней; вмѣсто луга, на которомъ производилась игра въ мячикъ, у нихъ были неохраняемыя, безпечныя границы, въ виду которыхъ татаринъ выказывалъ быструю свою голову и неподвижно, сурово глядѣлъ турокъ въ зеленой чалмѣ своей. Разница та, что вмѣсто насильной воли, соединившей ихъ въ школѣ, они сами-собою кинули отцовъ и матерей и бѣжали

изъ родительскихъ домовъ своихъ; что здѣсь были тѣ, у которыхъ уже моталась около шеи веревка и которые, вмѣсто блѣдной смерти, увидѣли жизнь, и жизнь во всемъ разгулѣ; что здѣсь были тѣ, которые по благородному обычаю не могли удержать въ карманѣ своемъ копейки; что здѣсь были тѣ, которые дотолѣ червонецъ считали богатствомъ, у которыхъ, по милости арендаторовъ-жидовъ, карманы можно было выворотить безъ всякаго опасенія что-нибудь уронить. Здѣсь были всѣ бурсаки, которые не вынесли академическихъ лозъ и которые не вынесли изъ школы ни одной буквы; но вмѣстѣ съ этими здѣсь были и тѣ, которые знали, что̀ такое Горацій, Цицеронъ и римская республика. Тутъ было много тѣхъ офицеровъ, которые потомъ отличались въ королевскихъ войскахъ; тутъ было множество образовавшихся опытныхъ партизановъ, которые имѣли благородное убѣжденіе мыслить, что все равно, гдѣ бы ни воевать, только бы воевать, потому-что неприлично благородному человѣку быть безъ битвы. Много было и такихъ, которые пришли на Сѣчу съ тѣмъ, чтобы потомъ сказать, что они были на Сѣчѣ и уже закаленные рыцари. Но кого тутъ

не было? Эта странная республика была именно потребностію того вѣка. Охотники до военной жизни, до золотыхъ кубковъ, богатыхъ парчей, дукатовъ и реаловъ во всякое время могли найти здѣсь работу. Одни только обожатели женщинъ не могли найти здѣсь ничего, потому-что даже въ предмѣстье Сѣчи не смѣла показываться ни одна женщина. Остапу и Андрію показалось чрезвычайно страннымъ, что при нихъ же приходила на Сѣчу бездна народу и хоть бы кто-нибудь спросилъ: откуда эти люди, кто они и какъ ихъ зовутъ? Они приходили сюда, какъ-будто бы возвращаясь въ свой собственный домъ, изъ котораго только за часъ передъ тѣмъ вышли. Пришедшій являлся только къ кошевому, который обыкновенно говорилъ: «Здравствуй; что, во Христа вѣруешь?» — «Вѣрую!» отвѣчалъ приходившій. «И въ Троицу Святую вѣруешь?» — «Вѣрую!» — «И въ церковь ходишь?» — «Хожу». — «А ну перекрестись!» Пришедшій крестился. «Ну, хорошо!» отвѣчалъ кошевой: «ступай же, въ который самъ знаешь, курень». Этимъ оканчивалась вся церемонія. И вся Сѣча молилась въ одной церкви и готова была защищать ее до послѣдней капли крови, хотя и слы-

шать не хотѣла о постѣ и воздержаніи. Только побуждаемые сильною корыстію жиды, армяне и татары осмѣливались жить и торговать въ предмѣстьи, потому-что запорожцы никогда не любили торговаться, а сколько рука вынула изъ кармана денегъ, столько и платили. Впрочемъ участь этихъ корыстолюбивыхъ торгашей была очень жалка: они походили на тѣхъ, которые селились у подошвы Везувія, потому-что какъ только у запорожцевъ не ставало денегъ, то удалые разбивали ихъ лавочки и брали всегда даромъ. Сѣчь состояла изъ шестидесяти слишкомъ куреней, которые очень похожи были на отдѣльныя независимыя республики, а еще болѣе на школу и бурсу дѣтей, живущихъ на всемъ готовомъ. Никто ничѣмъ не заводился и ничего не держалъ у себя; все было на рукахъ у куреннаго атамана, который за это обыкновенно носилъ названіе «батька». У него были на рукахъ деньги, платья, весь харчъ, саламата, каша и даже топливо; ему отдавали деньги подъ сохранъ. Не рѣдко происходила ссора у куреней съ куренями: въ такомъ случаѣ дѣло тотъ же часъ доходило до драки. Курени покрывали площадь и кулаками ломали другъ другу бока,

покамѣстъ одни не пересиливали наконецъ и не брали верхъ, и тогда начиналась гульня. Такова была эта Сѣчь, имѣвшая столько приманокъ для молодыхъ людей. Остапъ и Андрій кинулись со всею пылкостію юношей въ это разгульное море, и забыли вмигъ и отцовскій домъ и бурсу и все, что̀ волновало прежде душу, и предались новой жизни. Все занимало ихъ: разгульные обычаи Сѣчи и немногосложная управа и законы, которые казались имъ тогда даже слишкомъ строгими среди такой своевольной республики. Если казакъ проворовался, укралъ какую-нибудь бездѣлицу, это считалось уже поношеніемъ всему казачеству: его, какъ безчестнаго, привязывали къ позорному столбу и клали возлѣ него дубину, которою всякій проходящій обязанъ былъ нанести ему ударъ, пока такимъ образомъ не забивали его до смерти. Не платившаго должника приковывали цѣпью къ пушкѣ, гдѣ долженъ былъ онъ сидѣть до-тѣхъ-поръ, пока кто-нибудь изъ товарищей не рѣшался его выкупить и заплатить за него долгъ. Но болѣе всего произвела впечатлѣніе на Андрія страшная казнь, опредѣленная за смертоубійство. Тутъ же при немъ вырыли яму, опустили туда живаго убійцу

и сверхъ него поставили гробъ, заключавшій тѣло имъ убіеннаго, и потомъ обоихъ засыпали землею. Долго потомъ все чудился ему страшный обрядъ казни и все представлялся этотъ заживо засыпанный человѣкъ вмѣстѣ съ ужаснымъ гробомъ.

Скоро оба молодые казака стали на хорошемъ счету у казаковъ. Часто вмѣстѣ съ другими товарищами своего куреня, а иногда со всѣмъ куренемъ и съ сосѣдними куренями выступали они въ степи для стрѣльбы несмѣтнаго числа всѣхъ возможныхъ степныхъ птицъ, оленей и козъ, или же выходили на озера, рѣки и протоки, отведенные по жребію каждому куреню, закидывать невода и сѣти и тащить богатыя тони на продовольствіе всего куреня. Хотя и не было тутъ науки, на которой пробуется казакъ; но они стали уже замѣтны между другими молодыми прямою удалью и удачливостью во всемъ. Бойко и мѣтко стрѣляли въ цѣль, переплывали Днѣпръ противъ теченія — дѣло, за которое новичекъ принимался торжественно въ казацкіе круги. Но старый Тарасъ готовилъ имъ другую дѣятельность. Ему не по душѣ была такая праздная жизнь — настоящаго дѣла хотѣлъ онъ. Онъ

все придумывалъ, какъ бы поднять Сѣчь на отважное предпріятіе, гдѣ бы можно было разгуляться, какъ слѣдуетъ рыцарю; наконецъ въ одинъ день пришелъ къ кошевому и сказалъ ему прямо:

«Что, кошевой, пора бы погулять запорожцамъ».

«Негдѣ погулять» отвѣчалъ кошевой, вынувши изо рту маленькую трубку и сплюнувъ на сторону.

«Какъ негдѣ? можно пойти на турещину или на татарву».

«Не можно ни въ турещину, ни на татарву» отвѣчалъ кошевой, взявши опять хладнокровно въ ротъ свою трубку.

«Какъ не можно?»

«Такъ; мы обѣщали султану миръ».

«Да вѣдь онъ бусурманъ: и Богъ и святое писаніе велитъ бить бусурмановъ».

«Не имѣемъ права. Если бъ не клялись еще нашею вѣрою, то, можетъ-быть, и можно было бы; а теперь нѣтъ, не можно».

«Какъ не можно? Какъ же ты говоришь: не имѣемъ права? Вотъ у меня два сына, оба молодые люди. Еще ни разу ни тотъ, ни другой не былъ на войнѣ, а ты говоришь — не имѣемъ

права; а ты говоришь, не нужно итти запорожцамъ».

«Ну, ужъ не слѣдуетъ такъ».

«Такъ стало-быть слѣдуетъ, чтобы пропадала даромъ казацкая сила, чтобы человѣкъ сгинулъ, какъ собака, безъ добраго дѣла, чтобы ни отчизнѣ, ни всему христіянству не было отъ него никакой пользы. Такъ на что же мы живемъ, на какого чорта мы живемъ, растолкуй ты мнѣ это. Ты человѣкъ умный, тебя не даромъ выбрали въ кошевые, растолкуй мнѣ, на что мы живемъ?»

Кошевой не далъ отвѣта на этотъ запросъ. Это былъ упрямый казакъ. Онъ не много помолчалъ и потомъ сказалъ: «а войнѣ все-таки не бывать».

«Такъ не бывать войнѣ?» спросилъ опять Тарасъ.

«Нѣтъ».

«Такъ ужъ и думать объ этомъ нечего?»

«И думать объ этомъ нечего».

«Постой же ты, чортовъ кулакъ!» сказалъ Бульба про-себя: «ты у меня будешь знать!» и положилъ тутъ же отомстить кошевому.

Сговорившись съ тѣмъ и другимъ, задалъ онъ

всѣмъ попойку, и хмѣльные казаки въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ повалили прямо на площадь, гдѣ стояли привязанныя къ столбу литавры, въ которыя обыкновенно били сборъ на раду; не нашедши палокъ, хранившихся всегда у довбиша, они схватили по полѣну въ руки и начали колотить въ нихъ. На бой прежде всего прибѣжалъ довбишъ, высокій человѣкъ съ однимъ только глазомъ, однако жъ несмотря на то̀ страшно заспаннымъ.

«Кто смѣетъ бить въ литавры?» закричалъ онъ.

«Молчи! возьми свои палки, да и колоти, когда тебѣ велятъ!» отвѣчали подгулявшіе старшины.

Довбишъ вынулъ тотчасъ изъ кармана палки, которыя онъ взялъ съ собою, очень хорошо зная окончаніе подобныхъ происшествій. Литавры грянули — и скоро на площадь, какъ шмели, стали собираться чорныя кучи запорожцевъ. Всѣ собрались въ кружокъ, и послѣ третьяго пробитья показались наконецъ старшины: кошевой съ палицей въ рукѣ, знакомъ своего достоинства, судья съ войсковою печатью, писарь съ чернилицею и ссаулъ съ жезломъ. Кошевой и

старшины сняли шапки и раскланялись на всѣ стороны казакамъ, которые гордо стояли, подпершись руками въ бока.

«Что значитъ это собранье, чего хотите панове?» сказалъ кошевой. Брань и крики не дали ему говорить.

«Клади палицу! клади, чортовъ сынъ, сей же часъ палицу! не хотимъ тебя больше» кричали изъ толпы казаки. Нѣкоторые изъ трезвыхъ куреней хотѣли, какъ казалось, противиться; но курени и пьяные и трезвые пошли на кулаки. Крикъ и шумъ сдѣлались общими.

Кошевой хотѣлъ-было говорить, но зная, что разъярившаяся, своевольная толпа можетъ за это прибить его на-смерть, что̀ всегда почти бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, поклонился очень низко, положилъ палицу и скрылся въ толпѣ.

«Прикажете, панове, и намъ положить знаки достоинства?» сказали судья, писарь и есаулъ, и готовились тутъ же положить чернилицу, войсковую печать и жезлъ.

«Нѣтъ, вы оставайтесь» закричали изъ толпы: «намъ нужно было только прогнать кошеваго, потому-что онъ баба, а намъ нужно человѣка въ кошевые».

«Кого же выберете теперь въ кошевые?» сказали старшины.

«Кукубенка выбрать!» кричала часть.

«Не хотимъ Кукубенка!» кричала другая: «рано ему: еще молоко не обсохло».

«Шило пусть будетъ атаманомъ!» кричали одни: «Шило посадить въ кошевые!»

«Въ спину тебѣ Шило!» кричала съ бранью толпа: «что онъ за казакъ, когда прокрался, собачій сынъ, какъ татаринъ. Къ чорту, въ мѣшокъ пьяницу Шила!»

«Бородатаго, Бородатаго посадимъ въ кошевые!»

«Не хотимъ Бородатаго! къ нечистой матери Бородатаго!»

«Кричите Кирдягу!» шепнулъ Тарасъ Бульба нѣкоторымъ.

«Кирдягу! Кирдягу!» кричала толпа: «Бородатаго, Бородатаго! Кирдяга, Кирдягу! Шила! къ чорту съ Шиломъ! Кирдягу!»

Всѣ кандидаты, услышавши произнесенными свои имена, тотчасъ же вышли изъ толпы, чтобы не подать никакого повода думать, будто бы они помогали личнымъ участьемъ своимъ въ избраніи.

«Кирдягу! Кирдягу!» раздавалось сильнѣе прочихъ: «Бородатаго!» Дѣло принялись доказывать кулаками, и Кирдяга восторжествовалъ.

«Ступайте за Кирдягою!» закричали. Человѣкъ десятокъ казаковъ отдѣлилось тутъ же изъ толпы; нѣкоторые изъ нихъ едва держались на ногахъ, — до такой степени успѣли нагрузиться, и отправились прямо къ Кирдягѣ объявить ему о его избраніи.

Кирдяга, хотя престарѣлый, но умный казакъ, давно уже сидѣлъ въ своемъ куренѣ и какъ-будто бы не вѣдалъ ни о чемъ происходившемъ. «Что, панове, что̀ вамъ нужно!» спросилъ онъ.

«Иди, тебя выбрали въ кошевые!»

«Помилосердствуйте, панове!» сказалъ Кирдяга: «гдѣ мнѣ быть достойну такой чести! гдѣ мнѣ быть кошевымъ! Да у меня и разума не хватитъ къ отправленію такой должности. Будто уже никого лучшаго не нашлось въ цѣломъ войскѣ?»

«Ступай же, говорятъ тебѣ!» кричали запорожцы. Двое изъ нихъ схватили его подъ руки, и какъ онъ ни упирался ногами, но былъ наконецъ притащенъ на площадь, сопровождаемый бранью, подталкиваньями сзади кулаками, пинками и увѣщаньями: «не пяться же, чортовъ

сынъ! принимай же честь, собака, когда тебѣ даютъ ее!» Такимъ образомъ введенъ былъ Кирдяга въ казачій кругъ.

«Что панове!» провозгласили во весь народъ приведшіе его: «согласны ли вы, чтобы сей казакъ былъ у насъ кошевымъ?»

«Всѣ согласны!» закричала толпа, и отъ крику долго гремѣло все поле.

Одинъ изъ старшинъ взялъ палицу и поднесъ ее новоизбранному кошевому. Кирдяга, по обычаю, тотчасъ же отказался. Старшина поднесъ въ другой разъ; Кирдяга отказался и въ другой разъ, и потомъ уже за третьимъ разомъ взялъ палицу. Ободрительный крикъ раздался по всей толпѣ, и вновь далеко загудѣло отъ казацкаго крику все поле. Тогда выступило изъ средины народа четверо самыхъ старыхъ сѣдоусыхъ и сѣдочупрыныхъ казаковъ (слишкомъ старыхъ не было на Сѣчѣ, ибо никто изъ запорожцевъ не умиралъ своею смертью) и взявши каждый въ руки земли, которая на ту пору отъ бывшаго дождя растворилась въ грязь, положили ее ему на голову. Стекла съ головы его мокрая земля, потекла по усамъ и по щекамъ и все лицо замарала ему грязью. Но Кирдяга

стоялъ, не сдвинувшись и благодарилъ казаковъ за оказанную честь. Такимъ образомъ кончилось шумное избраніе, которому, неизвѣстно, были ли такъ рады другіе, какъ радъ былъ Бульба, сначала потому, что отомстилъ первому кошевому, а потомъ потому, что Кирдяга былъ старый его товарищъ и бывалъ съ нимъ въ однихъ и тѣхъ же сухопутныхъ и морскихъ походахъ, дѣля суровости и труды боевой жизни. Толпа разбрелась тутъ же праздновать избранье и поднялась гульня, какой еще не видали дотолѣ Остапъ и Андрій. Винные шинки всѣ были разнесены; медъ, горѣлка и пиво забирались просто безъ денегъ; шинкари были уже рады и тому, что сами остались цѣлы. Вся ночь прошла въ крикахъ и пѣсняхъ, славившихъ подвиги, и взошедшій мѣсяцъ долго еще видѣлъ толпы музыкантовъ, проходившихъ по улицамъ, бандуры, турбаны, круглыя балалайки и церковныхъ пѣсельниковъ, которые держались на Сѣчѣ для пѣнья въ церкви и для восхваленія запорожскихъ дѣлъ. Наконецъ хмѣль и утомленье стали одолѣвать крѣпкія головы. И видно было понемногу, какъ то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ валялся казакъ; тамъ товарищъ, обнявши товарища, разчувство-

вавшись и даже заплакавши, валились оба на землю. Тамъ гурьбою улегалась цѣлая куча; тамъ выбиралъ иной, какъ бы получше ему улечься и легъ прямо на деревянную колоду. Послѣдній, который былъ покрѣпче, еще выводилъ какія-то безсвязныя рѣчи; наконецъ и того подкосила хмѣльная сила, и тотъ повалился, и заснула вся Сѣчь.

═

IV.

А на другой день Тарасъ Бульба уже совѣщался съ новымъ кошевымъ, какъ поднять запорожцевъ на какое-нибудь дѣло. Кошевой былъ умный и хитрый казакъ, зналъ вдоль и поперекъ запорожцевъ, и сначала сказалъ: «не можно клятвы преступить, никакъ не можно». А потомъ, помолчавши, прибавилъ: «ничего, можно; клятвы мы не преступимъ, а такъ кое-что при-

думаемъ. Пусть только соберется народъ, да не то чтобы по моему приказу, а просто своею охотою. Вы ужъ знаете, какъ это сдѣлать. А мы со старшинами тотчасъ и прибѣжимъ на площадь, будто бы ничего не знаемъ».

Не прошло часу послѣ ихъ разговора, какъ уже грянули въ литавры. Нашлись вдругъ и хмѣльные и неразумные казаки. Милліонъ казацкихъ шапокъ высыпался вдругъ на площадь. Поднялся говоръ: «что? зачѣмъ? изъ какого дѣла пробили сборъ?» Никто не отвѣчалъ. Наконецъ въ томъ и другомъ углу стало раздаваться: «вотъ пропадаетъ даромъ казацкая сила: нѣтъ войны! Вотъ старшины забайбачились на-повалъ, заплыли жиромъ очи! Нѣтъ, видно, правды на свѣтѣ!» Другіе казаки слушали сначала, а потомъ и сами стали говорить: «а и въ правду нѣтъ никакой правды на свѣтѣ!» Старшины казались изумленными отъ такихъ рѣчей. Наконецъ кошевой вышелъ впередъ и сказалъ: «позвольте, панове запорожцы, рѣчь держать?»

«Держи!»

«Вотъ въ разужденіи того теперь идетъ рѣчь, панове добродійство, да вы, можетъ-быть, и сами лучше это знаете, что многіе запорожцы по-

задолжались въ шинки жидамъ и своимъ братьямъ столько, что ни одинъ чортъ теперь и вѣры нейметъ. Потомъ опять въ разсужденіи того пойдетъ рѣчь, что есть много такихъ хлопцевъ, которые еще и въ глаза не видали, что̀ такое война, тогда-какъ молодому человѣку, и сами знаете, панове, безъ войны не можно пробыть. Какой и запорожецъ изъ него, если онъ еще ни разу не билъ бусурана?»

«Онъ хорошо говоритъ» подумалъ Бульба.

«Не думайте, панове, чтобы я впрочемъ говорилъ это для того, чтобы нарушить миръ; сохрани Богъ! я только такъ это говорю; притомъ же у насъ храмъ божій, грѣхъ сказать, что̀ такое. Вотъ сколько лѣтъ уже, какъ, по милости божіей, стоитъ Сѣчь, а до-сихъ-поръ, не то уже, чтобы наружность церкви, но даже внутренніе образа безъ всякаго убранства; хотя бы серебряную ризу кто догадался имъ выковать; они только то̀ и получили, что̀ отказали въ духовной иные казаки; да и даяніе ихъ было бѣдное, потому-что они почти все еще пропили при жизни своей. Такъ я все веду рѣчь эту не къ тому, чтобы начать войну съ бусурманами; ибо мы обѣщали султану миръ, и намъ бы великій

былъ грѣхъ, потому-что мы клялись по закону нашему».

«Что жъ онъ путаетъ такое?» сказалъ про-себя Бульба.

«Да, такъ видите, панове, что войны не можно начать: рыцарская честь не велитъ. А по своему бѣдному разуму вотъ что я думаю: пустить съ челнами однихъ молодыхъ; пусть не много пошарпаютъ берега Натоліи. Какъ думаете, панове?»

«Веди, веди всѣхъ!» закричала со всѣхъ сторонъ толпа: «за вѣру мы готовы положить головы».

Кошевой испугался; онъ ничуть не хотѣлъ подымать всего Запорожья: разорвать миръ ему казалось въ этомъ случаѣ дѣломъ не правымъ. «Позвольте, панове, еще одну рѣчь держать?»

«Довольно!» кричали запорожцы: «лучше не скажешь».

«Когда такъ, то пусть будетъ такъ. Я слуга вашей воли. Ужъ дѣло извѣстное, и по писанью извѣстно, что гласъ народа — гласъ божій. Ужъ умнѣе того нельзя выдумать, что весь народъ выдумалъ. Только вотъ что: вамъ извѣстно, панове, что султанъ не оставитъ безнаказанно то

удовольствіе, которымъ потѣшатся молодцы. А мы тѣмъ временемъ были бы наготовѣ, и силы у насъ были бы свѣжія, и никого бъ не побоялись. А во время отлучки и татарва можетъ напасть — они турецкія собаки, въ глаза не кинутся и къ хозяину на домъ не посмѣютъ прійти, а сзади укусятъ за пятки, да и больно укусятъ. Да если ужъ пошло на тò, чтобы говорить правду, у насъ и челновъ нѣтъ столько въ запасѣ, да и пороху не намолото въ такомъ количествѣ, чтобы можно было всѣмъ отправиться. А я, пожалуй, я радъ, я слуга вашей воли».

Хитрый атаманъ замолчалъ. Кучи начали переговариваться, куренные атаманы совѣщаться; пьяныхъ къ счастію было не много, и потому рѣшились послушаться благоразумнаго совѣта.

Въ тотъ же часъ отправилось нѣсколько человѣкъ на противуположный берегъ Днѣпра въ войсковую скарбницу, гдѣ, въ неприступныхъ тайникахъ подъ водою и въ камышахъ, скрывалась войсковая казна и часть добытыхъ у непріятеля оружій. Другіе всѣ бросились къ челнамъ осматривать ихъ и снаряжать въ дорогу. Вмигъ толпою народа наполнился берегъ. Нѣсколько плотниковъ явилось съ топорами въ рукахъ.

Старые, загорѣлые, широкоплечіе, дюженогіе запорожцы съ просѣдью въ усахъ и черноусые, засучивъ шаровары, стояли по колѣна въ водѣ и стягивали чолны съ берега крѣпкимъ канатомъ. Другіе таскали готовыя сухія бревна и всякія деревья. Тамъ обшивали досками чолнъ; тамъ, переворотивши его вверхъ дномъ, конопатили и смолили; тамъ привязывали къ бокамъ другихъ челновъ, по казацкому обычаю, связки длинныхъ камышей, чтобы не затопило челновъ морскою волною; тамъ дальше по всему прибрежью разложили костры и кипятили въ мѣдныхъ казанахъ смолу на заливанье судовъ. Бывалые и старые поучали молодыхъ. Стукъ и рабочій крикъ подымался по всей окружности; весь колебался и двигался живой берегъ.

Въ это время большой паромъ началъ причаливать къ берегу. Стоявшая на немъ толпа людей еще издали махала руками. Это были казаки въ оборванныхъ свиткахъ. Безпорядочный нарядъ (у многихъ ничего не было, кромѣ рубашки и коротенькой трубки въ зубахъ) показывалъ, что они или только-что избѣгнули какой-нибудь бѣды, или же до того загулялись, что прогуляли все, что ни было на тѣлѣ. Изъ сре-

ды ихъ отдѣлился и сталъ впереди приземистый, плечистый казакъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти. Онъ кричалъ и махалъ рукою сильнѣе всѣхъ; но за стукомъ и крикомъ рабочихъ не было слышно его словъ.

«А съ чѣмъ пріѣхали?» сказалъ кошевой, когда паромъ приворачивалъ къ берегу. Всѣ рабочіе, остановивъ свои работы, поднявъ топоры, долота, прекратили стукотню и смотрѣли въ ожиданіи.

«Съ бѣдою!» кричалъ съ парома приземистый казакъ.

«Съ какою?»

«Позвольте, панове запорожцы, рѣчь держать?»

«Говори!»

«Или хотите, можетъ-быть, собрать раду?»

«Говори, мы всѣ тутъ». Народъ весь стѣснился въ одну кучу.

«А вы развѣ ничего не слышали о томъ, что̀ дѣлается въ гетманщинѣ?»

«А что̀?» спросилъ одинъ изъ куренныхъ атамановъ.

«Э! что̀? Видно, вамъ татаринъ заткнулъ клейтухомъ уши, что вы ничего не слышали».

«Говори же, что̀ тамъ дѣлается?»

«А то̀ дѣлается, что и родились, и крестились, еще не видали такого».

«Да говори намъ, что̀ дѣлается, собачій сынъ!» закричалъ одинъ изъ толпы, какъ видно, потерявъ терпѣніе.

«Такая пора теперь завелась, что уже церкви святыя теперь не наши».

«Какъ не наши?»

«Теперь у жидовъ онѣ на арендѣ. Если жиду впередъ не заплатишь, то и обѣдни нельзя править».

«Что̀ ты толкуешь?»

«И если разсобачій жидъ не положитъ значка нечистою своею рукою на святой пасхѣ, то и святить пасхи нельзя».

«Вретъ онъ, паны-браты, не можетъ быть того, чтобы нечистый жидъ клалъ значокъ на святой пасхѣ».

«Слушайте! еще не то̀ разскажу: и ксёнзы ѣздятъ теперь по всей Украйнѣ въ таратайкахъ. Да не то бѣда, что въ таратайкахъ, а то бѣда, что запрягаютъ уже не коней, а православныхъ христіянъ. Слушайте! еще не то̀ разскажу: уже, говорятъ, жидовки шьютъ себѣ юбки изъ попов-

скихъ ризъ. Вотъ какія дѣла водятся на Украйнѣ, панове! А вы тутъ сидите на Запорожьи, да гуляете, да, видно, татаринъ такого задалъ вамъ страху, что у васъ уже ни глазъ, ни ушей, ничего нѣтъ, и вы не слышите, чтò дѣлается на свѣтѣ».

«Стой, стой!» прервалъ кошевой, дотолѣ стоявшій, потупивъ глаза въ землю, какъ и всѣ запорожцы, которые въ важныхъ дѣлахъ никогда не отдавались первому порыву, но молчали, и между-тѣмъ въ тишинѣ совокупляли грозную силу негодованія. «Стой! и я скажу слово: а что жъ вы, такъ бы и этакъ поколотилъ чортъ вашего батька, чтò жъ вы дѣлали? развѣ у васъ сабель не было, что ли? Какъ же вы попустили такому беззаконію?»

«Э, какъ попустили такому беззаконію! а попробовали бы вы, когда пятьдесятъ-тысячъ было однихъ ляховъ, да и нечего грѣха таить, были тоже собаки и между нашими — ужъ приняли ихъ вѣру».

«А гетманъ вашъ, а полковники чтò дѣлали?»

«Надѣлали полковники такихъ дѣлъ, что не приведи Богъ никому».

«Какъ!»

«А такъ, что ужь теперь гетманъ, зажаренный въ мѣдномъ быкѣ, лежитъ въ Варшавѣ, а полковничьи руки и головы развозятъ по ярмаркамъ на-показъ всему народу. Вотъ что надѣлали полковники!»

Колебнулась вся толпа. Сначала на мигъ пронеслося по всему берегу молчаніе, подобное тому, которое устанавливается передъ свирѣпою бурею, и потомъ вдругъ поднялись рѣчи, и весь заговорилъ берегъ.

«Какъ, чтобы жиды держали на арендѣ христіянскія церкви! чтобы ксензы запрягали въ оглобли православныхъ христіянъ! Какъ, чтобы попустить такія мученія на русской землѣ отъ проклятыхъ недовѣрковъ! чтобы вотъ такъ поступали съ полковниками и гетманомъ! Да не будетъ же сего, не будетъ!» Такія слова перелетали по всѣмъ концамъ. Зашумѣли запорожцы и почуяли свои силы. Тутъ уже не было волненій легкомысленнаго народа: волновались все характеры тяжелые и крѣпкіе, которые не скоро накалялись, но накалившись, упорно и долго хранили въ себѣ внутренній жаръ. «Перевѣшать всю жидову!» раздалось изъ толпы: «пусть же не шьютъ изъ поповскихъ ризъ юбокъ своимъ

жидовкамъ; пусть же не ставятъ значковъ на святыхъ пасхахъ; перетопить ихъ всѣхъ поганцевъ въ Днѣпръ!» Слова эти, произнесенныя кѣмъ-то изъ толпы, пролетѣли молніей по всѣмъ головамъ, и толпа ринулась на предмѣстье съ желаніемъ перерѣзать всѣхъ жидовъ.

Бѣдные сыны Израиля, растерявши все присутствіе своего и безъ того мелкаго духа, прятались въ пустыхъ горѣлочныхъ бочкахъ, въ печкахъ и даже запалзывали подъ юбки своихъ жидовокъ; но казаки вездѣ ихъ находили.

«Ясновельможные паны!» кричалъ одинъ высокій и длинный, какъ палка, жидъ, высунувши изъ кучи своихъ товарищей жалкую свою рожу, исковерканную страхомъ: «ясновельможные паны! слово только дайте намъ сказать, одно слово; мы такое объявимъ вамъ, что еще никогда не слышали, такое важное, что не можно сказать, какое важное!»

«Ну, пусть скажутъ!» сказалъ Бульба, который всегда любилъ выслушать обвиняемаго.

«Ясные паны!» произнесъ жидъ: «такихъ пановъ еще никогда не видывано, ейбогу! никогда; такихъ добрыхъ, хорошихъ и храбрыхъ не было еще на свѣтѣ». Голосъ его умиралъ и

дрожалъ отъ страха. «Какъ можно, чтобы мы думали про запорожцевъ что-нибудь нехорошее. Тѣ совсѣмъ не наши, что арендаторствуютъ на Украйнѣ! ейбогу не наши! то совсѣмъ не жиды: то чортъ знаетъ что̀. То такое, что только поплевать на него, да и бросить. Вотъ и они скажутъ то̀ же. Не правда ли, Шлема, или ты, Шмуль?»

«Ейбогу правда!» отвѣчали изъ толпы Шлема и Шмуль въ изодранныхъ еломкахъ, оба блѣлые, какъ глина.

«Мы никогда еще» продолжалъ длинный жидъ: «не соглашались съ непріятелями; а католиковъ мы и знать не хотимъ: пусть имъ чортъ приснится! мы съ запорожцами, какъ братья родные...»

«Какъ? чтобы запорожцы были съ вами братья?» произнесъ одинъ изъ толпы: «не дождетесь, проклятые жиды! Въ Днѣпръ ихъ, панове, всѣхъ потопить поганцевъ!»

Эти слова были сигналомъ; жидовъ расхватали по рукамъ и начали швырять въ волны; жалкій крикъ раздался со всѣхъ сторонъ; но суровые запорожцы только смѣялись, видя, какъ жидовскія ноги въ башмакахъ и чулкахъ болтались на воздухѣ. Бѣдный ораторъ, накликавшій

самъ на свою шею бѣду, выскочилъ изъ кафтана, за который было его ухватили, въ одномъ пѣгомъ и узкомъ камзолѣ, схватилъ за ноги Бульбу и жалкимъ голосомъ молилъ: — «Великій господинъ, ясновельможный панъ! я зналъ и брата вашего, покойнаго Дороша; былъ воинъ на украшенье всему рыцарству. Я ему восемьсотъ цехиновъ далъ, когда нужно было выкупиться изъ плѣна у турокъ».

«Ты зналъ брата?» — спросилъ Тарасъ.

«Ейбогу зналъ! великодушный былъ панъ».

«А какъ тебя зовутъ?»

«Янкель».

«Хорошо» — сказалъ Тарасъ, и потомъ, подумавъ, обратился къ казакамъ и говорилъ такъ: «повѣсить жида будетъ всегда время, когда будетъ нужно: а на-сегодня отдайте его мнѣ». Сказавши это, Тарасъ повелъ его къ своему обозу, возлѣ котораго стояли казаки его. «Ну, полѣзай подъ телегу, лежи тамъ и не пошевелись; а вы, братцы, не выпускайте жида».

Сказавши это, онъ отправился на площадь, потому-что давно уже собиралась туда вся толпа. Всѣ бросили вмигъ берегъ и снарядку чел-

повъ, ибо предстоялъ теперь сухопутный, а не морской походъ, и не суда, да казацкія чайки, понадобились телеги и кони. Теперь уже всѣ хотѣли въ походъ, и старые и молодые, всѣ съ совѣта всѣхъ старшинъ, куренныхъ, кошеваго и съ воли всего запорожскаго войска положили итти прямо на Польшу отмстить все зло и посрамленье вѣры и казацкой славы, набрать добычи съ городовъ, пустить пожаръ по деревнямъ и хлѣбамъ, и пустить далеко по всей степи о себѣ славу. Все тутъ же опоясывалось и вооружалось. Кошевой выросъ на цѣлый аршинъ; это уже не былъ тотъ робкій исполнитель вѣтреныхъ желаній вольнаго народа: это былъ неограниченный повелитель, это былъ деспотъ, умѣвшій только повелѣвать. Всѣ своевольные и гульливые рыцари стройно стояли въ рядахъ, почтительно опустивъ головы, не смѣя поднять глазъ, когда онъ раздавалъ повелѣнія, тихо, не выкрикивая и не торопясь, но съ разстановкою, какъ старый и глубоко опытный въ дѣлѣ, приводившій не въ первый разъ въ исполненье разумно замышленные подвиги.

«Осмотритесь, осмотритесь хорошенько всѣ!» — такъ говорилъ онъ: «исправьте возы и маз-

ницы, испробуйте оружіе. Не забирайте много съ собой одежды: по сорочкѣ и по двое шараваръ на казакѣ, да по горшку саламаты и толченаго проса, больше чтобъ и не было ни у кого. Про запасъ будетъ въ возахъ все, что нужно. По парѣ коней чтобъ было у каждаго казака. Да паръ двѣсти взять воловъ, потому-что при переправахъ и топкихъ мѣстахъ нужны будутъ волы. Да порядку держитесь, панове, больше всего. Я знаю, есть между васъ такіе, что чуть Богъ пошлетъ какую корысть — пошли тотъ же часъ драть китайку и дорогіе оксамиты себѣ на анучи. Бросьте такую чортову повадку, прочь кидайте всякія юбки, берите одно только оружіе, коли попадется доброе, да червонцы или серебро, потому-что они емкаго свойства и пригодятся во всякомъ случаѣ. Да вотъ вамъ, панове, впередъ говорю: если кто въ походѣ напьется, то никакого нѣтъ на него суда: какъ собаку повелю его присмыгнуть до обозу, кто бы онъ ни былъ, хоть бы наидоблестнѣйшій казакъ изъ всего войска; какъ собака будетъ онъ застрѣленъ на мѣстѣ и кинутъ безъ всякаго погребенья на поклевъ птицамъ, потому-что пьяница въ походѣ недостоинъ христіян-

скаго погребенья. Молодые, слушайте во всемъ старыхъ! Если цапнетъ пуля, или царапнетъ саблей по головѣ или по чему-нибудь иному; не давайте большаго уваженья такому дѣлу; размѣшайте зарядъ пороху въ чаркѣ сивухи, духомъ выпейте, и все пройдетъ, не будетъ и лихорадки; а на рану, если она не слишкомъ велика, приложите просто земли, замѣсивши ее прежде слюною на ладони, то и присохнетъ рана. Нуте же за дѣло, за дѣло, хлопцы, да не торопясь принимайтесь за дѣло!»

Такъ говорилъ кошевой, и какъ только окончилъ онъ рѣчь свою, всѣ казаки принялись тотъ же часъ за дѣло. Вся Сѣчь отрезвилась и нигдѣ нельзя было сыскать ни одного пьянаго, какъ-будто бы ихъ не было никогда между казаками. Тѣ исправляли ободья колесъ и перемѣняли оси въ телегахъ; тѣ сносили на возы мѣшки съ провіантомъ, на другіе валили оружіе; тѣ пригоняли коней и воловъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались топотъ коней, пробная стрѣльба изъ ружей, бряканье сабель, мычанье быковъ, скрыпъ поворачиваемыхъ возовъ, говоръ и яркій крикъ и понуканье, и скоро далеко-далеко вытянулся казачій таборъ по всему полю.

И много досталось бы бѣжать тому, кто бы захотѣлъ перебѣжать все пространство отъ его головы до хвоста его. Въ деревянной небольшой церкви служилъ священникъ молебенъ, окропилъ всѣхъ святою водою; всѣ цаловали крестъ. Когда тронулся таборъ и потянулся изъ Сѣчи, всѣ запорожцы обратили головы назадъ: «Прощай, наша мать!» сказали они почти въ одно слово: «пусть же тебя хранитъ Богъ отъ всякаго несчастья!» Проѣзжая предмѣстье, Тарасъ Бульба увидѣлъ, что жидокъ его, Янкель, уже разбилъ какую-то ятку съ навѣсомъ и продавалъ кремни, завертки, порохъ и всякія войсковыя снадобья, нужныя на дорогу, даже калачи и хлѣбы. «Каковъ чортовъ жидъ!» — подумалъ про-себя Тарасъ, и, подъѣхавъ къ нему, сказалъ: — «Дурень, что̀ ты здѣсь сидишь? развѣ хочешь, чтобы тебя застрѣлили, какъ воробья?» Янкель въ отвѣтъ на это подошелъ къ нему поближе и, сдѣлавъ знакъ обѣими руками, какъ-будто хотѣлъ объявить что-то таинственное, сказалъ: «пусть панъ только молчитъ и никому не говоритъ, между казацкими возами есть одинъ мой возъ; я везу всякій нужный запасъ для казаковъ и по дорогѣ буду доставлять вся-

кій провіантъ по такой дешевой цѣнѣ, по какой еще ни одинъ жидъ не продавалъ; ейбогу такъ, ейбогу такъ». — Пожалъ плечами Тарасъ Бульба, подивившись жидовской натурѣ, и отъѣхалъ къ табору.

═

V.

Скоро весь польскій югозападъ сдѣлался добычею страха. Всюду пронеслись слухи: «запорожцы! показались запорожцы!» Все, что могло спасаться, спасалось, все подымалось и разбѣгалось въ этотъ нестройный, изумительно-безпечный вѣкъ, когда не воздвигалось ни крѣпостей, ни зáмковъ, а просто, какъ попало, становилъ на время соломенное жилище свое чело-

вѣкъ, думая: не тратить же на него работу и деньги, когда оно и безъ того будетъ снесено дотла татарскимъ набѣгомъ! — Все всполохнулось: кто мѣнялъ воловъ и плугъ на коня и ружье и отправлялся въ полки; кто прятался, угоняя скотъ и унося что̀ только было можно унесть. Попадались иногда по дорогѣ такіе, которые встрѣчали (хотя безплодно) вооруженною рукою гостей; но больше было такихъ, которые бѣжали заранѣ. Всѣ знали, что трудно имѣть дѣло съ этою закаленной вѣчною бранью толпой, извѣстной подъ именемъ запорожскаго войска, которое и среди своевольнаго неустройства своего заключало обдуманное устройство во время битвы. Конные ѣхали, не отягчая и не горяча коней, пѣшіе шли трезво за возами, и весь таборъ подвигался только по ночамъ, отдыхая днемъ и выбирая для того пустыри, незаселенныя мѣста и лѣса, которыхъ было тогда еще вдоволь. Засыланы были впередъ лазутчики и разсыльные, узнавать и вывѣдывать: гдѣ, что̀ и какъ. И часто въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ менѣе всего могли ожидать ихъ, они появлялись вдругъ — и все тогда прощалось съ жизнью: пожары обхватывали деревни; скотъ и лошади, которые не

угонялись за войскомъ, были избиваемы тутъ же на мѣстѣ. Казалось, больше пировали они, чѣмъ совершали походъ свой. Дыбомъ воздвигнулся бы нынѣ волосъ отъ тѣхъ страшныхъ знаковъ свирѣпства полудикаго вѣка, которые пронесли вездѣ запорожцы. Избитые младенцы, обрѣзанныя груди у женщинъ, содранныя кожи съ ногъ по колѣна у выпущенныхъ на свободу — словомъ, крупною монетою отплачивали казаки прежніе долги. Прелатъ одного монастыря, услышавъ о приближеніи ихъ, прислалъ отъ себя двухъ монаховъ, чтобы сказать, что они не такъ ведутъ себя, какъ слѣдуетъ, что между запорожцами и правительствомъ стоитъ согласіе, что они нарушаютъ свою обязанность къ королю, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всякое народное право. «Скажи епископу отъ меня и отъ всѣхъ запорожцевъ» сказалъ кошевой: «чтобы онъ ничего не боялся: это казаки еще только зажигаютъ и раскуриваютъ свои трубки». И скоро величественное аббатство обхватилось сокрушительнымъ пламенемъ, и колоссальныя готическія окна его сурово глядѣли сквозь раздѣлявшіяся волны огня. Бѣгущія толпы монаховъ, жидовъ, женщинъ вдругъ омноголюдили тѣ го-

рода, гдѣ какая-нибудь была надежда на гарнизонъ и городовое рушеніе. Высылаемая по временамъ правительствомъ запоздалая помощь, состоявшая изъ небольшихъ полковъ, или не могла найти ихъ, или же робѣла, обращала тылъ при первой встрѣчѣ и улетала на лихихъ коняхъ своихъ. Случалось, что многіе военачальники королевскіе, торжествовавшіе дотолѣ въ прежнихъ битвахъ, рѣшались, соединя свои силы, стать грудью противъ запорожцевъ. И тутъ-то болѣе всего пробовали себя наши молодые казаки, чуждавшіеся грабительства, корысти и безсильнаго непріятеля, горѣвшіе желаніемъ показать себя предъ старыми, помѣряться одинъ на одинъ съ бойкимъ и хвастливымъ ляхомъ, красовавшимся на горделивомъ конѣ, съ летавшими по вѣтру откидными рукавами епанчи. Потѣшна была наука; много уже они добыли себѣ конной сбруи, дорогихъ сабель и ружей. Въ одинъ мѣсяцъ возмужали и совершенно переродились только-что оперившіеся птенцы и стали мужами; черты лица ихъ, въ которыхъ доселѣ видна была какая-то юношеская мягкость, стали теперь грозны и сильны. А старому Тарасу любо было видѣть, какъ оба сына его были одни изъ

первыхъ. Остапу, казалось, былъ на роду написанъ битвенный путь и трудное знанье вершить ратныя дѣла. Ни разу не растерявшись и не смутившись ни отъ какого случая, съ хладнокровіемъ, почти неестественнымъ для двадцати-двухъ-лѣтняго, онъ въ одинъ мигъ могъ вымѣрять всю опасность и все положеніе дѣла, тутъ же могъ найти средство, какъ уклониться отъ нея; но уклониться съ тѣмъ, что-бы потомъ вѣрнѣй преодолѣть ее. Уже испытанной увѣренностью стали теперь означаться его движенія и въ нихъ не могли не быть замѣтны наклонности будущаго вождя. Крѣпостью дышало его тѣло, и рыцарскія его качества уже пріобрѣли широкую силу льва. «О, да этотъ будетъ современемъ добрый полковникъ!» говорилъ старый Тарасъ: «ей, ей будетъ добрый полковникъ, да еще такой, что и батька за поясъ заткнетъ!»

Андрій весь погрузился въ очаровательную музыку пуль и мечей. Онъ не зналъ, что такое значитъ обдумывать или разсчитывать, или измѣрять заранѣ свои и чужія силы. Бѣшеную нѣгу и упоенье онъ видѣлъ въ битвѣ; что-то пиршественное зрѣлось ему въ тѣ минуты, когда разгорит-

ся у человѣка голова, въ глазахъ все мелькаетъ и мѣшается, летятъ и головы, съ громомъ надаютъ на землю и кони, а онъ несется, какъ пьяный въ свистѣ пуль, сабельномъ блескѣ и въ собственномъ жару, нанося всѣмъ удары и не слыша нанесенныхъ. И не разъ дивился старый Тарасъ, видя какъ Андрій, понуждаемый однимъ только запальчивымъ увлеченіемъ, устремлялся на то̀, на что̀ бы никогда на отважился хладнокровный и разумный, и однимъ бѣшенымъ натискомъ своимъ производилъ такія чудеса, которымъ не могли не изумиться старые въ бояхъ. Дивился старый Тарасъ и говорилъ: «и это добрый, врагъ бы не взялъ его, вояка: не Остапъ, а добрый, добрый также вояка».

Войско рѣшилось итти прямо на городъ Дубно, гдѣ, носились слухи, было много казны и богатыхъ обывателей. Въ полтора дня походъ былъ сдѣланъ, и запорожцы показались передъ городомъ. Жители рѣшились защищаться до последнихъ силъ и крайности, и лучше хотѣли умереть на площадяхъ и улицахъ передъ своими порогами, чѣмъ пустить непріятеля въ домы. Высокій земляной валъ окружалъ городъ; гдѣ валъ былъ ниже, тамъ высовывалась каменная

стѣна, или домъ, служившій баттареей, или, наконецъ, дубовый частоколъ. Гарнизонъ былъ силенъ и чувствовалъ важность своего дѣла. Запорожцы жарко полѣзли-было на валъ, но были встрѣчены сильною картечью. Мѣщане и городскіе обыватели, какъ видно, тоже не хотѣли быть праздными, и стояли кучею на городскомъ валу. Въ глазахъ ихъ можно было читать отчаянное сопротивленіе; даже женщины рѣшились участвовать, и на головы запорожцамъ полетѣли камни, бочки, горшки, варъ и наконецъ мѣшки песку, слѣпившаго имъ очи. Запорожцы не любили имѣть дѣло съ крѣпостями; вести осады была не ихъ часть. Кошевой повелѣлъ отступить и сказалъ: «ничего, паны братья, мы отступимъ; но будь я поганый татаринъ, а не христіянинъ, если мы выпустимъ ихъ хоть одного изъ города; пусть ихъ, собаки, всѣ передохнутъ съ голоду». Войско, отступивъ, облегло весь городъ, и, отъ нечего дѣлать, занялось опустошеньемъ окрестностей, выжигая окружныя деревни, скирды неубраннаго хлѣба и напуская табуны коней въ нивы, еще не успѣвшія срѣзаться серпомъ, гдѣ, какъ нарочно, колебались тучные колосья, плодъ необыкновен-

наго урожая, наградившаго въ ту пору щедро всѣхъ земледѣльцевъ. Съ ужасомъ видѣли изъ города, какъ истреблялись средства ихъ существованія. А между-тѣмъ запорожцы, протянувъ вокругъ всего города въ два ряда свои телеги, расположились такъ же, какъ и на Сѣчи, куренями, курили свои люльки, мѣнялись добытымъ оружіемъ, играли въ чехарду, въ четъ и нечетъ и посматривали съ убійственнымъ хладнокровіемъ на городъ. Ночью зажигались костры; кашевары варили въ каждомъ куренѣ кашу въ огромныхъ мѣдныхъ казанахъ; у горѣвшихъ всю ночь огней стояла безсонная стража. Но скоро запорожцы начали понемногу скучать бездѣйствіемъ и особливо скучною трезвостью, несопряженною ни съ какимъ дѣломъ. Кошевой велѣлъ удвоить даже порцію вина, что иногда водилось въ войскѣ, если не было трудныхъ подвиговъ и движеній. Молодымъ и особенно сынамъ Тараса Бульбы не нравилась такая жизнь. Андрій замѣтно скучалъ. «Неразумная голова» говорилъ ему Тарасъ: «терпи казакъ, атаманъ будешь; не тотъ еще добрый воинъ, кто не потерялъ духа въ важномъ дѣлѣ, а тотъ добрый воинъ, кто и на бездѣльи не соскучитъ, все вы-

терпитъ, и хоть ты ему что хочь, а онъ все-таки поставитъ на-своемъ». Но не сойтись пылкому юношѣ съ старцемъ. Другая натура у обоихъ и другими очами глядятъ они на то же дѣло.

А между-тѣмъ подоспѣлъ тарасовъ полкъ, приведенный Товкачемъ; съ нимъ было еще два ессаула, писарь и другіе полковые чины; всѣхъ казаковъ набралось больше четырехъ тысячъ. Было между ними не мало и охочекомонныхъ, которые сами поднялись своею волею безъ всякаго позыва, какъ только услышали въ чемъ дѣло. Есаулы привезли сыновьямъ Тараса благословенье отъ старухи-матери и каждому по кипарисному образу изъ Межигорскаго кіевскаго монастыря. Надѣли на себя святые образа оба брата и невольно задумались, припомнивъ старую мать свою. Что̀-то пророчитъ имъ и говоритъ это благословенье? Благословенье ли на побѣду надъ врагомъ и потомъ веселый возвратъ въ отчизну съ добычей и славой на вѣчныя пѣсни бандуристамъ, или же... Но неизвѣстно будущее, и стоитъ оно предъ человѣкомъ подобно осеннему туману, поднявшемуся изъ болотъ. Безумно летаютъ въ немъ вверхъ и внизъ, черкая

крыльями, птицы, не распознавая въ очи другъ друга, голубка — не видя ястреба, ястребъ — не видя голубки, и никто не знаетъ, какъ далеко летаетъ онъ отъ своей погибели....

Остапъ уже занялся своимъ дѣломъ и давно отошелъ къ куренямъ; Андрій же, самъ не зная отъ чего, чувствовалъ какую-то духоту на сердцѣ. Уже казаки окончили свою вечерю; вечеръ давно потухнулъ; іюльская чудная ночь обняла воздухъ; но онъ не отходилъ къ куренямъ, не ложился спать и глядѣлъ невольно на всю бывшую предъ нимъ картину. На небѣ безчисленно мелькали тонкимъ и острымъ блескомъ звѣзды. Поле далеко было занято раскиданными по немъ возами съ висячими мазницами, облитыми дегтемъ и всякимъ добромъ и провіантомъ, набраннымъ у врага. Возлѣ телегъ, подъ телегами и гораздо далѣе отъ телегъ, вездѣ были видны разметавшіеся на травѣ запорожцы — всѣ они спали въ картинныхъ положеніяхъ: кто подмостивъ себѣ подъ голову куль, или шапку, или употребивши, просто, бокъ своего товарища. Сабля, ружье-самопалъ, коротко-чубучная трубка съ мѣдными бляхами, желѣзными провертками и огнивомъ висѣла почти у каждаго пояса. Тяжелые во-

лы лежали, подвернувши подъ себя ноги, большими бѣловатыми массами и казались издали сѣрыми камнями, раскиданными по отлогостямъ поля. Со всѣхъ сторонъ изъ травы уже сталъ подниматься густой храпъ спящаго воинства, на который отзывались съ поля звонкими ржаніями жеребцы, негодующіе на свои спутанныя ноги. А между-тѣмъ что-то величественное и грозное примѣшалось къ красотѣ іюльской ночи. Это было зарево вдали догоравшихъ окрестностей. Въ одномъ мѣстѣ пламя спокойно и величественно стлалось по небу, въ другомъ, встрѣтивъ что-то горючее и вдругъ вырвавшись вихремъ, оно свистѣло и летѣло вверхъ подъ самыя звѣзды, и оторванныя охлопья его гаснули подъ самыми дальними небесами; тамъ обгорѣлый чорный монастырь, какъ суровый картезіанскій монахъ, стоялъ грозно, выказывая при каждомъ отблескѣ мрачное свое величіе; тамъ горѣлъ монастырскій садъ; казалось, слышно было, какъ деревья шипѣли, обвиваясь дымомъ, и когда выскакивалъ огонь, онъ вдругъ освѣщалъ фосфорическимъ лилово-огненнымъ свѣтомъ спѣлые грозды сливъ, или обращалъ въ червонное золото тамъ-и-тамъ желтѣвшія груши, и

тутъ же среди ихъ чернѣло висѣвшее на стѣнѣ зданія или на древесномъ суку тѣло бѣднаго жида или монаха, погибавшее вмѣстѣ съ строеніемъ въ огнѣ. Надъ огнемъ вились вдали птицы, казавшіяся кучею темныхъ мелкихъ крестиковъ на огненномъ полѣ. Обнаженный городъ, казалось, уснулъ; шпицы, и кровли, и частоколъ, и стѣны его тихо вспыхивали отблесками отдаленныхъ пожаровъ. Андрій обошелъ казацкіе ряды. Костры, у которыхъ сидѣли сторожа, готовились ежеминутно погаснуть, и самые сторожа спали, какъ видно, перекусивши сильно чего-нибудь во весь казацкій аппетитъ. Онъ подивился немного такой безпечности, подумавши: хорошо, что нѣтъ близко никакого сильнаго непріятеля и некого опасаться. Наконецъ и самъ подошелъ онъ къ одному изъ возовъ, взлѣзъ на него и легъ на спину, подложивши себѣ подъ голову сложенныя назадъ руки; но не могъ заснуть и долго глядѣлъ на небо: оно все было открыто предъ нимъ; чисто и прозрачно было въ воздухѣ; гущина звѣздъ, составлявшая млечный путь, поясомъ переходившая по небу, вся была залита свѣтомъ. Временами Андрій какъ-будто позабывался, и какой-то легкій ту-

манъ дремоты заслонялъ на мигъ передъ нимъ небо, и потомъ оно опять очищалось и вновь становилось видно. Въ это время, показалось ему, мелькнулъ предъ нимъ какой-то странный образъ человѣческаго лица. Думая, что то̀ было простое обаяніе сна, которое сейчасъ же разсѣется, онъ открылъ больше глаза свои и увидѣлъ, что къ нему точно наклонилось какое-то изможденное, высохшее лицо и смотрѣло прямо ему въ очи. Длинные и чорные, какъ уголь, волосы, не прибранные, растрепанные, лѣзли изъ-подъ темнаго, наброшеннаго на голову покрывала; и странный блескъ взгляда, мертвенная смуглота лица, выступавшаго рѣзкими чертами, заставила бы скорѣе подумать, что это былъ призракъ. Онъ схватился невольно рукой за пищаль и произнесъ почти судорожно: «кто ты? коли духъ нечистый, сгинь съ глазъ; коли живой человѣкъ, не въ пору завелъ шутку — убью съ одного прицѣла».

Въ отвѣтъ на это, привидѣніе приложило палецъ къ губамъ и, казалось, молило о молчаніи. Онъ опустилъ руку и сталъ вглядываться въ него внимательнѣй. По длиннымъ волосамъ, шеѣ и полуобнаженной смуглой груди, узналъ онъ

женщину. Но она была не здѣшняя уроженка: все лицо ея было смугло, изнурено недугомъ; широкія скулы выступали сильно надъ опавшими подъ ними щеками; узкія очи подымались дугообразнымъ разрѣзомъ кверху. Чѣмъ болѣе онъ всматривался въ черты ея, тѣмъ болѣе находилъ въ нихъ что-то знакомое. Наконецъ онъ не вытерпѣлъ не спросить: «скажи, кто ты? Мнѣ кажется, какъ-будто я зналъ тебя или видѣлъ гдѣ-нибудь?»

«Два года назадъ тому, въ Кіевѣ».

«Два года назадъ, въ Кіевѣ?» повторилъ Андрій, стараясь перебрать все, что̀ уцѣлѣло въ его памяти отъ прежней бурсацкой жизни. Онъ посмотрѣлъ еще разъ на нее пристально и вдругъ вскрикнулъ во весь голосъ: «Ты татарка! служанка панночки, вое́водиной дочки!..»

«Чшшь!» произнесла татарка, сложивъ съ умоляющимъ видомъ руки, дрожа всѣмъ тѣломъ и оборотя въ то же время голову назадъ, чтобы видѣть, не проснулся ли кто-нибудь отъ такого сильнаго вскрика, произведеннаго Андріемъ.

«Скажи, скажи, отчего, какъ ты здѣсь?» говорилъ Андрій шопотомъ, почти задыхающим-

Примѣчаніе 2. Здѣсь также вы можете заставить ребенка, какъ мы уже совѣтовали, повѣрить пальцемъ счетъ буквъ сихъ, по причинѣ объясненной нами въ *примѣчаніи* предъидущемъ.

Примѣчаніе 3. Послѣ сего учитель или наставница должны какъ можно проще и понятнѣе объяснить дѣтямъ, что такое суть буквы *гласныя* и *согласныя*, т. е. въ чемъ заключается между ими разница. На примѣръ:

1). Буквы *гласныя* (счетомъ *десять*: повторите здѣсь оныя) суть тѣ, которыя произносятся всѣ ртомъ *открытымъ*, и не имѣютъ ни передъ собою, ни послѣ себя, никакого другаго звука посторонняго. Старайтесь быть какъ можно яснѣе, о чемъ, какъ мнѣ кажется, никогда нельзя слишкомъ напоминать наставникамъ, и поймите прежде хорошенько то сами, что хотите объяснить дѣтямъ.

мнѣ умреть мать. Пусть лучше я прежде, а она послѣ меня; проси и хватай его за колѣна и ноги. У него также есть старая мать, чтобъ ради ея далъ хлѣба».

Много всякихъ чувствъ пробудилось и вспыхнуло въ молодой груди казака.

«Но какъ же ты здѣсь? какъ ты пришла?»

«Подземнымъ ходомъ».

«Развѣ есть подземный ходъ?»

«Есть».

«Гдѣ?»

«Ты не выдашь, рыцарь?»

«Клянусь крестомъ святымъ!»

«Спустясь въ яръ и перейдя протокъ, тамъ, гдѣ тростникъ».

«И выходитъ въ самый городъ?»

«Прямо къ городскому монастырю».

«Пойдемъ, пойдемъ сейчасъ!»

«Но ради Христа и Святой Матери, кусокъ хлѣба!»

«Хорошо, будетъ. Стой здѣсь возлѣ воза, или, лучше, ложись на него: тебя никто не увидитъ, всѣ спятъ; я сейчасъ ворочусь».

И онъ отошелъ къ возамъ, гдѣ хранились запасы, принадлежавшіе ихъ куреню. Сердце его

бился. Все минувшее, что̀ было закрыто, заглушено нынѣшними казацкими биваками, суровой бранною жизнью, все всплыло разомъ на поверхность, потопивши, въ свою очередь, все что̀ было теперь. Опять вынырнула передъ нимъ, какъ изъ темной морской пучины, гордая женщина; вновь сверкнули въ его памяти прекрасныя руки, очи, смѣющіяся уста, густые, темноорѣховые волосы, курчаво распавшіеся по грудямъ, и всѣ упругіе, въ согласномъ сочетаньи созданные члены дѣвическаго стана. Нѣтъ, они не погасали, не исчезали изъ груди его, они посторонились только, чтобы дать на-время просторъ другимъ могучимъ движеньямъ. Но часто, часто смущался ими глубокій сонъ молодаго казака и проснувшись, долго лежалъ онъ безъ сна на одрѣ, не умѣя истолковать тому причины.

Онъ шелъ, а біеніе сердца становилось сильнѣе, при одной мысли, что увидитъ ее опять, и дрожали молодыя колѣна его. Пришедши къ возамъ, онъ совершенно позабылъ, зачѣмъ пришелъ: поднесъ руку ко лбу и долго теръ его, стараясь припомнить, что̀ ему нужно дѣлать. Наконецъ вздрогнулъ, весь исполнился испуга: ему вдругъ пришло на мысль, что она умираетъ отъ голода.

Онъ бросился къ возу и схватилъ нѣсколько большихъ чорныхъ хлѣбовъ подъ руку; но подумалъ тутъ же: не будетъ ли эта пища, годная для дюжаго, неприхотливаго запорожца, груба и неприлична ея нѣжному сложенію. Тутъ вспомнилъ онъ, что вчера кошевой попрекалъ кашеваровъ за то̀, что сварили въ одинъ разъ всю гречневую муку на саламату, тогда какъ бы ея стало на добрыхъ три раза. Въ полной увѣренности, что онъ найдетъ вдоволь саламаты въ казанахъ, онъ вытащилъ отцовскій походный казанокъ и съ нимъ отправился къ кашевару ихъ куреня, спавшему у двухъ десятиведерныхъ казановъ, подъ которыми еще тлѣлась зола. Заглянувши въ нихъ, онъ изумился, увидя, что оба пусты. Нужно было не человѣческихъ силъ, чтобы все это съѣсть, тѣмъ болѣе, что въ ихъ куренѣ считалось меньше людей, чѣмъ въ другихъ. Онъ заглянулъ въ казаны другихъ куреней — нигдѣ ничего. Поневолѣ пришла ему въ голову поговорка: «запорожцы какъ дѣти: коли мало — съѣдятъ, коли много — тоже ничего не оставятъ». Что̀ дѣлать? Былъ однакоже гдѣ-то, кажется, на возу отцовскаго полка мѣшокъ съ бѣлымъ хлѣбомъ, который нашли, ограбивши монастыр-

скую пекарню. Онъ прямо подошелъ къ отцовскому возу, но на возѣ его не было: Остапъ взялъ его себѣ подъ головы, и, растянувшись на землѣ, храпѣлъ на все поле. Андрій схватилъ мѣшокъ одной рукой и дернулъ его вдругъ, такъ-что голова Остапа упала на землю, а онъ самъ вскочилъ въ-просонкахъ и, сидя съ закрытыми глазами, закричалъ, что было мочи: «держите, держите чортова ляха! да ловите коня, коня ловите!» — «Замолчи, я тебя убью» закричалъ въ испугѣ Андрій, замахнувшись на него мѣшкомъ. Но Остапъ и безъ того уже не продолжалъ рѣчи, присмирѣлъ и пустилъ такой храпъ, что отъ дыханія шевелилась трава, на которой онъ лежалъ. Андрій робко оглянулся на всѣ стороны, чтобы узнать, не пробудилъ ли кого-нибудь изъ казаковъ сонный бредъ Остапа. Одна чубатая голова точно приподнялась въ ближнемъ куренѣ и, поведя очами, скоро опустилась опять на землю. Переждавъ минуты двѣ, онъ наконецъ отправился съ своею ношею; татарка лежала, едва дыша. «Вставай, идемъ! всѣ спятъ, не бойся! Подымешь ли ты хоть одинъ изъ этихъ хлѣбовъ, если мнѣ будетъ неподручно захватить всѣ?» Сказавъ

это, онъ взвалилъ себѣ на спину мѣшки, стащилъ, проходя мимо одного воза, еще одинъ мѣшокъ съ просомъ, взялъ даже въ руки тѣ хлѣбы, которые хотѣлъ-было отдать нести татаркѣ, и, нѣсколько понагнувшись подъ тяжестью, шелъ отважно между рядами спавшихъ запорожцевъ.

«Андрій!» сказалъ старый Бульба въ то время, когда онъ проходилъ мимо его. Сердце его замерло; онъ остановился и, весь дрожа, тихо произнесъ: — «А что?»

«Съ тобою баба! ей, отдеру тебя, вставши, на всѣ бока! Не доведутъ тебя бабы до добра!» Сказавши, онъ оперся головою на локоть и сталъ пристально разсматривать закутанную въ покрывало татарку.

Андрій стоялъ ни живъ, ни мертвъ, не имѣя духу взглянуть въ лицо отцу. И потомъ, когда поднялъ глаза и посмотрѣлъ на него, увидѣлъ, что старый Бульба уже спалъ, положивъ голову на ладонь.

Онъ перекрестился. Вдругъ отхлынулъ отъ сердца испугъ еще скорѣе, чѣмъ прихлынулъ. Когда же поворотился онъ, чтобы взглянуть на татарку, она стояла предъ нимъ, подобно

темной гранитной статуѣ, вся закутанная въ покрывало, и отблескъ отдаленнаго зарева, вспыхнувъ, озарилъ только однѣ ея очи, помутившіяся какъ у мертвеца. Онъ дернулъ за рукавъ ее, и оба пошли вмѣстѣ, безпрестанно оглядываясь назадъ, и наконецъ опустились отлогостью въ низменную лощину, почти яръ, называемый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ балками, по дну которой лѣниво пресмыкался протокъ, поросшій осокою и усѣянный кочками. Опустясь въ эту лощину, они скрылись совершенно изъ виду всего поля, занятаго запорожскимъ таборомъ. По-крайней-мѣрѣ, когда Андрій оглянулся, то увидѣлъ, что позади его крутою стѣной, болѣе чѣмъ въ ростъ человѣка, вознеслась покатость; на вершинѣ ея покачивалось нѣсколько стебельковъ полеваго былья, и надъ ними поднималась въ небѣ луна въ видѣ косвенно обращеннаго серпа изъ яркаго червоннаго золота. Сорвавшійся со степи вѣтерокъ давалъ знать, что уже не много оставалось времени до разсвѣта. Но нигдѣ не слышно было отдаленнаго пѣтушьяго крика: ни въ городѣ, ни въ разоренныхъ окрестностяхъ не оставалось давно ни одного пѣтуха. По небольшому бревну перебрались они черезъ протокъ, за ко-

торымъ возносился противоположный берегъ, казавшійся выше бывшаго у нихъ назади, выходившій совершенно обрывомъ. Казалось, въ этомъ мѣстѣ былъ крѣпкій и надежный самъ-собою пунктъ городской крѣпости, по-крайней-мѣрѣ земляной валъ былъ тутъ ниже и не выглядывалъ изъ-за него гарнизонъ. Но зато подальше подымалась толстая монастырская стѣна. Обрывистый берегъ весь обросъ бурьяномъ, и по небольшой лощинѣ между имъ и протокомъ росъ высокій тростникъ, почти въ вышину человѣка. На вершинѣ обрыва видны были остатки плетня, обличавшіе когда-то бывшій огородъ; передъ нимъ видны были широкіе листы лопуха, изъ-за котораго торчала лебеда, дикій колючій бодакъ и подсолнечникъ, подымавшій выше всѣхъ ихъ свою голову. Здѣсь татарка скинула съ себя черевики и пошла босикомъ, подобравъ осторожно свое платье, потому-что мѣсто было топко и наполнено водою. Пробираясь межъ тростникомъ, остановились они передъ наваленнымъ хворостомъ и фашинникомъ. Отклонивъ хворостъ, нашли они родъ землянаго свода — отверстіе, мало чѣмъ бо́льшее отверстія въ хлѣбной печи. Татарка, наклонивъ голову, вошла первая;

вслѣдъ за нею Андрій, нагнувшись, сколько можно ниже, чтобы можно было пробраться съ своими мѣшками, и скоро очутились оба въ совершенной темнотѣ.

═

сили оную по первой или предъидущей *согласной*, сливая ихъ между собою въ выговорѣ. На примѣръ, если склады будутъ: *бо*, *во*, *го*, *до*, и проч., въ такомъ случаѣ Учитель, для облегченія дѣтямъ памяти или понятія, долженъ имъ замѣтить, что *эти склады* всѣ кончатся на звукъ *о*, явственно *протянувъ* оный при семъ случаѣ на-распѣвъ голосомъ, и замѣтивъ, чтобы они произносили оный по предъидущей *согласной* буквѣ, сливая ихъ обѣ между собою въ выговорѣ, изъ коихъ сію послѣднюю (т. е. *согласную*) при сліяніи оной съ *гласною*, долженъ тянуть голосомъ отдѣльно отъ ея *собственной* гласной; т. е. въ произношеніи скрасть оную, и потомъ уже выговорить явственно весь *слогъ*. На примѣръ: б - о (*бо*), в - о (*во*), г - о (*го*), д - о (*до*), и такъ далѣе. Сей способъ, по мнѣнію моему, есть самый легчайшій для вкорененія дѣтямъ въ памяти безошибочно и съ отчетливостію про-

былъ приставленъ узенькій столикъ въ видѣ алтарнаго престола, и надъ нимъ видѣнъ былъ почти совершенно изгладившійся, полинявшій образъ католической Мадоны. Небольшая серебряная лампадка, предъ нимъ висѣвшая, чуть-чуть озаряла его. Татарка наклонилась и подняла съ земли оставленный мѣдный свѣтильникъ, на тонкой, высокой ножкѣ, съ висѣвшими вокругъ ея на цѣпочкахъ щипцами, шпилькой для поправленія огня, и гасильникомъ. Взявши его, она зажгла огнемъ отъ лампы. Свѣтъ усилился и они, идя вмѣстѣ, то освѣщаясь сильно огнемъ, то набрасываясь темною, какъ уголь, тѣнью, напоминали собою картины Жирарда della notte. Свѣжее, кипящее здоровьемъ и юностію прекрасное лицо рыцаря представляло сильную противоположность съ изнуреннымъ и блѣднымъ лицомъ его спутницы. Проходъ сталъ нѣсколько шире, такъ-что Андрію можно было порасправиться. Онъ съ любопытствомъ разсматривалъ эти земляныя стѣны. Такъ же, какъ и въ пещерахъ кіевскихъ, тутъ видны были углубленія въ стѣнахъ, и стояли кое-гдѣ гробы; мѣстами даже попадались, просто, человѣческія кости, отъ сырости сдѣлавшіяся мягкими и разсыпавшіяся въ муку.

Видно, и здѣсь также были святые люди и укрывались также отъ мірскихъ бурь, горя и обольщеній. Сырость мѣстами была очень сильна; подъ ногами ихъ иногда была совершенная вода. Андрій долженъ былъ часто останавливаться, чтобы дать отдохнуть своей спутницѣ, которой усталость возобновлялась безпрестанно. Небольшой кусокъ хлѣба, проглоченный ею, произвелъ только боль въ желудкѣ, отвыкшемъ отъ пищи, и она оставалась часто безъ движенія по-нѣскольку минутъ на одномъ мѣстѣ. Наконецъ передъ ними показалась маленькая желѣзная дверь. «Ну, слава Богу, мы пришли» сказала слабымъ голосомъ татарка, приподняла-было руку, чтобы постучаться и не имѣла силъ. Андрій ударилъ вмѣсто ея сильно въ дверь; раздался гулъ, показавшій, что за дверью былъ большой просторъ. Гулъ этотъ измѣнялся, встрѣтивъ, какъ казалось, высокіе своды. Минуты черезъ двѣ загремѣли ключи и кто-то, казалось, сходилъ по лѣстницѣ. Наконецъ дверь отперлась; ихъ впустилъ монахъ, стоявшій на узенькой лѣстницѣ съ ключемъ и свѣчей въ рукахъ. Андрій невольно остановился при видѣ католическаго монаха, возбуждавшаго такое непа-

вистное презрѣніе въ казакахъ, поступавшихъ съ ними безчеловѣчнѣй, чѣмъ съ жидами. Монахъ тоже нѣсколько отступилъ назадъ, увидѣвъ запорожскаго казака; но слово, невнятно произнесенное татаркою, его успокоило. Онъ посвѣтилъ имъ, заперъ за ними дверь, ввелъ ихъ по лѣстницѣ вверхъ, и они очутились подъ высокими темными сводами монастырской церкви. У одного изъ алтарей, уставленнаго высокими подсвѣчниками и свѣчами, стоялъ на колѣнахъ священникъ и тихо молился. Около него съ обѣихъ сторонъ стояли также на колѣнахъ два молодые клирошанина въ лиловыхъ мантіяхъ, съ бѣлыми кружевными шемизетками сверхъ нихъ и съ кадилами въ рукахъ. Онъ молился о ниспосланіи чуда: о спасеніи города, о подкрѣпленіи падающаго духа, о ниспосланіи терпѣнія, объ удаленіи искусителя, нашептывающаго ропотъ и малодушный, робкій плачъ на земныя несчастія. Нѣсколько женщинъ, похожихъ на привидѣнія, стояло на колѣнахъ, опершись и совершенно положивъ изнеможенныя головы на спинки стоявшихъ передъ ними стульевъ и темныхъ деревянныхъ лавокъ; нѣсколько мужчинъ, прислонясь у колоннъ, на которыхъ возлегали боковые своды,

печально стояли тоже на колѣнахъ. Окно съ цвѣтными стеклами, бывшее надъ алтаремъ, озарилось розовымъ румянцемъ утра, и упали отъ него на полъ голубые, жолтые и другихъ цвѣтовъ кружки свѣта, освѣтившіе внезапно темную церковь. Весь алтарь въ своемъ далекомъ углубленіи показался вдругъ въ сіяніи; кадильный дымъ остановился въ воздухѣ радужно освѣщеннымъ облакомъ. Андрій не безъ изумленія глядѣлъ изъ своего темнаго угла на чудо, произведенное свѣтомъ. Въ это время величественный ревъ органа наполнилъ вдругъ всю церковь; онъ становился гуще и гуще, разростался, перешелъ въ тяжелые раскаты грома и потомъ вдругъ, обратившись въ небесную музыку, понесся высоко подъ сводами своими поющими звуками, напоминавшими тонкіе дѣвичьи голоса, и потомъ опять обратился онъ въ густой ревъ и громъ, и затихъ. И долго еще громовые рокоты носились дрожа подъ сводами, и дивился Андрій съ полуоткрытымъ ртомъ величественной музыкѣ. Въ это время почувствовалъ онъ, что кто-то дернулъ его за полу кафтана. «Пора» сказала татарка. Они перешли черезъ церковь, незамѣченные никѣмъ, и вышли потомъ на площадь, бывшую передъ

нею. Заря уже давно румянилась на небѣ; все возвѣщало восхожденіе солнца. Площадь, имѣвшая квадратную фигуру, была совершенно пуста; по срединѣ ея оставались еще деревянные столики, показывавшіе, что здѣсь былъ еще, можетъ-быть, только недѣлю назадъ, рынокъ съѣстныхъ припасовъ. Мостовая, которыхъ тогда не было въ обыкновеніи дѣлать, была просто засохшая груда грязи. Площадь обступали вокругъ небольшіе каменные и глиняные въ одинъ этажъ домы съ видными въ стѣнахъ деревянными сваями и столбами, шедшими во всю высоту стѣны, косвенно перекрещенные деревянными же сваями, какъ вообще строили домы тогдашніе обыватели, что̀ можно видѣть и понынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Литвы и Польши. Всѣ почти они были покрыты непомѣрно высокими крышами, со множествомъ слуховыхъ оконъ и отдушинъ. На одной сторонѣ, почти близъ церкви, выше другихъ, возносилось совершенно отличное отъ прочихъ зданіе, вѣроятно, городовой магистратъ или какое-нибудь правительственное мѣсто. Оно было въ два этажа и надъ нимъ вверху надстроенъ былъ въ двѣ арки бельведеръ, гдѣ стоялъ часовой; большой цифер-

блатъ вдѣланъ былъ въ крышу. Площадь казалась мертвою; но Андрію почудилось какое-то слабое стенаніе. Разсматривая, онъ на другой сторонѣ ея замѣтилъ группу изъ двухъ-трехъ человѣкъ, лежавшихъ почти безъ всякаго движенія на землѣ. Онъ вперилъ глаза внимательнѣй, чтобы разсмотрѣть, заснувшіе ли это были, или умершіе, и въ это время наткнулся на что-то, лежавшее у ногъ его. Это было мертвое тѣло женщины, повидимому, жидовки. Казалось, она была еще молода, хотя въ искаженныхъ, измождениыхъ чертахъ ея нельзя было того видѣть. На головѣ ея былъ красный шелковый платокъ; жемчуги, или бусы въ два ряда украшали ея наушники; двѣ-три длинныя, всѣ въ завиткахъ, кудри выпадали изъ-подъ нихъ на ея высохшую шею съ натянувшимися жилами. Возлѣ нея лежалъ ребенокъ, судорожно схватившій рукою за тощую грудь ея и скрутившій ее своими пальцами отъ невольной злости, не нашедъ въ ней молока. Онъ уже не плакалъ и не кричалъ, и только по тихо опускавшемуся и подымавшемуся животу его можно было думать, что онъ еще не умеръ или по-крайней-мѣрѣ еще только готовился испустить послѣднее дыханіе. Они поворотили въ ули-

цы и были остановлены вдругъ какимъ-то бѣснующимся, который, увидѣвъ у Андрія драгоцѣнную ношу, кинулся на него, какъ тигръ, вцѣпился въ него, крича: «хлѣба!» Но силъ не было у него равныхъ бѣшенству; Андрій оттолкнулъ его: онъ полетѣлъ на землю. Движимый состраданіемъ, онъ швырнулъ ему одинъ хлѣбъ, на который тотъ бросился, подобно бѣшеной собакѣ, изгрызъ, искусалъ его и тутъ же, на улицѣ, въ страшныхъ судорогахъ испустилъ духъ отъ долгой отвычки принимать пищу. Почти на каждомъ шагу поражали ихъ страшныя жертвы голода. Казалось, какъ-будто, не вынося мученій въ домахъ, многіе нарочно выбѣжали на улицу: не ниспошлется ли въ воздухѣ чего-нибудь питающаго силы. У воротъ одного дома сидѣла старуха, и нельзя сказать, заснула ли она, умерла или, просто, позабылась; по-крайней-мѣрѣ она уже не слышала и не видѣла ничего, и опустивъ голову на грудь, сидѣла недвижима на одномъ и томъ же мѣстѣ. Съ крыши другаго дома висѣло внизъ, на веревочной петлѣ, вытянувшееся и изсохшее тѣло. Бѣднякъ не могъ вынести до конца страданій голода и захотѣлъ лучше произвольнымъ самоубійствомъ ускорить

концѣ свой. При видѣ такихъ поражающихъ свидѣтельствъ голода, Андрій не вытерпѣлъ не спросить татарку: «неужели они однакожъ совсѣмъ не нашли, чѣмъ пробавить жизнь; если человѣку приходитъ послѣдняя крайность, тогда дѣлать нечего, онъ долженъ питаться тѣмъ, чѣмъ дотолѣ брезгалъ: онъ можетъ питаться тѣми тварями, которыя запрещены закономъ, все можетъ тогда пойти въ снѣдь».

«Все переѣли» сказала татарка: «всю скотину: ни коня, ни собаки, ни даже мыши не найдешь во всемъ городѣ. У насъ въ городѣ никогда не водилось никакихъ запасовъ: все привозилось изъ деревень».

«Но какъ же вы, умирая такою лютою смертью, все еще думаете оборонить городъ?»

«Да, можетъ-быть, воевода и сдалъ бы, но вчера утромъ полковникъ, который въ Бужанахъ, пустилъ въ городъ ястреба съ запиской, чтобы не отдавали города: что онъ идетъ на выручку съ полкомъ, да ожидаетъ только другаго полковника, чтобъ итти обоимъ вмѣстѣ. И теперь всякую минуту ждутъ ихъ... но вотъ мы пришли къ дому».

Андрій уже издали видѣлъ домъ, не похожій на другіе и, какъ казалось, строенный какимъ-ни-

будь архитекторомъ итальянскимъ: онъ былъ сложенъ изъ красивыхъ тонкихъ кирпичей въ два этажа. Окна нижняго этажа были заключены въ высоко выдавшіеся гранитные карнизы; верхній этажъ состоялъ весь изъ небольшихъ арокъ, образовавшихъ галлерею; между ними были видны рѣшотки съ гербами; на углахъ дома тоже были гербы. Наружная широкая лѣстница, изъ крашенныхъ кирпичей, выходила на самую площадь. Внизу лѣстницы сидѣло по одному часовому, которые картинно и симетрически держались одной рукой за стоявшія подлѣ нихъ алебарды, а другою подпирали наклоненныя свои головы и, казалось, такимъ образомъ болѣе походили на изваянія, чѣмъ на живыя существа. Они не спали и не дремали, но, казалось, были нечувствительны ко всему; они не обратили даже вниманія на то̀, кто всходилъ по лѣстницѣ. На верху лѣстницы они нашли богато убраннаго, всего съ ногъ до головы вооруженнаго воина, державшаго въ рукѣ молитвенникъ. Онъ было-возвелъ на нихъ истомленныя очи, но татарка сказала ему одно слово, и онъ опустилъ ихъ вновь, въ открытыя страницы своего молитвенника. Они вступили въ первую комнату до-

вольно просторную, служившую пріемною или, просто, переднею; она была наполнена вся сидѣвшими въ разныхъ положеніяхъ у стѣнъ солдатами, слугами, псарями, виночерпіями и прочей дворней, необходимою для показанія сана польскаго вельможи. Слышенъ былъ чадъ погаснувшей свѣчи; двѣ другія еще горѣли въ двухъ огромныхъ, почти въ ростъ человѣка, подсвѣчникахъ, стоявшихъ посрединѣ, несмотря на то̀, что уже давно въ рѣшотчатое широкое окно глядѣло утро. Андрій уже было-хотѣлъ итти прямо въ широкую дубовую дверь, украшенную гербомъ и множествомъ рѣзныхъ украшеній; но татарка дернула его за рукавъ и указала маленькую дверь въ боковой стѣнѣ. Этою вышли они въ корридоръ и пото̀мъ въ комнату, которую онъ началъ внимательно разсматривать. Свѣтъ, проходившій сквозь щель ставни, тронулъ кое-что: малиновый занавѣсъ, позолоченный карнизъ и живопись на стѣнѣ. Здѣсь татарка указала Андрію остаться, отворила дверь въ другую комнату, изъ которой блеснулъ свѣтъ огня. Онъ услышалъ шопотъ и тихій голосъ, отъ котораго все потряслось у него. Онъ видѣлъ сквозь растворившуюся дверь, какъ мелькнула быстро строй-

ная женская фигура съ длинною роскошною косою, упадавшею на поднятую кверху руку. Татарка возвратилась и сказала, чтобы онъ вошелъ. Онъ не помнилъ, какъ вошелъ и какъ затворилась за нимъ дверь. Въ комнатѣ горѣли двѣ свѣчи, лампа теплилась передъ образомъ; подъ нимъ стоялъ высокій столикъ, по обычаю католическому, со ступеньками для преклоненія колѣнъ во время молитвы. Но не того искали глаза его. Онъ повернулся въ другую сторону и увидѣлъ женщину, казалось, застывшую и окаменѣвшую въ какомъ-то быстромъ движеньи. Казалось, какъ-будто вся фигура ея хотѣла броситься къ нему и вдругъ остановилась. И онъ остался такъ же изумленнымъ предъ нею. Не такою воображалъ онъ ее видѣть: это была не она, не та, которую онъ зналъ прежде; ничего не было въ ней похожаго на ту; но вдвое прекраснѣе и чудеснѣе была она теперь, чѣмъ прежде; тогда было въ ней что-то не конченное, недовершенное; теперь это было произведеніе, которому художникъ далъ послѣдній ударъ кисти. Тò была прелестная, вѣтреная дѣвушка; эта была красавица, женщина во всей развившейся красѣ своей. Полное чувство выражалось въ ея

поднятыхъ глазахъ, не отрывки, не намеки на чувство, но все чувство. Еще слезы не успѣли въ нихъ высохнуть и облекли ихъ блистающею влагою, проходившею въ душу; грудь, шея и плечи заключились въ тѣ прекрасныя границы, которыя назначены вполнѣ развившейся красотѣ; волосы, которые прежде разносились легкими кудрями по лицу ея, теперь обратились въ густую, роскошную косу, часть которой была подобрана, а часть разбросалась по всей длинѣ руки и тонкими, длинными, прекрасно согнутыми волосами упадала на грудь: казалось, всѣ до одной измѣнились черты ея. Напрасно силился онъ отыскать въ нихъ хоть одну изъ тѣхъ, которыя носились въ его памяти, — ни одной. Какъ ни велика была ея блѣдность, но она не помрачала чудесной красы ея, напротивъ, какъ-будто придала ей что-то стремительное, неотразимо-побѣдоносное. И ощутилъ Андрій въ своей душѣ благоговѣйную боязнь, и сталъ неподвиженъ передъ нею. Она, казалось, также была поражена видомъ казака, представшаго во всей красѣ и силѣ юношескаго мужества, который и въ самой неподвижности своихъ членовъ уже обличалъ развязную вольность движеній; ясною

твердостью сверкалъ глазъ его, смѣлою дугою выгнулась бархатная бровь, загорѣлыя щеки блистали всею яркостью дѣвственнаго огня, и какъ шолкъ лоснился молодой чорный усъ.

«Нѣтъ, я не въ силахъ ничѣмъ возблагодарить тебя, великодушный рыцарь» сказала она, и весь колебался серебряный звукъ ея голоса. «Одинъ Богъ можетъ вознаградить тебя, не мнѣ, слабой женщинѣ....» она потупила свои очи; прекрасными, снѣжными полукружьями надвинулись на нихъ вѣки, охраненныя длинными, какъ стрѣлы, рѣсницами; наклонилося все чудесное лицо ея, и тонкій румянецъ оттѣнилъ его снизу. Не зналъ, что̀ сказать на это Андрій; онъ хотѣлъ бы выговорить все, что̀ ни есть на душѣ, выговорить его такъ же горячо, какъ оно было на душѣ — и не могъ. Почувствовалъ онъ что-то заградившее ему уста; звукъ отнялся у слова; почувствовалъ онъ, что не ему, воспитанному въ бурсѣ и въ бранной кочевой жизни, отвѣчать на такія рѣчи, и вознегодовалъ на свою казацкую натуру.

Въ это время вошла въ комнату татарка. Она уже успѣла нарѣзать ломтями принесенный рыцаремъ хлѣбъ, несла его на золотомъ

блюдѣ и поставила передъ своею паннoю. Красавица взглянула на нее, на хлѣбъ и возвела очи на Андрія, — и много было въ очахъ тѣхъ. Этотъ умиленный взоръ, выказавшій изнеможенье и безсилье выразить обнявшія ее чувства, былъ болѣе доступенъ Андрію, чѣмъ всѣ рѣчи. Его душѣ вдругъ стало легко; казалось, все развязалось у него. Душевныя движенья и чувства, которыя дотолѣ какъ-будто кто-то удерживалъ тяжкою уздою, теперь почувствовали себя освобожденными, на волѣ, и уже хотѣли излиться въ неукротимые потоки словъ. Какъ вдругъ красавица, обратясь къ татаркѣ, безпокойно спросила:

«А мать? ты отнесла ей?»

«Она спитъ».

«А отцу?»

«Отнесла; онъ сказалъ, что придетъ самъ благодарить рыцаря».

Она взяла хлѣбъ и поднесла его ко рту. Съ неизъяснимымъ наслажденіемъ глядѣлъ Андрій, какъ она ломала его блистающими пальцами своими и ѣла; и вдругъ вспомнилъ о бѣсновавшемся отъ голода, который испустилъ духъ въ глазахъ его, проглотивши кусокъ хлѣба. Онъ поблѣднѣлъ и, схвативъ ее за руку, закричалъ:

«довольно, не ѣшь больше! ты такъ долго не ѣла, тебѣ хлѣбъ будетъ теперь ядовитъ». И она опустила тутъ же свою руку; положила хлѣбъ на блюдо и, какъ покорный ребенокъ, смотрѣла ему въ очи. И пусть бы выразило чье-нибудь слово... но не властны выразить ни рѣзецъ, ни кисть, ни высоко-могучее слово того, что̀ видится иной разъ во взорахъ дѣвы, нижѐ того умиленнаго чувства, которымъ объемлется глядящій въ такіе взоры дѣвы.

«Царица!» вскрикнулъ Андрій, полный и сердечныхъ и душевныхъ, и всякихъ избытковъ: «что́ тебѣ нужно, чего ты хочешь, прикажи мнѣ! задай мнѣ службу самую невозможную, какая только есть на свѣтѣ — я побѣгу исполнить ее! Скажи мнѣ сдѣлать то̀, чего не въ силахъ сдѣлать ни одинъ человѣкъ — я исполню, я погублю себя. Погублю, погублю! и погубить себя для тебя, клянусь святымъ крестомъ, мнѣ такъ сладко.... но нѣтъ, нельзя сказать того! У меня три хутора, половина табуновъ отцовскихъ мои, все, что̀ принесла отцу мать моя, что̀ даже отъ него скрываетъ она — все мое! Нѣтъ ни у кого теперь изъ казаковъ нашихъ такого оружія, какъ у меня: за одну рукоять моей саб-

ли дають мнѣ лучшій табунъ и три тысячи овецъ. И отъ всего этого откажусь, кину, брошу, сожгу, затоплю, если только ты вымолвишь одно слово, или хотя только шевельнешь своею тонкою, чорною бровью! но знаю, что, можетъ-быть, несу глупыя рѣчи, и не кстати, и нейдетъ все это сюда, что не мнѣ, проведшему жизнь въ бурсѣ и на Запорожьи, говорить такъ, какъ въ обычаѣ говорить тамъ, гдѣ бываютъ короли, князья и все, что ни есть лучшаго въ вельможномъ рыцарствѣ. Вижу, что ты иное творенье Бога, нежели всѣ мы, и далеки предъ тобою другія боярскія жены и дочери-дѣвы».

Съ возрастающимъ изумленіемъ, вся превратившись въ слухъ, не проронивъ ни одного слова, слушала дѣва открытую, сердечную рѣчь, въ которой, какъ въ зеркалѣ, отражалась молодая, полная силъ душа, и каждое простое слово этой рѣчи, выговоренное голосомъ, летѣвшимъ прямо съ сердечнаго дна, облечено было въ силу. И выдалось впередъ все прекрасное лицо ея, отбросила она далеко назадъ досадные волосы, открыла уста и долго глядѣла съ открытыми устами; потомъ хотѣла что-то сказать и вдругъ остановилась, и вспомнила, что другимъ

назначеньемъ ведется рыцарь, что отецъ, братья и вся отчизна его стоятъ позади его суровыми мстителями, что страшны облегшіе городъ запорожцы, что лютой смерти обречены всѣ они съ своимъ городомъ... и глаза ея вдругъ наполнились слезами; она схватила платокъ, шитый шелками, набросила его себѣ на лицо, и онъ въ минуту сталъ весь влаженъ; и долго сидѣла, забросивъ назадъ свою прекрасную голову, сжавъ бѣлоснѣжными зубами свою прекрасную нижнюю губу, какбы внезапно почувствовавъ какое укушеніе ядовитаго гада и не снимая съ лица платка, чтобы *онъ* не видѣлъ ея сокрушительной грусти.

«Скажи мнѣ одно слово!» сказалъ Андрій и взялъ ее за атласную руку. Сверкающій огонь пробѣжалъ по жиламъ его отъ этого прикосновенья, и жалъ онъ руку, лежавшую безчувственно въ рукѣ его.

Но она молчала, не отнимала платка отъ лица своего и оставалась неподвижна.

«Отчего же ты такъ печальна? скажи мнѣ, отчего ты такъ печальна?»

Бросила прочь она отъ себя платокъ, отдернула падающіе на очи длинные волосы свои и

вся разлилася въ жалостныхъ рѣчахъ, выговаривая ихъ тихимъ голосомъ, подобно тому, какъ вѣтеръ, поднявшись въ прекрасный вечеръ, пробѣжитъ вдругъ по густой чащѣ приводнаго тростника, — зашелестятъ, зазвучатъ и понесутся вдругъ уныво-тонкіе звуки, и ловитъ ихъ съ непонятной грустью остановившійся путникъ, не чуя ни погасающаго вечера, ни несущихся весёлыхъ пѣсенъ народа, бредущаго отъ полевыхъ работъ и жнивъ, ни отдаленнаго стука гдѣ-то проѣзжающей телеги.

«Не достойна ли я вѣчныхъ сожалѣній? не несчастна ли мать, родившая меня на свѣтъ? не горькая ли доля пришлась на часть мнѣ? не лютый ли ты палачъ мой, моя свирѣпая судьба? Всѣхъ ты привела къ ногамъ моимъ: лучшихъ дворянъ изо всего шляхетства, богатѣйшихъ пановъ, графовъ и иноземныхъ бароновъ и все, что́ ни есть цвѣтъ нашего рыцарства. Всѣмъ имъ было вольно любить меня, и за великое благо всякій изъ нихъ почелъ бы любовь мою. Стоило мнѣ только махнуть рукой, и любой изъ нихъ, красивѣйшій, прекраснѣйшій лицомъ и породою сталъ бы моимъ супругомъ. И ни къ одному изъ нихъ не причаровала ты моего серд-

ца, свирѣпая судьба моя; а причаровала мое сердце мимо лучшихъ витязей земли нашей къ чуждому, ко врагу нашему. За что же ты, Пречистая Божья Матерь, за какіе грѣхи, за какія тяжкія преступленья такъ неумолимо и безпощадно гонишь меня? Въ изобиліи и роскошномъ избыткѣ всего текли дни мои; лучшія дорогія блюда и сладкія вина были мнѣ снѣдью. И на что̀ все это было? къ чему оно все было? къ тому ли, чтобы наконецъ умереть лютою смертью, какой не умираетъ послѣдній нищій въ королевствѣ. И мало того, что осуждена я на такую страшную участь, мало того, что передъ концомъ своимъ должна видѣть, какъ станутъ умирать въ невыносимыхъ мукахъ отецъ и мать, для спасенья которыхъ двадцать разъ готова была бы отдать жизнь свою, мало всего этого; нужно, чтобы передъ концомъ своимъ мнѣ довелось увидѣть и услышать слова и любовь, какой не видала я. Нужно, чтобы онъ рѣчами своими разодралъ на части мое сердце, чтобы горькая моя часть была еще горьше, чтобы еще жалче было мнѣ моей молодой жизни, чтобы еще страшнѣе казалась мнѣ смерть моя и чтобы еще больше, умирая, попрекала я

тебя, свирѣпая судьба моя, и тебя, прости мое прегрѣшеніе, святая Божья Матерь!»

И когда затихла она, безнадежное, безнадежное чувство отразилось въ лицѣ ея; ноющею грустью заговорила всякая черта его, и все, отъ печально-поникшаго лба и опустившихся очей, до слезъ, застывшихъ и засохнувшихъ по тихо-пламенѣвшимъ щекамъ ея, все, казалось, говорило: «нѣтъ счастья на лицѣ этомъ!»

«Не слыхано на свѣтѣ, не можно, не быть тому» говорилъ Андрій: «чтобы красивѣйшая и лучшая изъ женъ понесла такую горькую часть, когда она рождена на то̀, чтобы предъ ней, какъ предъ святыней, преклонилось все, что̀ ни есть лучшаго на свѣтѣ. Нѣтъ, ты не умрешь, не тебѣ умирать, клянусь моимъ рожденіемъ и всѣмъ, что̀ мнѣ мило на свѣтѣ, ты не умрешь! Если же будетъ уже такъ, и ничѣмъ, ни силой, ни молитвой, ни мужествомъ нельзя будетъ отклонить горькой судьбы, то мы умремъ вмѣстѣ, и прежде умру я, умру передъ тобой, у твоихъ прекрасныхъ колѣнъ, и развѣ уже мертваго меня разлучатъ съ тобою».

«Не обманывай, рыцарь, и себя и меня» говорила она, качая тихо прекрасной головой сво-

ей: «знаю, и, къ великому моему горю, знаю слишкомъ хорошо, что тебѣ нельзя любить меня, знаю я, какой долгъ и завѣтъ твой: тебя зовутъ отецъ, товарищи, отчизна, — а мы враги тебѣ».

«А что мнѣ отецъ, товарищи, отчизна?» сказалъ Андрій, встряхнувъ быстро головою и выпрямивъ весь прямой, какъ надрѣчный осокоръ, станъ свой: «такъ если жъ такъ, такъ вотъ что̀: нѣтъ у меня никого! Никого, никого!» повторилъ онъ тѣмъ же голосомъ и съ тѣмъ движеньемъ руки, съ какимъ упругій, несокрушимый казакъ выражаетъ рѣшимость на дѣло неслыханное и невозможное для другаго. «Кто сказалъ, что моя отчизна Украйна? кто далъ мнѣ ее въ отчизны? Отчизна есть то̀, чего ищетъ душа наша, что̀ милѣе для нея всего. Отчизна моя — ты! Вотъ моя отчизна! И понесу я отчизну эту въ сердцѣ моемъ, понесу ее, пока станетъ моего вѣку, и посмотрю, пусть кто-нибудь изъ казаковъ вырветъ ее оттуда! и все, что̀ ни есть, продамъ, отдамъ, погублю за такую отчизну!»

На мигъ остолбенѣвъ, какъ прекрасная статуя, смотрѣла она ему въ очи и вдругъ зарыда-

ла, и съ чудною женскою стремительностью, на какую бываетъ только способна одна безрасчетно-великодушная женщина, созданная на прекрасное сердечное движеніе, кинулась она къ нему на шею, обхвативъ его снѣгоподобными, чудными руками, и зарыдала. Въ это время раздались на улицѣ неясные крики, сопровождаемые трубнымъ и литаврнымъ звукомъ; но онъ не слышалъ ихъ; онъ слышалъ только, какъ чудныя уста обдавали его благовонной теплотой своего дыханія, какъ слезы ея текли ручьями къ нему на лицо и всѣ спустившіеся съ головы, пахучіе ея волосы опутали его всего своимъ темнымъ и блестящимъ шолкомъ.

Въ это время вбѣжала къ нимъ съ радостнымъ крикомъ татарка: «спасены, спасены!» кричала она, не помня себя: «наши вошли въ городъ, привезли хлѣба, пшена, муки и связанныхъ запорожцевъ». Но не слышалъ никто изъ нихъ, какіе «наши» вошли въ городъ, что̀ привезли съ собою и какихъ связали запорожцевъ. Полный чувствъ, вкушаемыхъ не на землѣ, Андрій поцаловалъ въ благовонныя уста, прильнувшія къ щекѣ его, и не безотвѣтны были благовонныя уста. Онѣ отозвались тѣмъ же, и въ этомъ обо-

юдно-сліянномъ поцалуѣ ощутилось тò, чтò одинъ только разъ въ жизни дается чувствовать человѣку.

И погибъ казакъ! пропалъ для всего казацкаго рыцарства! не видать ему больше ни Запорожья, ни отцовскихъ хуторовъ своихъ, ни церкви божіей. Украйнѣ не видать тоже храбрѣйшаго изъ своихъ дѣтей, взявшихся защищать ее. Вырветъ старый Тарасъ сѣдой клокъ волосъ изъ своей чупрыны и проклянетъ и день и часъ, въ который породилъ на позоръ себѣ такого сына.

═

VII.

Шумъ и движеніе происходили въ запорожскомъ таборѣ. Сначала никто не могъ дать вѣрнаго отчета, какъ случилось, что войска прошли въ городъ. Потòмъ уже оказалось, что весь Переяславскій курень, расположившійся передъ боковыми городскими воротами, былъ пьянъ мертвецки; стало-быть, дивиться нечего, что половина была перебита, а другая перевязана еще прежде, чѣмъ

всѣ могли узнать, въ чемъ дѣло. Покамѣстъ ближніе курени, разбуженные шумомъ, успѣли схватиться за оружіе, войско уже уходило въ ворота и послѣдніе ряды отстрѣливались отъ устремившихся на нихъ въ безпорядкѣ сонныхъ и полупротрезвившихся запорожцевъ. Кошевой далъ приказъ собраться всѣмъ, и когда всѣ стали въ кругъ и затихли, снявши шапки, онъ сказалъ:

«Такъ вотъ что̀, панове-братове, случилось въ эту ночь; вотъ до чего довелъ хмѣль! вотъ какое поруганье оказалъ намъ непріятель! У васъ, видно, уже такое заведеніе: коли позволишь удвоить порцію, такъ вы готовы такъ натянуться, что врагъ христоваго воинства не только сниметъ съ васъ шаравары, но въ самое лицо вамъ начхаетъ, такъ вы того не услышите».

Казаки всѣ стояли понуривъ головы, зная вину; одинъ только Незамайковскій куренной атаманъ Кукубенко отозвался: «постой, батько!» сказалъ онъ: «хоть оно и не въ законѣ, чтобы сказать какое возраженіе, когда говоритъ кошевой предъ лицомъ всего войска, да дѣло не такъ было, такъ нужно сказать. Ты несовсѣмъ справедливо попрекнулъ. Казаки были бы повинны

и достойны смерти, если бы напились въ походѣ, на войнѣ, на трудной, тяжкой работѣ; но мы сидѣли безъ дѣла, маячились попусту передъ городомъ. Ни поста, ни другаго христіянскаго воздержанья не было; какъ же можетъ статься, чтобы на бездѣльи не напился человѣкъ? Грѣха тутъ нѣтъ. А мы вотъ лучше покажемъ имъ, что̀ такое нападать на безвинныхъ людей. Прежде били добре, а ужъ теперь побьемъ такъ, что и пять не унесутъ домой».

Рѣчь куреннаго атамана понравилась казакамъ. Они приподняли уже совсѣмъ-было понурившіяся головы и многіе одобрительно кивнули головой, примолвивши: «добре сказалъ Кукубенко!» А Тарасъ Бульба, стоявшій недалеко отъ кошеваго, сказалъ: «а что, кошевой, видно, Кукубенко правду сказалъ! что̀ ты скажешь на это?»

«А что̀ скажу? скажу: блаженъ и отецъ, родившій такого сына: еще не большая мудрость сказать укорительное слово, но бо̀льшая мудрость сказать такое слово, которое, не поругавшись надъ бѣдою человѣка, ободрило бы его, придало бы духу ему, какъ шпоры придаютъ духу коню, освѣженному водопоемъ. Я самъ хотѣлъ

вамъ сказать потомъ утѣшительное слово, да Кукубенко догадался прежде».

«Добре сказалъ и кошевой!» отозвалось въ рядахъ запорожцевъ. «Доброе слово!» повторили другіе. И самые сѣдые, стоявшіе, какъ сизые голуби, и тѣ кивнули головою и, моргнувши сѣдымъ усомъ, тихо сказали: «добре сказанное слово!»

«Теперь слушайте же, панове!» продолжалъ кошевой: «брать крѣпость, карабкаться и подкапываться, какъ дѣлаютъ чужеземные нѣмецкіе мастера — пусть ей врагъ прикинется! и не прилично, и не казацкое дѣло. А судя потому, что есть, непріятель вошелъ въ городъ не съ большимъ запасомъ; телегъ что-то было съ нимъ не много; народъ въ городѣ голодный, стало-быть, все съѣстъ духомъ, да и конямъ тоже сѣна.... ужъ я не знаю, развѣ съ неба кинетъ имъ на вилы какой-нибудь ихъ святой.... только про это еще Богъ знаетъ; а ксензы-то ихъ горазды на однѣ слова. За тѣмъ, или за другимъ, а ужъ они выйдутъ изъ города. Раздѣляйся же на три кучи и становись на три дороги передъ тремя воротами. Передъ главными воротами пять куреней, передъ другими по три куреня. Дядькив-

скій и Корсунскій курень на засаду! Полковникъ Тарасъ съ полкомъ на засаду; Тытаревскій и Туппошевскій курень на запасъ съ праваго боку обоза, Щербиновскій и Стебликивскій верхній, съ лѣваго боку! Да выбирайтесь изъ ряду молодцы, которые позубастѣй на слово, задирать непріятеля! У ляха пустоголовая натура, брани не вытерпитъ и, можетъ-быть, сегодня же всѣ они выйдутъ изъ воротъ. Куренные атаманы, всякій перегляди курень свой: у кого недочетъ, пополни его остатками Переяславскаго. Перегляди все снова! Дать на опохмѣлъ всѣмъ по чаркѣ и по хлѣбу на казака! Только, вѣрно, всякій еще вчерашнимъ сытъ, ибо, некуда дѣть правды, поначадились всѣ такъ, что дивлюсь, какъ ночью никто не лопнулъ. Да вотъ еще одинъ наказъ: если кто-нибудь, шинкарь-жидъ, продастъ казаку хоть одинъ кухоль сивухи, то я прибью ему на самый лобъ свиное ухо, собакѣ, и повѣшу ногами вверхъ! За работу же, братцы, за работу!»

Такъ распоряжалъ кошевой, и всѣ поклонились ему въ-поясъ, и не надѣвая шапокъ, отправились къ своимъ возамъ и таборомъ, и когда уже совсѣмъ далеко отошли, тогда только надѣ-

ли шапки. Всѣ начали снаряжаться: пробовали сабли и палаши, насыпали порохъ изъ мѣшковъ въ пороховницы, откатывали и становили возы и выбирали коней.

Уходя къ своему полку, Тарасъ думалъ и не могъ придумать, куда бы дѣвался Андрій; полонили ли его вмѣстѣ съ другими и связали соннаго; только нѣтъ, не таковъ Андрій, чтобы отдался живымъ въ плѣнъ. Между убитыми казаками тоже не было его видно. Задумался крѣпко Тарасъ и шелъ передъ полкомъ, не слыша, что его давно называлъ кто-то по имени. «Кому нужно меня?» сказалъ онъ наконецъ очнувшись. Передъ нимъ стоялъ жидъ Янкель.

«Панъ полковникъ, панъ полковникъ!» говорилъ жидъ посиѣшнымъ и прерывистымъ голосомъ, какъ-будто бы хотѣлъ объявить дѣло несовсѣмъ пустое: «я былъ въ городѣ, панъ полковникъ!»

Тарасъ посмотрѣлъ на жида и подивился тому, что онъ уже успѣлъ побывать въ городѣ. «Какой же врагъ тебя занесъ туда?»

«Я тотчасъ разскажу» сказалъ Янкель: «какъ только услышалъ я на зарѣ шумъ, и казаки стали стрѣлять, я ухватилъ кафтанъ и, не надѣвая

его, побѣжалъ туда бѣгомъ, дорогою уже надѣлъ его въ рукава, потому-что хотѣлъ поскорѣй узнать, отчего шумъ, отчего казаки на самой зарѣ стали стрѣлять. Я взялъ и прибѣжалъ къ самымъ городскимъ воротамъ въ то время, когда послѣднее войско входило въ городъ. Гляжу, впереди отряда панъ хорунжій, Галяндовичъ. Онъ человѣкъ мнѣ знакомый: еще съ третьяго года задолжалъ сто червонныхъ; я за нимъ, будто бы за тѣмъ, чтобы выправить съ него долгъ, и вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ городъ».

«Какъ же ты: вошелъ въ городъ, да еще и долгъ хотѣлъ выправить!» сказалъ Бульба: «и не велѣлъ онъ тебя тутъ же повѣсить, какъ собаку?»

«А ейбогу, хотѣлъ повѣсить» отвѣчалъ жидъ: «уже было его слуги совсѣмъ схватили меня и закинули веревку на шею, но я взмолился пану, сказалъ, что подожду долгу, сколько панъ хочетъ, и пообѣщалъ еще дать взаймы, какъ только поможетъ мнѣ собрать долги съ другихъ рыцарей; ибо у пана хорунжаго, я все скажу пану, нѣтъ ни одного червоннаго въ карманѣ, хоть у него есть и хутора, и усадьбы, и четыре замка, и степовой земли до самаго Шклова,

а грошей у него, такъ какъ у казака, ничего нѣтъ. И теперь, если бы не вооружили его бреславскіе жиды, не въ чемъ было бы ему на войну выѣхать. Онъ и на сеймѣ оттого не былъ....»

«Что жъ ты дѣлалъ въ городѣ? видѣлъ нашихъ?»

«Какъ же, нашихъ тамъ много: Ицка, Рахумъ, Самуйло, Хайвальхъ, еврей арендаторъ...»

«Пропади они, собаки!» вскрикнулъ, разсердившись, Тарасъ: «что ты мнѣ тычешь свое жидовское племя! я тебя спрашиваю про нашихъ запорожцевъ?»

«Нашихъ запорожцевъ не видалъ; а видѣлъ одного пана Андрія».

«Андрія видѣлъ?» вскрикнулъ Бульба: «что жъ онъ? гдѣ видѣлъ его? въ подвалѣ? въ ямѣ? обезчещенъ? связанъ?»

«Кто же бы смѣлъ связать пана Андрія? теперь онъ такой важный рыцарь... далибугъ, я не узналъ. И наплечники въ золотѣ, и на поясѣ золото, и вездѣ золото, и все золото; такъ какъ солнце взглянетъ весною, когда въ огородѣ всякая пташка пищитъ и поетъ, и всякая травка пахнетъ, такъ и онъ весь сіяетъ въ золотѣ, и коня ему далъ воевода самаго лучшаго

подъ-верхъ: два ста червонныхъ стоитъ одинъ конь».

Бульба остолбенѣлъ. «Зачѣмъ же онъ надѣлъ чужое одѣянье?»

«Потому-что лучше, потому и надѣлъ. И самъ разъѣзжаетъ, и другіе разъѣзжаютъ, и онъ учитъ, и его учатъ; какъ наибогатѣйшій польскій панъ».

«Кто жъ его принудилъ?»

«Я жъ не говорю, чтобы его кто принудилъ. Развѣ панъ не знаетъ, что онъ по своей волѣ перешелъ къ нимъ?»

«Кто перешелъ?»

«А панъ Андрій».

«Куда перешелъ?»

«Перешелъ на ихъ сторону; онъ уже теперь совсѣмъ ихній».

«Врешь, свиное ухо!»

«Какъ же можно, чтобы я вралъ? дуракъ я развѣ, чтобы вралъ? на свою бы голову я вралъ? Развѣ я не знаю, что жида повѣсятъ, какъ собаку, коли онъ соврётъ передъ паномъ».

«Такъ это выходитъ онъ, по-твоему, продалъ отчизну и вѣру?»

«Я же не говорю этого, чтобы онъ продалъ

что̀, я сказалъ только, что онъ перешелъ къ нимъ».

«Врешь, чортовъ жидъ! такого дѣла не было на христіянской землѣ! ты путаешь, собака!»

«Пусть трава поростетъ на порогѣ моего дома, если я путаю! Пусть всякій наплюетъ на могилу отца, матери, свекра и отца отца моего и отца матери моей, если я путаю. Если панъ хочетъ, я даже скажу, и отчего онъ перешелъ къ нимъ».

«Отчего?»

«У воеводы есть дочка красавица, святой Боже! какая красавица!» Здѣсь жидъ постарался, какъ только могъ, выразить въ лицѣ своемъ красоту, разставивъ руки, прищуривъ глазъ и покрививши на бокъ ротъ, какъ-будто чего-нибудь отвѣдавши.

«Ну такъ что̀ же изъ того?»

«Онъ для нея и сдѣлалъ все и перешелъ. Коли человѣкъ влюбится, то онъ все равно, что подошва, которую коли размочишь въ водѣ, возьми, согни — она и согнется».

Крѣпко задумался Бульба. Вспомнилъ онъ, что велика власть слабой женщины, что многихъ сильныхъ погубляла она, что податлива съ этой

стороны природа Андрія, и стоялъ онъ долго, какъ вкопанный, на одномъ и томъ же мѣстѣ.

«Слушай, панъ, я все разскажу пану» говорилъ жидъ: «а какъ только услышалъ я шумъ и увидѣлъ, что проходятъ въ городскія ворота, я схватилъ на всякій случай съ собой нитку жемчугу, потому-что въ городѣ есть красавицы и дворянки; а коли есть красавицы и дворянки, сказалъ я себѣ, то имъ хоть и ѣсть нечего, а жемчугъ все-таки купятъ. И какъ только хорунжаго слуги пустили меня, я побѣжалъ на воеводинъ дворъ продавать жемчугъ. Разспросилъ все у служанки-татарки: будетъ свадьба сейчасъ, какъ только прогонятъ запорожцевъ. Панъ Андрій обѣщался прогнать запорожцевъ».

«И ты не убилъ тутъ же на мѣстѣ его, чортова сына?» вскрикнулъ Бульба.

«За что̀ же убить? онъ перешелъ по доброй волѣ. Чѣмъ человѣкъ виноватъ: тамъ ему лучше, туда и перешелъ».

«И ты видѣлъ его въ самое лицо?»

«Ейбогу въ самое лицо! такой славный вояка! всѣхъ взрачнѣй. Дай ему Богъ здоровья, меня тотчасъ узналъ; и когда я подошелъ къ нему, тотчасъ сказалъ....»

«Что жъ онъ сказалъ?»

«Онъ сказалъ, прежде кивнулъ пальцемъ, а потомъ уже сказалъ: «Янкель!» А я: «панъ Андрій!» говорю. «Янкель, скажи отцу, скажи брату, скажи казакамъ, скажи запорожцамъ, скажи всѣмъ, что отецъ теперь не отецъ мнѣ, братъ не братъ, товарищъ не товарищъ, и что я съ ними буду биться со всѣми, со всѣми буду биться!»

«Врешь, чортовъ Іуда!» —закричалъ, вышедъ изъ себя, Тарасъ: «врешь, собака! Ты и Христа распялъ, проклятый Богомъ человѣкъ! Я тебя убью, сатана! утекай отсюда, нето тутъ же тебѣ и смерть?» И сказавши это, Тарасъ выхватилъ свою саблю. Испуганный жидъ припустился тутъ же во всѣ лопатки, какъ только могли вынести его тонкія, сухія икры. Долго еще бѣжалъ онъ безъ-оглядки между казацкимъ таборомъ и потомъ далеко по всему чистому полю, хотя Тарасъ вовсе не гнался за нимъ, размысливъ, что неразумно вымѣщать запальчивость на первомъ подвернувшемся.

Теперь припомнилъ онъ, что видѣлъ въ прошлую ночь Андрія, проходившаго по табору съ какой-то женщиною, и поникъ сѣдою головою;

а все-еще не хотѣлъ вѣрить, чтобы могло случиться такое позорное дѣло и чтобы собственный сынъ его продалъ вѣру и душу.

Наконецъ повелъ онъ свой полкъ въ засаду и скрылся съ нимъ за лѣсомъ, который одинъ былъ не выжженъ еще казаками. А запорожцы, и пѣшіе и конные, выступали на три дороги къ тремъ воротамъ. Одинъ за другимъ валили курени: Уманскій, Поповичевскій, Коневскій, Стебликивскій, Незамайковскій, Гургузивъ, Тытаревскій, Тымошевскій. Одного только Переяславскаго не было. Крѣпко курнули казаки его, и прокурили свою долю. Кто проснулся связанный во вражьихъ рукахъ, кто, и совсѣмъ не просыпаясь, сонный перешелъ въ сырую землю, и самъ атаманъ Хлибъ, безъ шараваръ и верхняго убранства, очутился въ ляшскомъ станѣ.

Въ городѣ услышали казацкое движенье. Всѣ высыпали на валъ, и предстала предъ казаковъ живая картина: польскіе витязи, одинъ другаго красивѣй, стояли на валу. Мѣдныя шапки сіяли, какъ солнцы, оперенныя бѣлыми, какъ лебедь, перьями. На другихъ были легкія шапочки, розовыя и голубыя, съ перегнутыми на-

бекрень верхами. Кафтаны съ откидными рукавами, шитые золотомъ и просто выложенные шнурками. У тѣхъ сабли и ружья въ дорогихъ оправахъ, за которыя дорого приплачивались паны, и много было всякихъ другихъ убранствъ. Напереди стоялъ спѣсиво, въ красной шапкѣ, убранной золотомъ, буджаковскій полковникъ. Грузенъ былъ полковникъ, всѣхъ выше и толще, и широкій, дорогой кафтанъ на-силу облекалъ его. На другой сторонѣ, почти къ боковымъ воротамъ, стоялъ другой полковникъ, небольшой человѣкъ, весь высохшій; но малыя зоркія очи глядѣли живо изъ-подъ густо-наросшихъ бровей, и оборачивался онъ скоро на всѣ стороны, указывая бойко тонкою, сухою рукою своею, раздавая приказанья; видно было, что, несмотря на малое тѣло свое, зналъ онъ хорошо ратную науку. Недалеко отъ него стоялъ хорунжій длинный-длинный, съ густыми усами, и, казалось, не было у него недостатка въ краскѣ на лицѣ: любилъ панъ крѣпкіе меды и добрую пирушку. И много было видно за ними всякой шляхты, вооружившейся, кто на свои червонцы, кто на королевскую казну, кто на жидовскія деньги, заложивъ все, что̀ ни нашлось въ дѣдов-

скихъ замкахъ. Не мало было и всякихъ сенаторскихъ нахлѣбниковъ, которыхъ брали съ собою сенаторы на обѣды для почета, которые крали со стола и изъ буфетовъ серебряные кубки и послѣ сегоднешняго почета на другой день садились на козлы править конями у какого-нибудь пана. Много всякихъ было тамъ. Иной разъ и выпить было не на что, а на войну все принарядилось. Казацкіе ряды стояли тихо передъ стѣнами. Не было изъ нихъ ни на комъ золота; только развѣ кое-гдѣ блестѣло оно на сабельныхъ рукоятяхъ и ружейныхъ оправахъ. Не любили казаки богато наряжаться на битвахъ; простыя были на нихъ кольчуги и свиты, и далеко чернѣли и червонѣли чорныя, червоноверхія бараньи ихъ шапки.

Два казака выѣхали впередъ изъ запорожскихъ рядовъ. Одинъ еще совсѣмъ молодой, другой постарѣе, оба зубастые на слова, на дѣлѣ тоже не плохіе казаки: Охримъ Нашъ и Мыкыта Голокопытенко. Слѣдомъ за ними выѣхалъ и Демидъ Поповичъ, коренастый казакъ, уже давно маячившій на Сѣчѣ, бывшій подъ Адріанополемъ и много потерпѣвшій на вѣку своемъ: горѣлъ въ огнѣ и прибѣжалъ на Сѣчь съ обсмо-

ленною, почернѣвшею головою и сгорѣвшими усами. Но раздобрѣлъ вновь Поповичъ, пустилъ за ухо оселедецъ, выростилъ усы густые и черные, какъ смоль, и крѣпокъ былъ на ѣдкое слово Поповичъ.

«А, красные жупаны на всемъ войскѣ, да хотѣлъ бы я знать, красная ли сила у войска?»

«Вотъ я васъ!» кричалъ сверху дюжій полковникъ: «всѣхъ перевяжу! отдавайте, холопы, ружья и коней. Видѣли, какъ перевязалъ я вашихъ? Выведите имъ на валъ запорожцевъ!» И вывели на валъ скрученныхъ веревками запорожцевъ; впереди ихъ былъ куренной атаманъ Хлибъ, безъ шараваръ и верхняго убранства, такъ, какъ схватили его хмѣльнаго. И потупилъ въ землю голову атаманъ, стыдясь наготы своей передъ своими же казаками и того, что попалъ въ плѣнъ, какъ собака, сонный. Въ одну ночь посѣдѣла крѣпкая голова его.

«Не печалься, Хлибъ! выручимъ!» кричали ему снизу казаки.

«Не печалься, друзьяка!» отозвался куренной атаманъ Бородатый: «Въ томъ нѣтъ вины твоей, что схватили тебя нагаго; бѣда можетъ быть со

всякимъ человѣкомъ; но стыдно имъ, что выставили тебя на позоръ, не прикрывши прилично наготы твоей».

«Вы, видно, на сонныхъ людей храброе войско?» говорилъ, поглядывая на валъ, Голокопытенко.

«Вотъ погодите, обрѣжемъ мы вамъ чубы!» кричали имъ сверху.

«А хотѣлъ бы я поглядѣть, какъ они намъ обрѣжутъ чубы!» говорилъ Поповичъ, поворотившись передъ ними на конѣ, и потомъ, поглядѣвши на своихъ, сказалъ: «А чтожъ? можетъ-быть, ляхи и правду говорятъ: коли выведетъ ихъ вонъ тотъ пузатый, имъ всѣмъ будетъ добрая защита».

«Отчегожъ ты думаешь будетъ имъ добрая защита?» сказали казаки, зная, что Поповичъ вѣрно уже готовился что-нибудь отпустить.

«А оттого, что позади его упрячется все войско, и ужъ чорта съ два изъ-за его пуза достанешь котораго-нибудь копьемъ!» Всѣ засмѣялись казаки; и долго многіе изъ нихъ еще покачивали головою, говоря: «ну ужъ Поповичъ! ужъ коли кому закрутитъ слово, такъ только

ну..!» — Да ужъ и не сказали казаки, что̀ такое «ну».

«Отступайте, отступайте скорѣй отъ стѣнъ!» закричалъ кошевой; ибо ляхи, казалось, не выдержали ѣдкаго слова, и полковникъ махнулъ рукой. Едва только посторонились казаки, какъ грянули съ вала картечью. На валу засуетились, показался самъ сѣдой воевода на конѣ. Ворота отворились и выступило войско. Впереди выѣхали ровнымъ коннымъ строемъ гусары, за ними кольчужники, пото̀мъ латники съ копьями, пото̀мъ всѣ въ мѣдныхъ шапкахъ, пото̀мъ ѣхали особнякомъ лучшіе шляхтичи, каждый одѣтый по-своему. Не хотѣли гордые шляхтичи вмѣшаться въ ряды съ другими, и у котораго не было команды, тотъ ѣхалъ одинъ съ своими слугами. Пото̀мъ опять ряды, и за ними выѣхалъ хорунжій, за нимъ опять ряды, и выѣхалъ дюжій полковникъ, а позади всего уже войска выѣхалъ послѣднимъ низенькій полковникъ.

«Не давать имъ! не давать имъ строиться и становиться въ ряды!» кричалъ кошевой: «разомъ напирайте на нихъ всѣ курени! Оставляйте же прочія ворота! Титаревскій курень нападай съ боку! Дядьковскій курень нападай съ

другаго! Напирайте на тылъ Кукубенко и Палывода! Мѣшайте, мѣшайте и розните ихъ!» И ударили со всѣхъ сторонъ казаки, сбили и смѣшали ляховъ и сами смѣшались. Не дали даже и стрѣльбы произвесть; пошло дѣло на мечи, да на копья. Всѣ сбились въ кучу, и каждому привелъ случай показать себя. Демидъ Поповичъ трехъ закололь простыхъ и двухъ лучшихъ шляхтичей сбилъ съ коней, говоря: «Вотъ добрые кони! такихъ коней я давно хотѣлъ достать». И выгналъ коней далеко въ поле, крича стоявшимъ казакамъ перенять ихъ. Потомъ вновь пробился въ кучу, напалъ опять на сбитыхъ съ коней шляхтичей, одного убилъ, а другому накинулъ арканъ на шею, привязалъ къ сѣдлу и поволокъ его по всему полю, снявъ съ него саблю съ дорогою рукоятью и отвязавъ отъ пояса цѣлый черенокъ съ червонцами. Кобита, добрый казакъ и молодой еще, схватился тоже съ однимъ изъ храбрѣйшихъ въ польскомъ войскѣ, и долго бились они. Сошлись уже въ рукопашный, одолѣлъ-было уже казакъ и, сломивши, ударилъ острымъ турецкимъ ножомъ въ грудь. Но не уберегся самъ: тутъ же въ високъ хлопнула его горячая пуля. Свалилъ его знат-

нѣйшій изъ пановъ, красивѣйшій и древняго княжескаго рода рыцарь. Какъ стройный тополь, носился онъ на буланомъ конѣ своемъ. И много уже показалъ боярской богатырской удали: двухъ запорожцевъ разрубилъ надвое, Ѳедора Коржа, добраго казака, опрокинулъ вмѣстѣ съ конемъ, выстрѣлилъ по коню, а казака досталъ изъ-за коня копьемъ; многимъ отнялъ головы и руки, повалилъ казака Кобиту, вогнавши ему пулю въ високъ. «Вотъ съ кѣмъ бы я хотѣлъ попробовать силы?» закричалъ незамайковскій куренной атаманъ Кукубенко. Припустивъ коня, налетѣлъ прямо ему въ тылъ и сильно вскрикнулъ, такъ-что вздрогнули всѣ близстоявшіе отъ нечеловѣческаго крика. Хотѣлъ-было поворотить вдругъ своего коня ляхъ и стать ему въ лицо; но не послушался конь; испуганный страшнымъ крикомъ, метнулся на-сторону, и досталъ его ружейною пулею Кукубенко. Вошла въ спинныя лопатки ему горячая пуля и свалился онъ съ коня. Но и тутъ не поддался ляхъ, все еще силился нанести врагу ударъ, но ослабѣла упавшая вмѣстѣ съ саблею рука. А Кукубенко, взявъ въ обѣ руки свой тяжелый палашъ, вогналъ его ему въ самыя поблѣднѣв-

шія уста. Вышибъ два сахарные зуба палашъ, разсѣкъ надвое языкъ, разбилъ горловой позвонокъ и вошелъ далеко въ землю; такъ и пригвоздилъ онъ его тамъ на-вѣки къ сырой землѣ. Ключемъ хлынула вверхъ алая, какъ надрѣчная калина, высокая дворянская кровь и выкрасила весь, обшитый золотомъ, жолтый кафтанъ. А Кукубенко уже кинулъ его и пробился съ своими незамайковцами въ другую кучу. «Эхъ, оставилъ неприбраннымъ такое дорогое убранство!» сказалъ уманскій куренной Бородатый, отъѣзжая отъ своихъ къ мѣсту, гдѣ лежалъ убитый Кукубенкомъ шляхтичъ. «Я семерыхъ убилъ шляхтичей своею рукою, а такого убранства еще не видѣлъ ни на комъ». И польстился корыстью Бородатый, нагнулся, чтобы снять съ него дорогіе доспѣхи, вынулъ уже турецкій ножъ въ оправѣ изъ самоцвѣтныхъ каменьевъ, отвязалъ отъ пояса черенокъ съ червонцами, снялъ съ груди сумку съ тонкимъ бѣльемъ, дорогимъ серебромъ и дѣвическою кудрею, сохранно сберегавшеюся на память. И не услышалъ Бородатый, какъ налетѣлъ на него сзади красноносый хорунжій, уже разъ сбитый имъ съ сѣдла и получившій добрую зазубрину

на память. Размахнулся онъ со всего плеча и ударилъ его саблей по нагнувшейся шеѣ. Не къ добру повела корысть: отскочила могучая голова и упалъ обезглавленный трупъ, далеко оросивши землю. Понеслась къ вышинамъ суровая казацкая душа, хмурясь и негодуя и вмѣстѣ съ тѣмъ дивуясь, что такъ рано вылетѣла изъ такого крѣпкаго тѣла. Не успѣлъ хорунжій ухватить за чубъ атаманскую голову, чтобы привязать ее къ сѣдлу, а ужъ былъ тутъ суровый мститель.

Какъ плавающій въ небѣ ястребъ, давши много круговъ сильными крылами, вдругъ останавливается распластанный среди воздуха на одномъ мѣстѣ и бьетъ оттуда стрѣлой на раскричавшагося у самой дороги самца-перепела; такъ тарасовъ сынъ Остапъ налетѣлъ вдругъ на хорунжаго и съ разу накинулъ ему на шею веревку. Побагровѣло еще сильнѣе красное лицо хорунжаго, когда затянула ему горло жестокая петля; схватился онъ было за пистолетъ, но судорожно сведенная рука не могла направить выстрѣла и даромъ полетѣла въ поле пуля. Остапъ тутъ же у его же сѣдла отвязалъ шолковый шнуръ, который возилъ съ собою хорунжій для вязанія

плѣнныхъ, и его же шнуромъ связалъ его по рукамъ и по ногамъ, прицѣпилъ конецъ веревки къ сѣдлу и поволокъ его черезъ поле, сзывая громко всѣхъ казаковъ Уманскаго куреня, чтобы шли отдать послѣднюю честь атаману. Какъ услышали уманцы, что куреннаго ихъ атамана Бородатаго нѣтъ уже въ живыхъ, бросили поле битвы и прибѣжали прибирать его тѣло, и тутъ же стали совѣщаться, кого выбрать въ куренные. Наконецъ сказали: «Да на что̀ совѣщаться: лучше неможно поставить въ куренные, какъ Бульбенка Остапа: онъ, правда, младшій всѣхъ насъ, но разумъ у него, какъ у стараго человѣка». Остапъ, снявъ шапку, всѣхъ поблагодарилъ казаковъ-товарищей за честь, не сталъ отговариваться ни молодостью, ни молодымъ разумомъ, зная, что время военное и не до того теперь; а тутъ же повелъ ихъ прямо на кучу и ужъ показалъ имъ всѣмъ, что не даромъ выбрали его въ атаманы. Почувствовали ляхи, что уже становилось дѣло слишкомъ жарко, отступили и перебѣжали поле, чтобъ собраться на другомъ концѣ его. А низенькій полковникъ махнулъ на стоявшія отдѣльно у самыхъ воротъ четыре свѣжія сотни, и грянули

оттуда картечью въ казацкія кучи; но мало кого достали: пули хватали по быкамъ казацкимъ, дико глядѣвшимъ на битву. Взревѣли испуганные быки, поворотили на казацкіе таборы, переломали возы и многихъ перетоптали. Но Тарасъ, въ это время вырвавшись изъ засады съ своимъ полкомъ, съ крикомъ бросился на-перейми. Поворотилось назадъ все бѣшеное стадо, испуганное крикомъ, и метнулось на ляшскіе полки, опрокинуло конницу, всѣхъ смяло и разсыпало.

«О, спасибо вамъ, волы!» кричали запорожцы: «служили все походную службу, а теперь и военную сослужили!» И ударили съ новыми силами на непріятеля. Много тогда перебили враговъ. Многіе показали себя: Метелица, Шило, оба Писаренки, Вовтузенко, и не мало было всякихъ другихъ. Увидѣли ляхи, что плохо наконецъ приходитъ, выкинули хоругвь и закричали отворять городскія ворота. Со скрипомъ отворились обитыя желѣзомъ ворота и приняли толпившихся, какъ овецъ въ овчарню, изнуренныхъ и покрытыхъ пылью всадниковъ. Многіе изъ запорожцевъ погнались-было за ними, но Остапъ своихъ уманцевъ остановилъ,

сказавши: «подальше, подальше, паны-братья, отъ стѣнъ! не годится близко подходить къ нимъ». И правду сказалъ, потому-что со стѣнъ грянуло и посыпали всѣмъ, чѣмъ ни попало, и многимъ досталось. Въ это время подъѣхалъ кошевой и похвалилъ Остапа, сказавши: «Вотъ и новый атаманъ, а ведетъ войско такъ, какъ бы и старый!» Оглянулся старый Бульба поглядѣть, какой тамъ новый атаманъ, и увидѣлъ, что впереди всѣхъ уманцевъ сидѣлъ на конѣ Остапъ и шапка заломлена набекрень, и атаманская палица въ рукѣ. «Вишь ты какой!» сказалъ онъ, глядя на него, и обрадовался старый и сталъ благодарить всѣхъ уманцевъ за честь, оказанную сыну.

Казаки вновь отступили, готовясь итти къ таборамъ, а на городскомъ валу вновь показались ляхи уже съ изорванными епанчами. Запеклася кровь на многихъ дорогихъ кафтанахъ и пылью покрылись красивыя мѣдныя шапки.

«Что, перевязали?» кричали имъ снизу запорожцы. «Вотъ я васъ!» кричалъ все такъ же сверху толстый полковникъ, показывая веревку; и все еще не переставали грозить запыленные, изнуренные воины, и перекинулись съ обѣихъ

сторонъ всѣ бывшіе позадорнѣе бойкими словами.

Наконецъ разошлись всѣ. Кто расположился отдыхать, утомившись отъ боя; кто присыпалъ землей свои раны и дралъ на перевязки платки и дорогія одежды, снятыя съ убитаго непріятеля. Другіе же, которые были посвѣжѣе, стали прибирать тѣла и отдавать имъ послѣднюю почесть. Палашами, копьями копали могилы, шапками, полами выносили землю, сложили честно казацкія тѣла и засыпали ихъ свѣжею землею, чтобы не досталось воронамъ и хищнымъ орламъ выклевать имъ очи. А ляшскія тѣла, привязавши, какъ попало, десятками къ хвостамъ дикихъ коней, пустили ихъ по всему полю и долго потомъ гнались за ними и хлестали ихъ по бокамъ. Летѣли бѣшеные кони по бороздамъ, буграмъ, черезъ рвы и протоки, и бились о землю покрытые кровью и прахомъ ляшскіе трупы.

Потомъ сѣли кругами всѣ курени вечеромъ и долго говорили о дѣлахъ и подвигахъ, доставшихся въ удѣлъ каждому, на вѣчный разсказъ пришельцамъ и потомству. Долго не ложились они; а долѣе всѣхъ не ложился старый Тарасъ,

все размышляя, что̀ бы значило, что Андрія не было между вражьихъ воевъ. Посовѣстился ли Іуда выйти противу своихъ, или обманулъ жидъ и попался онъ, просто, въ неволю. Но тутъ же вспомнилъ онъ, что не вмѣру было наклончиво сердце Андрія на женскія рѣчи, почувствовалъ скорбь и заклялся сильно въ душѣ противъ полячки, причаровавшей его сына. И выполнилъ бы онъ свою клятву: не поглядѣлъ бы на ея красоту, вытащилъ бы ее за густую, пышную косу, поволокъ бы ее за собою по всему полю между всѣхъ казаковъ. Избились бы о землю, окровавившись и покрывшись пылью, ея чудныя груди и плечи, блескомъ равныя нетающимъ снѣгамъ, что покрываютъ горныя вершины. Разнесъ бы по частямъ онъ ея пышное, прекрасное тѣло. Но не вѣдалъ Бульба того, что̀ готовитъ Богъ человѣку завтра, и сталъ позабываться сномъ и наконецъ заснулъ. А казаки все еще говорили промежъ собой, и всю ночь стояла у огней, приглядываясь пристально во всѣ концы, трезвая, несмыкавшая очей стража.

═

VIII.

Еще солнце не дошло до половины неба, какъ всѣ запорожцы собрались въ кучу. Изъ Сѣчи пришла вѣсть, что татары, во время отлучки казаковъ, ограбили въ ней все, вырыли скарбъ, который втайнѣ держали казаки подъ землей, избили и забрали въ плѣнъ всѣхъ, которые оставались, и со всѣми забранными стадами и табунами направили путь прямо къ Перекопу.

Одинъ только казакъ, Максимъ Голодуха, вырвался дорогою изъ татарскихъ рукъ, закололъ мирзу, отвязалъ у него мѣшокъ съ цехинами и на татарскомъ конѣ, въ татарской одеждѣ, полтора дня и двѣ ночи уходилъ отъ погони, загналъ на-смерть коня, пересѣлъ на другаго, загналъ и того, и уже на третьемъ пріѣхалъ въ запорожскій таборъ, развѣдавъ на дорогѣ, что запорожцы были подъ Дубномъ. Только и успѣлъ объявить онъ, что случилось такое зло; но отчего оно случилось, курнули ли оставшіеся запорожцы, по казацкому обычаю, и пьяными отдались въ плѣнъ, и какъ узнали татары мѣсто, гдѣ былъ зарытъ войсковой скарбъ — этого ничего не сказалъ онъ. Сильно истомился казакъ, распухъ весь, лицо пожгло и опалило ему вѣтромъ; упалъ онъ тутъ же и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Въ подобныхъ случаяхъ водилось у запорожцевъ гнаться въ ту жъ минуту за похитителями, стараясь настигнуть ихъ на дорогѣ, потому-что плѣнные какъ-разъ могли очутиться на базарахъ малой Азіи, въ Смирнѣ, на Критскомъ островѣ, и Богъ знаетъ, въ какихъ мѣстахъ не показались бы чубатыя запорожскія головы. Вотъ отчего

собрались запорожцы. Всѣ до единаго стояли они въ шапкахъ, потому-что пришли не съ тѣмъ, чтобы слушать по начальству атаманскій приказъ, но совѣщаться, какъ ровные между собою. «Давай совѣтъ прежде старшіе!» закричали въ толпѣ. «Давай совѣтъ кошевой!» говорили другіе. И кошевой, снявъ шапку, ужъ не такъ, какъ начальникъ, а какъ товарищъ благодарилъ всѣхъ казаковъ за честь и сказалъ: «Много между нами есть старшихъ и совѣтомъ умнѣйшихъ; но коли меня почтили, то мой совѣтъ: не терять, товарищи, времени и гнаться за татариномъ; ибо вы сами знаете, что̀ за человѣкъ татаринъ: онъ не станетъ съ награбленнымъ добромъ ожидать нашего прихода, а мигомъ размытарить его, такъ-что и слѣдовъ не найдешь. Такъ мой совѣтъ: итти. Мы здѣсь уже погуляли. Ляхи знаютъ, что̀ такое казаки; за вѣру, сколько было по силамъ, отмстили, корысти же съ голоднаго города немного. И такъ мой совѣтъ: итти».

«Итти!» раздалось громко въ запорожскихъ куреняхъ. Но Тарасу Бульбѣ не пришлись по душѣ такія слова и навѣсилъ онъ еще ниже на очи свои хмурныя, изчерна-бѣлыя брови, подоб-

ныя кустамъ, выросшимъ по высокому темени горы, которыхъ верхушки вплоть занесъ иглистый сѣверный иней.

«Нѣтъ, не правъ совѣтъ твой, кошевой!» сказалъ онъ: «ты не такъ говоришь; ты позабылъ, видно, что въ плѣну остаются наши, захваченные ляхами? Ты хочешь, видно, чтобы мы не уважили перваго святаго закона товарищества, оставили бы собратьевъ своихъ на то̀, чтобы съ нихъ съ живыхъ содрали кожу, или, исчетвертовавъ на части казацкое ихъ тѣло, развозили бы ихъ по городамъ и селамъ, какъ уже сдѣлали они съ гетманомъ и лучшими русскими витязями на Украйнѣ. Развѣ мало они поругались и безъ того надъ святынею? Что̀ жъ мы такое? спрашиваю я всѣхъ васъ: что жъ за казакъ тотъ, который кинулъ въ бѣдѣ товарища, кинулъ его, какъ собаку, пропасть на чужбинѣ? Коли ужъ на то̀ пошло, что всякій ни во что ставитъ казацкую честь, позволивъ себѣ плюнуть въ сѣдые усы свои и попрекать себя обиднымъ словомъ, такъ не укоритъ же никто меня. Одинъ остаюсь».

Поколебались всѣ стоявшие запорожцы.

«А развѣ ты позабылъ, бравый полковникъ» сказалъ тогда кошевой: «что у татаръ въ рукахъ

тоже наши товарищи, что если мы теперь ихъ не выручимъ, то жизнь ихъ будетъ продана на вѣчное невольничество язычникамъ, что̀ хуже всякой лютой смерти; позабылъ развѣ, что у нихъ теперь вся казна наша, добытая христіянскою кровью?»

Задумались всѣ казаки и не знали что̀ сказать. Никому не хотѣлось изъ нихъ заслужить обидную славу. Тогда вышелъ впередъ всѣхъ старѣйшій годами во всемъ запорожскомъ войскѣ Касьянъ Бовдюгъ. Въ чести былъ онъ отъ всѣхъ казаковъ; два раза уже былъ избираемъ кошевымъ и на войнахъ тоже былъ сильно добрый казакъ, но уже давно состарѣлся и не бывалъ ни въ какихъ походахъ, не любилъ тоже и совѣтовъ давать никому, а любилъ старый вѣчно лежать на боку у казацкихъ круговъ, слушая разсказы про всякіе бывалые случаи и казацкіе походы. Никогда не вмѣшивался онъ въ ихъ рѣчи, а все только слушалъ, да прижималъ пальцемъ золу въ своей коротенькой трубкѣ, которой не выпускалъ изо рта, и долго сидѣлъ онъ потомъ, прижмуривъ слегка очи, и не знали казаки, спалъ ли онъ, или все еще слушалъ. Всѣ походы оставался онъ дома; на сей разъ разо-

брало стараго. Махнулъ рукою по-казацки и сказалъ: «А не куды пошла! пойду и я, можетъ, въ чемъ-нибудь буду пригоденъ казачеству!» Всѣ казаки притихли, когда выступилъ онъ теперь передъ собраніе, ибо давно не слышали отъ него никакого слова. Всякій хотѣлъ знать, что̀ скажетъ Бовдюгъ. «Пришла очередь мнѣ сказать слово, паны-братья» такъ онъ началъ: «послушайте, дѣти, стараго. Мудро сказалъ кошевой и, какъ голова казацкаго войска, обязанный приберегать его и печись о войсковомъ скарбѣ, мудрѣе ничего онъ не могъ сказать. Вотъ что! Это пусть будетъ первая моя рѣчь; а теперь послушайте, что̀ скажетъ моя другая рѣчь. А вотъ что̀ скажетъ моя другая рѣчь: большую правду сказалъ и Тарасъ полковникъ, дай Богъ ему побольше вѣку, и чтобъ такихъ полковниковъ было побольше на Украйнѣ! Первый долгъ и первая честь казака есть соблюсти товарищество. Сколько ни живу я на вѣку, не слышалъ я, паны-братья, чтобы казакъ покинулъ гдѣ, или продалъ какъ-нибудь своего товарища. И тѣ и другіе намъ товарищи—меньше ихъ, или больше, все равно, все товарищи, всѣ намъ дороги. Такъ вотъ какая моя рѣчь: тѣ,

которымъ милы захваченные татарами, пусть отправляются за татарами, а которымъ милы полоненные ляхами и которымъ не хочется оставлять праваго дѣла, пусть остаются. Кошевой по долгу пойдетъ съ одною половиною за татарами, а другая половина выберетъ себѣ наказнаго атамана. А наказнымъ атаманомъ, коли хотите послушать бѣлой головы, не пригоже быть никому другому, какъ только одному Тарасу Бульбѣ. Нѣтъ изъ насъ никого равнаго ему въ доблести».

Такъ сказалъ Бовдюгъ и затихъ, и обрадовались всѣ казаки, что навелъ ихъ такимъ-образомъ на умъ старый. Всѣ вскинули вверхъ шапки и закричали: «Спасибо тебѣ, батько! молчалъ, молчалъ, долго молчалъ, да вотъ наконецъ и сказалъ: не даромъ говорилъ, когда собирался въ походъ, что будетъ пригоденъ казачеству: такъ и сдѣлалось».

«Что, согласны вы на то̀?» спросилъ кошевой.

«Всѣ согласны!» закричали казаки.

«Стало-быть, радѣ конецъ?»

«Конецъ радѣ!» кричали казаки.

«Слушайте жъ теперь войсковаго приказа, дѣти» сказалъ кошевой, выступилъ впередъ и на-

дѣлъ шапку, а всѣ запорожцы, сколько ихъ ни было, сняли свои шапки и остались съ непокрытыми головами, потупивъ очи въ землю, какъ бывало всегда между казаками, когда собирался что̀ говорить старшій. «Теперь отдѣляйтесь, паны-братья! кто хочетъ итти, ступай на правую сторону, кто остается, отходи на лѣвую; куда большая часть куреня переходитъ, туда и остальная; коли меньшая часть переходитъ, приставай къ другимъ куренямъ.

И вотъ стали переходить кто на правую, кто на лѣвую сторону. Котораго куреня большая часть переходила, туда и куренной атаманъ переходилъ, котораго малая часть, то приставало къ другимъ куренямъ; и вышло безъ малаго не поровну на всякой сторонѣ. Захотѣли остаться: весь почти Незамайковскій курень, большая половина Поповичевскаго куреня, весь Уманскій курень, весь Каневскій курень, большая половина Стебликовскаго куреня, большая половина Тимошевскаго куреня. Всѣ остальные вызвались итти въ-догонь за татарами. Много было на обѣихъ сторонахъ дюжихъ и храбрыхъ казаковъ. Между тѣми, которые рѣшились итти вслѣдъ за татарами, былъ Череватый, добрый старый

казакъ Покотыполе, Лемишъ, Прокоповичъ Хома; Демидъ Поповичъ тоже перешелъ туда, потому-что былъ сильно завзятаго нрава казакъ, не могъ долго высидѣть на мѣстѣ: съ ляхами попробовалъ онъ уже дѣла, захотѣлось попробовать еще съ татарами. Куренные были Постюганъ, Покрышка, Невымзкій и много еще другихъ славныхъ и храбрыхъ казаковъ захотѣло попробовать меча и могучаго плеча въ схваткѣ съ татариномъ. Не мало было такъ же сильно и сильно добрыхъ казаковъ между тѣми, которые захотѣли остаться: куренные Демытровичъ, Кукубенко, Вертыхвистъ, Баланъ, Бульбенко Остапъ. Потомъ много было еще другихъ именитыхъ и дюжихъ казаковъ: Вовтузенко, Черевыченко, Степанъ Гуска, Охримъ Гуска, Мыкола Густый, Задорожній, Метелиця, Иванъ Закрутыгуба, Мосій Шыло, Дегтяренко, Сыдоренко, Писаренко, потомъ другой Писаренко, потомъ еще Писаренко и много было другихъ добрыхъ казаковъ. Всѣ были хожалые, ѣзжалые; ходили по анатольскимъ берегамъ, по крымскимъ солончакамъ и степямъ, по всѣмъ рѣчкамъ большимъ и малымъ, которыя впадали въ Днѣпръ, по всѣмъ заходамъ и днѣпровскимъ

островамъ; бывали въ молдавской, волошской, въ турецкой землѣ; изъѣздили все Черное море двухрульными казацкими челнами; нападали въ пятьдесятъ челновъ врядъ на богатѣйшіе и превысокіе корабли; перетопили не мало турецкихъ галеръ и много-много выстрѣляли пороху на своемъ вѣку; не разъ драли на онучи дорогія паволоки и оксамиты; не разъ череши у штанныхъ очкуровъ набивали все чистыми цехинами. А сколько всякій изъ нихъ пропилъ и прогулялъ добра, ставшаго бы другому на всю жизнь, того и счета не было. Все спустили по-казацки, угощая весь міръ и нанимая музыку, чтобы все веселилось, что̀ ни есть на свѣтѣ. Еще и теперь у рѣдкаго изъ нихъ не было закопано добра: кружекъ, серебряныхъ ковшей и запястьевъ подъ камышами на днѣпровскихъ островахъ, чтобы не довелось татарину найти его, если бы, въ случаѣ несчастья, удалось ему напасть врасплохъ на Сѣчь; но трудно было бы татарину найти, потому-что и самъ хозяинъ уже сталъ забывать, въ которомъ мѣстѣ закопалъ его. Такіе-то были казаки, захотѣвшіе остаться и отмстить ляхамъ за вѣрныхъ товарищей и Христову вѣру! Старый казакъ Бовдюгъ захотѣлъ также ос-

таться съ ними, сказавши: «Теперь не такія мои лѣта, чтобы гоняться за татарами; а тутъ есть мѣсто, гдѣ опочить доброю казацкою смертью. Давно уже просилъ я Бога, чтобы если придется кончить жизнь, то чтобы кончить ее на войнѣ за святое и христіянское дѣло. Такъ оно и случилось. Славнѣйшей кончины уже не будетъ въ другомъ мѣстѣ для стараго казака».

Когда отдѣлились всѣ и стали на двѣ стороны въ два ряда куренями, кошевой прошелъ промежъ рядовъ и сказалъ: «А что, панове-братове, довольны одна сторона другою?»

«Всѣ довольны, батько!» отвѣчали казаки.

«Ну такъ поцалуйтесь же и дайте другъ другу прощанье, ибо, Богъ знаетъ, приведется ли въ жизни еще увидѣться. Слушайте своего атамана, а исполняйте тò, что сами знаете; сами знаете, чтò велитъ казацкая честь».

И всѣ казаки, сколько ихъ ни было, перецаловались между собою. Начали первые атаманы, и поведши рукою сѣдые усы свои, поцаловались навкрестъ и потòмъ, взявъ за руки и крѣпко держа руки, хотѣлъ одинъ другаго спросить: «что, пане-брате, увидимся, или не увидимся?» да и не спросили, замолчали и загадались объ

сѣдыя головы. А казаки всѣ до одного прощались, зная, что много будетъ работы тѣмъ и другимъ, но не повершили однакожъ тотчасъ разлучиться, а повершили дождаться темной ночной поры, чтобъ не дать непріятелю увидѣть убыль въ казацкомъ войскѣ. Потомъ всѣ отправились по куренямъ обѣдать. Послѣ обѣда всѣ, которымъ предстояла дорога, легли отдыхать и спали крѣпко и долгимъ сномъ, какъ-будто чуя, что, можетъ, послѣдній сонъ доведется имъ вкусить на такой свободѣ. Спали до самаго солнечнаго захода; а какъ зашло солнце и немного стемнѣло, стали мазать телеги. Снарядясь, пустили впередъ возы, а сами, пошапковавшись еще разъ съ товарищами, тихо пошли вслѣдъ за возами, конница чинно безъ покрика и посвиста на лошадей, слегка затопотала вслѣдъ за пѣшими и вскорѣ стало ихъ не видно въ темнотѣ. Глухо отдавался только конскій топотъ, да скрыпъ иного колеса, которое еще не расходилось, или не было хорошо подмазано за ночною темнотою.

Долго еще оставшіеся товарищи махали имъ издали руками, хотя не было ничего видно. А когда сошли и воротились по своимъ мѣстамъ

когда увидѣли при высвѣтившихся ясно звѣздахъ, что половины телегъ уже не было на мѣстѣ, что многихъ, многихъ нѣтъ, не весело стало у всякаго на сердцѣ, и всѣ задумались противъ воли, потупивъ въ землю гульливыя свои головы.

Тарасъ видѣлъ, какъ смутны стали казацкіе ряды и какъ уныніе, неприличное храбрымъ, стало тихо обнимать казацкія головы; но молчалъ, онъ хотѣлъ дать время всему, чтобы свыклись они и съ уныньемъ, наведеннымъ прощаньемъ съ товарищами; а между-тѣмъ въ тишинѣ готовился разомъ и вдругъ разбудить ихъ всѣхъ, гикнувши по-казацки, чтобы вновь и съ бо̀льшею силою, чѣмъ прежде, воротилась бодрость каждому въ душу, на что̀ способна одна только славянская порода, широкая, могучая порода, передъ другими, что море передъ мелководными рѣками. Коли время бурно, все превращается оно въ ревъ и громъ, бугря и подымая валы, какъ не поднять ихъ безсильнымъ рѣкамъ. Коли же безвѣтренно и тихо, яснѣе всѣхъ рѣкъ разстилаетъ оно свою необъятную стеклянную поверхность, вѣчную нѣгу очей.

И повелѣлъ Тарасъ распаковать своимъ слу-

гамъ одинъ изъ возовъ, стоявшій особнякомъ. Больше и крѣпче всѣхъ другихъ онъ былъ въ казацкомъ станѣ; двойною крѣпкою шиною были обтянуты дебелыя колеса его, грузно былъ онъ навьюченъ, укрытъ попонами, крѣпкими воловьими кожами и увязанъ туго засмоленными веревками. Въ возѣ были все баклаги и боченки стараго добраго вина, которое долго лежало у Тараса въ погребахъ. Взялъ онъ его про-запасъ на торжественный случай, чтобы если случится великая минута, и будетъ всѣмъ предстоять дѣло, достойное на передачу потомкамъ, то чтобы всякому казаку, до единаго, досталось выпить заповѣднаго вина, чтобы въ великую минуту великое и чувство овладѣло бы человѣкомъ. Услышавъ полковничій приказъ, слуги бросились къ возамъ, палашами перерѣзывали крѣпкія веревки, снимали толстыя воловьи кожи и попоны и стаскивали съ воза баклаги и боченки.

«А берите всѣ» сказалъ Бульба: «всѣ, сколько ни есть, берите, что̀ у кого есть: ковшъ или черпакъ, которымъ поитъ коня, рукавицу, или шапку, а коли что, то и просто подставляй обѣ горсти».

И казаки всѣ, сколько ни было, брали у кого

былъ ковшъ, у кого черпакъ, которымъ поилъ коня, у кого рукавица, у кого шапка, а кто подставлялъ и такъ обѣ горсти. Всѣмъ имъ слуги тарасовы, расхаживая промежъ рядами, наливали изъ баклагъ и боченковъ. Но не приказалъ Тарасъ пить, пока не дастъ знака, чтобы выпить имъ всѣмъ разомъ. Видно было, что онъ хотѣлъ что-то сказать. Зналъ Тарасъ, что какъ ни сильно само-по-себѣ старое доброе вино, и какъ ни способно оно укрѣпить духъ человѣка, но если къ нему да присоединится еще приличное слово, то вдвое крѣпче будетъ сила и вина и духа.

«Я угощаю васъ, паны-братья!» такъ сказалъ Бульба: «не въ честь того, что вы сдѣлали меня своимъ атаманомъ, какъ ни велика подобная честь, не въ честь также прощанья съ нашими товарищами: нѣтъ, въ другое время прилично то̀ и другое; не такая теперь передъ нами минута. Передъ нами дѣло великаго поту, великой казацкой доблести! И такъ выпьемъ, товарищи, разомъ, выпьемъ напередъ всего за святую православную вѣру, чтобы пришло наконецъ такое время, чтобъ по всему свѣту разошлась и вездѣ была бы одна святая вѣра, и всѣ, сколько ни

есть бусурмановъ, всѣ бы сдѣлались христіянами! Да за однимъ уже разомъ выпьемъ и за Сѣчь, чтобы долго она стояла на погибель всему бусурманству, чтобы съ каждымъ годомъ выходили изъ нея молодцы одинъ другаго лучше, одинъ другаго краше. Да уже вмѣстѣ выпьемъ и за нашу собственную славу, чтобы сказали внуки и сыны тѣхъ внуковъ, что были когда-то такіе, которые не постыдили товарищества и не выдали своихъ. Такъ за вѣру, пане-братове, за вѣру».

«За вѣру!» загомонѣли всѣ, стоявшіе въ ближнихъ рядахъ, густыми голосами. «За вѣру» подхватили дальніе—и все, что ни было, и старое и молодое, выпило за вѣру.

«За Сѣчь!» сказалъ Тарасъ и высоко поднялъ надъ головою руку.

«За Сѣчь!» отдалося густо въ переднихъ рядахъ. «За Сѣчь!» сказали тихо старые, моргнувши сѣдымъ усомъ; и встрепенувшись, какъ молодые соколы, повторили молодые: «за Сѣчь!» И слышало далече поле, какъ поминали казаки свою Сѣчь.

«Теперь послѣдній глотокъ, товарищи, за славу и всѣхъ христіянъ, какіе живутъ на свѣтѣ!»

И всѣ казаки, до послѣдняго, выпили послѣдній глотокъ за славу и всѣхъ христіянъ, какіе ни есть на свѣтѣ. И долго еще повторялось по всѣмъ рядамъ промежъ всѣми куренями: «за всѣхъ христіянъ, какіе ни есть на свѣтѣ!»

Уже пусто было въ ковшахъ, а все еще стояли казаки, поднявши руки; хоть весело глядѣли очи ихъ всѣхъ, просіявшія виномъ, но сильно задумались они. Не о корысти и военномъ прибыткѣ теперь думали они, не о томъ, кому посчастливится набрать червонцевъ, дорогаго оружья, шитыхъ кафтановъ и черкесскихъ коней; но задумались они, какъ орлы, сѣвшіе на вершинахъ каменистыхъ горъ, обрывистыхъ, высокихъ горъ, съ которыхъ далеко видно разстилающееся безпредѣльное море, усыпанное, какъ мелкими птицами, галерами, кораблями и всякими судами, огражденное по сторонамъ чуть видными тонкими поморьями, съ прибрежными, какъ мошки, городами и склонившимися, какъ мелкая травка, лѣсами. Какъ орлы, озирали они вокругъ себя очами все поле и чернѣющую вдали судьбу свою. Будетъ, будетъ все поле съ облогами и дорогами покрыто ихъ бѣлыми торчащими костями, щедро обмывшись казацкою ихъ

кровью и покрывшись разбитыми возами, расколотыми саблями и копьями; далече раскинутся чубатыя головы съ перекрученными и запекшимися въ крови чубами и опущенными книзу усами; будутъ орлы, налетѣвъ, выдирать и выдергивать изъ нихъ казацкія очи. Но добро великое въ такомъ широко и вольно разметавшемся смертномъ ночлегѣ! не погибаетъ ни одно великодушное дѣло и не пропадетъ, какъ малая порошинка съ ружейнаго дула, казацкая слава. Будетъ, будетъ бандуристъ, съ сѣдою по грудь бородою, а можетъ-быть, полный зрѣлаго мужества, но бѣлоголовый старецъ, вѣщій духомъ, и скажетъ онъ про нихъ свое густое, могучее слово. И пойдетъ дыбомъ по всему свѣту о нихъ слава, и все, что ни народится потомъ, заговоритъ о нихъ; ибо далеко разносится могучее слово, будучи подобно гудящей колокольной мѣди, въ которую мастеръ много повергнулъ дорогаго, чистаго серебра, чтобы далече по городамъ, лачугамъ, палатамъ и весямъ разносился красный звонъ, сзывая равно всѣхъ на святую молитву.

═

IX.

Въ городѣ не узналъ никто, что половина запорожцевъ выступила въ погоню за татарами. Съ магистратской башни примѣтили только часовые, что потянулась часть возовъ за лѣсъ; но подумали, что казаки готовились сдѣлать засаду; тò же думалъ и французскій инженеръ; а между-тѣмъ слова кошеваго не прошли даромъ, и въ городѣ оказался недостатокъ въ съѣстныхъ

*

припасахъ: по обычаю прошедшихъ вѣковъ, войска не разочли, сколько имъ было нужно. Попробовали сдѣлать вылазку, но половина смѣльчаковъ была тутъ же перебита казаками, а половина прогнана въ городъ ни съ чѣмъ. Жиды однако же воспользовались вылазкою и пронюхали все: куда и зачѣмъ отправились запорожцы, и съ какими военачальниками, и какіе именно курени, и сколько ихъ числомъ, и сколько было оставшихся на мѣстѣ, и что̀ они думаютъ дѣлать; словомъ, чрезъ нѣсколько уже минутъ въ городѣ все узнали. Полковники ободрились и готовились дать сраженіе. Тарасъ уже видѣлъ то̀ по движенью и шуму въ городѣ, и расторопно хлопоталъ, строилъ, раздавалъ приказы и наказы, уставилъ въ три табора курени, обнесши ихъ возами въ видѣ крѣпостей, родъ битвы, въ которой бывали непобѣдимы запорожцы; двумъ куренямъ повелѣлъ забраться въ засаду; убилъ часть поля острыми кольями, изломаннымъ оружіемъ, обломками копьевъ, чтобы при случаѣ загнать туда непріятельскую конницу. И когда все было сдѣлано, какъ нужно, сказалъ рѣчь казакамъ не для того, чтобы ободрить и освѣжить ихъ — зналъ, что и безъ то-

го крѣпки они духомъ — а просто, самому хотѣлось высказать все, что было на сердцѣ.

«Хочется мнѣ вамъ сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали отъ отцовъ и дѣдовъ, въ какой чести у всѣхъ была земля наша: и грекамъ дала знать себя, и съ Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русскаго рода, свои князья, а не католическіе недовѣрки. Все взяли бусурманы, все пропало; только остались мы сирые, да какъ вдовица послѣ крѣпкаго мужа, сирая, такъ же какъ и мы, земля наша! Вотъ въ какое время подали мы, товарищи, руку на братство; вотъ на чемъ стоитъ наше товарищество! нѣтъ узъ святѣе товарищества. Отецъ любитъ свое дитя, мать любитъ свое дитя, дитя любитъ отца и мать; но это не то, братцы, любитъ и звѣрь свое дитя! но породниться родствомъ по душѣ, а не по крови, можетъ одинъ только человѣкъ. Бывали и въ другихъ земляхъ товарищи, но такихъ, какъ въ русской землѣ, не было такихъ товарищей. Вамъ случалось не одному, помногу пропадать на чужбинѣ; видишь: и тамъ люди! также божій человѣкъ, и разговоришься съ нимъ, какъ съ своимъ; а какъ дойдетъ до

того, чтобы повѣдать сердечное слово — видишь: нѣтъ! умные люди, да не тѣ; такіе же люди, да не тѣ! нѣтъ, братцы! такъ любить, какъ русская душа, любить не то, чтобы умомъ или чѣмъ другимъ, а всѣмъ, чѣмъ далъ Богъ, что̀ ни есть въ тебѣ—а!..» сказалъ Тарасъ, и махнулъ рукой, и потрясъ сѣдою головою, и усомъ моргнулъ, и сказалъ: «Нѣтъ, такъ любить никто не можетъ! Знаю, подло завелось теперь въ землѣ нашей: думаютъ только, чтобы при нихъ были хлѣбные стоги, скирды, да конные табуны ихъ, да были бы цѣлы въ погребахъ запечатанные меды ихъ; перенимаютъ, чортъ знаетъ, какіе бусурманскіе обычаи; гнушаются языкомъ своимъ; свой съ своимъ не хочетъ говорить; свой своего продаетъ, какъ продаютъ бездушную тварь на торговомъ рынкѣ. Милость чужаго короля, да и не короля, а скудную милость польскаго магната, который жолтымъ чоботомъ своимъ бьетъ ихъ въ морду, дороже для нихъ всякаго братства; но у послѣдняго падлюки, каковъ онъ ни есть, хоть весь извалялся онъ въ сажѣ и въ поклонничествѣ, есть и у того, братцы, крупица русскаго чувства; и проснется онъ когда-нибудь, и ударится онъ, горемычный, объ полы руками;

схватитъ себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дѣло. Пусть же знаютъ они всѣ, что̀ такое значитъ въ русской землѣ товарищество. Ужъ если на то̀ пошло, чтобы умирать, такъ ни кому жъ изъ нихъ не доведется такъ умирать! никому, никому! не хватитъ у нихъ на то̀ мышиной натуры ихъ!»

Такъ говорилъ атаманъ, и когда кончилъ рѣчь, все еще потрясалъ посеребрившеюся въ казацкихъ дѣлахъ головою; всѣхъ, кто ни стоялъ, разобрала сильно такая рѣчь, дошедъ далеко до самаго сердца; самые старѣйшіе въ рядахъ стали неподвижны, потупивъ сѣдыя головы въ землю; слеза тихо накатывалась въ старыхъ очахъ; медленно отирали они ее рукавомъ, и потомъ всѣ, какъ-будто сговорившись, махнули въ одно время рукою и потрясли бывалыми головами. Знать, видно, много напомнилъ имъ старый Тарасъ знакомаго и лучшаго, что̀ бываетъ на сердцѣ у человѣка, умудреннаго горемъ, трудомъ, удалью и всякимъ невзгодьемъ жизни, или хотя и не познавшаго ихъ, но много почуявшаго молодою, жемчужною душою на вѣчную радость старцамъ-родителямъ, родившимъ ихъ.

ДЕСЯТЬ

ЗАПОВѢДЕЙ.

I.

Азъ есмь Господь Богъ твой: да не будутъ Тебѣ бози иніи развѣ Мене.

II.

Не сотвори себѣ кумира, и всякаго подобія, елика на небеси горѣ, и елика на земли низу, и елика въ водахъ и подъ землею: да не поклонишися имъ, и да не послужиши имъ.

III.

Не пріемли имени Господа Бога твоего всуе.

IV.

Помни день субботный, святити его: шесть дней дѣлай и сотвориши въ нихъ

заковъ, можетъ-быть, другой-третій былъ убитъ на всю сотню. И все продолжали палить казаки изъ пищалей, ни на минуту не давая промежутка. Самъ иноземный инженеръ подивился такой, никогда имъ не виданной, тактикѣ, сказавши тутъ же при всѣхъ: «вотъ бравые молодцы, запорожцы! вотъ какъ нужно биться и другимъ въ другихъ земляхъ!» И далъ совѣтъ поворотить тутъ же на таборъ пушки. Тяжело ревнули широкими горлами чугунныя пушки; дрогнула далеко, загудѣвши, земля, и вдвое больше затянуло дымомъ все поле. Почуяли запахъ пороха среди площадей и улицъ въ дальнихъ и ближнихъ городахъ. Но цѣлившіе взяли слишкомъ высоко, раскаленныя ядра выгнули слишкомъ высокую дугу; страшно завизжавъ по воздуху, перелетѣли онѣ черезъ головы всего табора и углубились далеко въ землю, взорвавъ и взметнувъ высоко на воздухъ чорную землю. Ухватилъ себя за волосы, французскій инженеръ при видѣ такого неискуства и самъ принялся наводить пушки, не глядя на то̀, что жарили и сыпали пулями безпрерывно казаки.

Тарасъ видѣлъ еще издали, что бѣда будетъ всему Незамайковскому и Стебликивскому куреню,

и вскрикнулъ зычно: «выбирайтесь скорѣй изъ-за возовъ и садись всякій на коня!» Но не поспѣли бы сдѣлать то и другое казаки, если бы Остапъ не ударилъ въ самую середину: выбилъ фитили у шести пушкарей; у четырехъ только не могъ выбить: отогнали его назадъ ляхи. А тѣмъ временемъ иноземный капитанъ самъ взялъ въ руку фитиль, чтобы выпалить изъ величайшей пушки, какой никто изъ казаковъ не видывалъ дотолѣ. Страшно глядѣла она широкою пастью, и тысяча смертей глядѣло оттуда. И какъ грянула она, а за нею слѣдомъ три другія, четырекратно потрясши глухо-отвѣтную землю — много нанесли онѣ горя! Не по одному казаку взрыдаетъ старая мать, ударяя себя костистыми руками въ дряхлыя перси; не одна останется вдова въ Глуховѣ, Немировѣ, Черниговѣ и другихъ городахъ. Будетъ, сердечная, выбѣгать всякій день на базаръ, хватаясь за всѣхъ проходящихъ, распознавая каждаго изъ нихъ въ очи, нѣтъ ли между нихъ одного милѣйшаго всѣхъ; но много пройдетъ черезъ городъ всякаго войска и вѣчно не будетъ между ними одного милѣйшаго всѣхъ.

Такъ какъ-будто и не бывало половины Неза-

майковскаго куреня! какъ градомъ выбиваетъ вдругъ всю ниву, гдѣ, что полновѣсный червонецъ, красуется всякій колосъ, такъ ихъ выбило и положило.

Какъ же вскинулись казаки! какъ схватились всѣ! какъ закипѣлъ куренной атаманъ Кукубенко, увидѣвши, что лучшей половины куреня его нѣтъ! вбился онъ съ остальными своими незамайковцами въ самую средину, въ гнѣвѣ изсѣкъ въ капусту перваго попавшагося, многихъ конниковъ сбилъ съ коня, доставши копьемъ и конника и коня, пробрался къ пушкарямъ и уже отбилъ одну пушку; а ужъ тамъ, видитъ, хлопочетъ уманскій куренной атаманъ, и Степанъ Гуска уже отбилъ главную пушку. Оставилъ онъ тѣхъ казаковъ и поворотилъ съ своими въ другую непріятельскую гущу: такъ гдѣ прошли незамайковцы— такъ тамъ и улица! гдѣ поворотились — такъ ужъ тамъ и переулокъ! Такъ и видно, какъ рѣдѣли ряды и снопами валились ляхи! А у самыхъ возовъ Вовтузенко, а спереди Черевиченко, а у дальнихъ возовъ Дегтяренко, а за нимъ куренной атаманъ Вертыхвистъ. Двухъ уже шляхтичей поднялъ на копье Дегтяренко, да напалъ наконецъ на неподатливаго третьяго. Уверт-

ливъ и крѣпокъ былъ ляхъ, пышной сбруей украшенъ и пятьдесятъ одпихъ слугъ привелъ съ собою. Погнулъ онъ крѣпко Дегтяренка, сбилъ его на землю и уже, замахнувшись на него саблей, кричалъ: «нѣтъ изъ васъ собакъ, казаковъ, ни одного, кто бы посмѣлъ противустать мнѣ!»

«А вотъ есть же!» сказалъ и выступилъ впередъ Мосій Шило. Сильный былъ онъ казакъ, не разъ атаманствовалъ на морѣ и много натерпѣлся всякихъ бѣдъ. Схватили ихъ турки у самаго Трапезонта и всѣхъ забрали невольниками на галеры, взяли ихъ по рукамъ и ногамъ въ желѣзныя цѣпи, не давали по цѣлымъ недѣлямъ пшена и поили противной морской водою. Все вынесли и вытерпѣли бѣдные невольники, лишь бы не перемѣнять православной вѣры. Не вытерпѣлъ атаманъ Мосій Шило, истопталъ ногами святой законъ, скверною чалмой обвилъ грѣшную голову, вошелъ въ довѣренность къ пашѣ, сталъ ключникомъ на кораблѣ и старшимъ надъ всѣми невольниками. Много опечалились оттого бѣдные невольники; ибо знали, что если свой продастъ вѣру и пристанетъ къ угнетателямъ, то тяжелѣй и горше быть подъ его рукой; такъ и сбылось. Всѣхъ поса-

дилъ Мосій Шило въ новыя цѣпи по три въ рядъ, прикрутилъ имъ до самыхъ бѣлыхъ костей жесткія веревки; всѣхъ перебилъ по шеямъ, угощая подзатыльниками. И когда турки, обрадовавшись, что достали себѣ такого слугу, стали пировать и, позабывъ законъ свой, всѣ перепились, онъ принесъ всѣ шестьдесятъ-четыре ключа и роздалъ невольникамъ, чтобы отмыкали себя, бросали бы цѣпи и кандалы въ море, а брали бы на мѣсто того сабли, да рубили турковъ. Много тогда набрали казаки добычи и воротились со славою въ отчизну, и долго бандуристы прославляли Мосія Шила. Выбрали бы его въ кошевые, да былъ совсѣмъ чудный казакъ. Иной разъ поворшалъ такое дѣло, какого и мудрѣйшему не придумать, а въ другой, просто, дурь одолѣвала казака. Пропилъ и прогулялъ все, всѣмъ задолжалъ на Сѣчѣ и, въ прибавку къ тому, прокрался, какъ уличный воръ: ночью утащилъ изъ чужаго куреня всю казацкую сбрую и заложилъ шинкарю. За такое позорное дѣло привязали его на базарѣ къ столбу и положили возлѣ дубину, чтобы всякій, по мѣрѣ силъ своихъ, отвѣсилъ ему по удару; но не нашлось такого изъ всѣхъ запорожцевъ, кто бы поднялъ на

него дубину, помня прежнія его заслуги. Таковъ былъ казакъ Мосій Шило.

«Такъ есть же такіе, которые бьютъ васъ, собакъ!» сказалъ онъ, кинувшись на него. И уже тамъ-то рубились они! и наплечники и зерцала погнулись у обоихъ отъ ударовъ. Разрубилъ на немъ вражій ляхъ желѣзную рубашку, доставъ лезвеемъ самаго тѣла: зачервонѣла казацкая рубашка; но не поглядѣлъ на то Шило, а замахнулся всей жилистой рукою (тяжела была коренастая рука) и оглушилъ его незапно по головѣ. Разлетѣлась мѣдная шапка, зашатался и грянулся ляхъ; а Шило принялся рубить и крестить оглушеннаго. Не добивай, казакъ, врага, а лучше поворотись назадъ! Не поворотился казакъ назадъ, и тутъ же одинъ изъ слугъ убитаго хватилъ его ножомъ въ шею. Поворотился Шило и уже досталъ бы смѣльчака; но онъ пропалъ въ пороховомъ дымѣ. Со всѣхъ сторонъ поднялось хлопанье изъ самопаловъ. Пошатнулся Шило и почуялъ, что рана была смертельна. Упалъ онъ, наложилъ руку на свою рану и сказалъ, оборотившись къ товарищамъ: «прощайте, паны-братья-товарищи! пусть же стоитъ на вѣчныя времена православная русская земля и бу-

детъ ей вѣчная честь!» И зажмурилъ ослабшія свои очи, и вынеслась казацкая душа изъ суроваго тѣла. А тамъ уже выѣзжалъ Задорожній съ своими, ломилъ ряды куренной Вертыхвистъ и выступалъ Балабанъ.

«А что, паны,» сказалъ Тарасъ, перекликнувшись съ куренными: «есть еще порохъ въ пороховницахъ? не ослабѣла ли казацкая сила? не гнутся ли казаки?»

«Есть еще, батько, порохъ въ пороховницахъ; не ослабѣла еще казацкая сила; еще не гнутся казаки!»

И наперли сильно казаки: совсѣмъ смѣшали всѣ ряды. Низкорослый полковникъ ударилъ сборъ и велѣлъ выкинуть восемь малеванныхъ знаменъ, чтобы собрать своихъ, разсыпавшихся далеко по всему полю. Всѣ бѣжали ляхи къ знаменамъ; но не успѣли они еще выстроиться, какъ уже куренной атаманъ, Кукубенко, ударилъ вновь съ своими незамайковцами въ средину и напалъ прямо на толстопузаго полковника. Не выдержалъ полковникъ и, поворотивъ коня, пустился вскачь; а Кукубенко далеко гналъ его черезъ все поле, не давъ ему соединиться съ полкомъ. Завидѣвъ то съ боковаго куреня, Сте-

панъ Гуска пустился за нимъ въ-погоню, съ арканомъ въ рукѣ, пригнувши голову къ лошадиной шеѣ, и, улучивши время, съ одного раза накинулъ арканъ ему на шею: весь побагровѣлъ полковникъ, ухватясь за веревку обѣими руками и силясь разорвать ее; но уже дюжій размахъ вогналъ ему въ самый животъ гибельную пику. Тамъ и остался онъ, пригвожденный къ землѣ. Но не сдобровать и Гускѣ! Не успѣли оглянуться казаки, какъ уже увидѣли Степана Гуску поднятаго на четыре копья. Только и успѣлъ сказать бѣднякъ: «пусть же пропадутъ всѣ враги, и ликуетъ вѣчные вѣки русская земля!» И тамъ же испустилъ духъ свой. Оглянулись казаки, а ужъ тамъ съ боку казакъ Метелыця угощаетъ ляховъ, шеломя того и другаго; а ужъ тамъ съ другаго напираетъ съ своими атаманъ Невылычкій; а у возовъ ворочаетъ врага и бьетъ Закрутыгуба; а у дальнихъ возовъ третій Писаренко отогналъ уже цѣлую ватагу; а ужъ тамъ у другихъ возовъ схватились и бьются на самыхъ возахъ.

«Что, паны!» перекликнулся атаманъ Тарасъ, проѣхавши впереди всѣхъ: «есть ли еще порохъ

въ пороховницахъ? крѣпка ли еще казацкая сила? не гнутся ли уже казаки?»

«Есть еще, батько, порохъ въ пороховницахъ; еще крѣпка казацкая сила; еще не гнутся казаки!»

А ужъ упалъ съ воза Бовдюгъ; прямо подъ самое сердце пришлась ему пуля; но собралъ старый весь духъ свой и сказалъ: «не жаль разстаться съ свѣтомъ! дай Богъ и всякому такой кончины! пусть же славится до конца вѣка русская земля!» И понеслась къ вышнимъ бовдюкова душа, разсказать давно отшедшимъ старцамъ, какъ умѣютъ биться на русской землѣ и, еще лучше того, какъ умѣютъ умирать въ ней за святую вѣру.

Балабанъ, куренной атаманъ, скоро послѣ того грянулся также на землю. Три смертельныя раны достались ему отъ копья, отъ пули и отъ тяжелаго палаша; а былъ одинъ изъ доблестнѣйшихъ казаковъ, много совершилъ онъ подъ своимъ атаманствомъ морскихъ походовъ; но славнѣе всѣхъ былъ походъ къ анатольскимъ берегамъ. Много набрали они тогда цехиновъ, дорогой турецкой габы, киндяковъ и всякихъ убранствъ. Но мыкнули горе на обратномъ

пути: попались, сердечные, подъ турецкія ядра. Какъ хватило ихъ съ корабля: половина челновъ закружилась и перевернулась, потопивши не одного въ водѣ; но привязанные къ бокамъ камыши спасли челны отъ потопленія. Балабанъ отплылъ на всѣхъ веслахъ, сталъ прямо къ солнцу и чрезъ то̀ сдѣлался не видѣнъ турецкому кораблю. Всю ночь потòмъ черпаками и шапками выбирали они воду, чиня пробитыя мѣста; изъ казацкихъ штановъ нарѣзали парусовъ, понеслись и убѣжали отъ быстрѣйшаго турецкаго корабля. И мало того, что прибыли безбѣдно на Сѣчу, привезли еще златошвейную ризу архимандриту Межигорскаго кіевскаго монастыря и на Покровъ, что на Запорожьи, окладъ изъ чистаго серебра. И славили долго потòмъ бандуристы удачливость казаковъ. Поникнулъ онъ теперь головою, почуявъ предсмертныя муки, и тихо сказалъ: «сдается мнѣ, паны-браты, умираю хорошею смертью: семерыхъ изрубилъ, девятерыхъ копьемъ исколол, истопталъ конемъ вдоволь, а ужъ не припомню, сколькихъ досталъ пулею. Пусть же цвѣтетъ вѣчно русская земля!» И отлетѣла его душа.

Казаки, казаки! не выдавайте лучшаго цвѣта

вашего войска! Уже обступили Кукубенка, уже семь человѣкъ только осталось изо всего Незамайковскаго куреня, уже и тѣ отбиваются черезъ силу; уже окровавилась на немъ одежда. Самъ Тарасъ, увидя бѣду его, поспѣшилъ на выручку. Но поздно подоспѣли казаки: уже успѣло ему углубиться подъ сердце копье прежде, чѣмъ были отогнаны обступившіе его враги. Тихо склонился онъ на руки подхватившихъ его казаковъ, и хлынула ручьемъ молодая кровь, подобно дорогому вину, которое несли въ стклянномъ сосудѣ изъ погреба неосторожные слуги, и поскользнувшись тутъ же у входа, разбили дорогую сулею; разлилось на землю вино, и схватилъ себя за голову прибѣжавшій хозяинъ, сберегавшій его про лучшій случай жизни, чтобы, если приведетъ Богъ, на старости лѣтъ встрѣтиться съ товарищемъ юности, то чтобы помянуть бы вмѣстѣ съ нимъ прежнее иное время, когда иначе и лучше веселился человѣкъ. Повелъ Кукубенко вокругъ себя очами и проговорилъ: «благодарю Бога, что довелось мнѣ умереть при глазахъ вашихъ, товарищи! пусть же послѣ насъ живутъ лучше, чѣмъ мы, и красуется вѣчно любимая Христомъ русская земля!» И

вылетѣла молодая душа. Подняли ее ангелы подъ-руки и понесли къ небесамъ; хорошо будетъ ему тамъ. «Садись, Кукубенко, одесную меня!» скажетъ ему Христосъ: «ты не измѣнилъ товариществу, безчестнаго дѣла не сдѣлалъ, не выдалъ въ бѣдѣ человѣка, хранилъ и сберегалъ мою церковь». Всѣхъ опечалила смерть Кукубенка. Уже рѣдѣли сильно казацкіе ряды; многихъ храбрыхъ не досчитывались; но стояли и держались еще казаки.

«А что, паны!» переклинулся Тарасъ съ оставшимися куренями: «есть ли еще порохъ въ пороховницахъ? не иступились ли сабли? не утомилась ли казацкая сила? не погнулись ли казаки?»

«Достанетъ еще, батько, пороху; годятся еще сабли; не утомилась казацкая сила; не гнулись еще казаки!»

И рванулись снова казаки такъ, какъ бы и потерь никакихъ не понесли. Уже три только куренныхъ атамана осталось въ живыхъ; червонѣли уже всюду красныя рѣки; высоко гатились мосты изъ казацкихъ и вражьихъ тѣлъ. Взглянулъ Тарасъ на небо, а ужъ по небу потянулась вереница кречетовъ. Ну, будетъ кому-то

пожива! А ужъ тамъ подняли на копье Метелицу; уже голова другаго Писаренка, завертѣвшись, захлопала очами; уже подломился и бухнулся о землю, на-четверо изрубленный Охримъ Гуска. «Ну!» сказалъ Тарасъ и махнулъ платкомъ. Понялъ тотъ знакъ Остапъ, и ударилъ сильно, вырвавшись изъ засады, въ конницу. Не выдержали сильнаго напора ляхи, а онъ ихъ гналъ и нагналъ прямо на мѣсто, гдѣ были вбиты въ землю колья и обломки копьевъ. Пошли спотыкаться и падать кони и летѣть черезъ ихъ головы ляхи. А въ это время корсунцы, стоявшіе послѣдніе за возами, увидѣли, что уже достанетъ ружейная пуля, грянули вдругъ изъ самопаловъ. Всѣ сбились и растерялись ляхи, и пріободрились казаки. «Вотъ и наша побѣда!» раздались со всѣхъ сторонъ запорожскіе голоса, затрубили въ трубы и выкинули побѣдную хоругвь. Вездѣ бѣжали и крылись разбитые ляхи. «Ну, нѣтъ, еще несовсѣмъ побѣда!» сказалъ Тарасъ, глядя на городскія ворота, и сказалъ онъ правду.

Отворились ворота и вылетѣлъ оттуда гусарскій полкъ, краса всѣхъ конныхъ полковъ. Подъ всѣми всадниками были всѣ, какъ одинъ, бурые

аргамаки; впереди другихъ понесся витязь всѣхъ бойче, всѣхъ красивѣе; такъ и летѣли чорные волосы изъ-подъ мѣдной его шапки; вился завязанный на рукѣ дорогой шарфъ, шитый руками первой красавицы. Такъ и оторопѣлъ Тарасъ, когда увидѣлъ, что это былъ Андрій. А онъ, между-тѣмъ, объятый пыломъ и жаромъ битвы, жадный заслужить навязанный на руку подарокъ, понесся какъ молодой борзой песъ, красивѣйшій, быстрѣйшій и младшій всѣхъ въ стаѣ. Атукнулъ на него опытный охотникъ — и онъ понесся, пустивъ прямой чертой по воздуху свои ноги, весь покосившись на-бокъ всѣмъ тѣломъ, взрывая снѣгъ и десять разъ выпереживая самого зайца въ жару своего бѣга. Остановился старый Тарасъ и глядѣлъ на то̀, какъ онъ чистилъ передъ собою дорогу, разгонялъ, рубилъ и сыпалъ удары направо и налѣво. Не вытерпѣлъ Тарасъ и закричалъ: «какъ? своихъ? своихъ? чортовъ сынъ, своихъ бьешь?» Но Андрій не различалъ, кто передъ нимъ былъ, свои или другіе какіе: ничего не видѣлъ онъ. Кудри, кудри онъ видѣлъ, длинныя, длинныя кудри и подобную рѣчному лебедю грудь и снѣжную

шею, и плечи, и все, что создано для безумныхъ поцалуевъ.

«Ей, хлопьята! заманите мнѣ только его къ лѣсу, заманите мнѣ только его!» кричалъ Тарасъ. И вызвалось тотъ же часъ тридцать быстрѣйшихъ казаковъ заманить его. И, поправивъ на себѣ высокія шапки, тутъ же пустились на коняхъ, прямо на перерѣзъ гусарамъ. Ударили съ боку на переднихъ, сбили ихъ, отдѣлили отъ заднихъ, дали по гостинцу тому и другому, а Голокопытенко хватилъ палашомъ по спинѣ Андрія, и въ тотъ же часъ пустились бѣжать отъ нихъ, сколько достало казацкой мочи. Какъ вскинулся Андрій! какъ забунтовала по всѣмъ жилкамъ молодая кровь! Ударивъ острыми шпорами коня, во весь духъ полетѣлъ онъ за казаками, не глядя назадъ, не видя, что позади только всего двадцать человѣкъ поспѣвало за нимъ; а казаки летѣли во всю прыть на коняхъ и прямо поворотили къ лѣсу. Разогнался на конѣ Андрій и чуть-было уже не настигнулъ Голокопытенка, какъ вдругъ чья-то сильная рука ухватила за поводъ его коня. Оглянулся Андрій: передъ нимъ Тарасъ! Затрясся онъ всѣмъ тѣломъ и вдругъ сталъ блѣденъ, какъ школьникъ, неосто-

рожно задравшій своего товарища и получившій за то̀ отъ него ударъ линейкою по лбу, вспыхиваетъ, какъ огонь, бѣшеный вскакиваетъ съ лавки и гонится за испуганнымъ товарищемъ своимъ, готовый разорвать его на части, и вдругъ наталкивается на входящаго въ классъ учителя: вмигъ притихаетъ бѣшеный порывъ, и упадаетъ безсильная ярость. Подобно тому, въ одинъ мигъ пропалъ, какъ бы не бывалъ вовсе, гнѣвъ Андрія. И видѣлъ онъ передъ собою одного только страшнаго отца.

«Ну что̀ жъ теперь мы будемъ дѣлать?» сказалъ Тарасъ, смотря прямо ему въ очи. Но ничего не могъ на то̀ сказать Андрій и стоялъ, потупивши въ землю очи.

«Что, сынку! помогли тебѣ твои ляхи?

Андрій былъ безотвѣтенъ.

«Такъ продать? продать вѣру? продать своихъ? Стой же, слѣзай съ коня!»

Покорно, какъ ребенокъ, слѣзъ онъ съ коня и остановился ни живъ, ни мертвъ передъ Тарасомъ.

«Стой и не шевелись! Я тебя породилъ, я тебя и убью!» сказалъ Тарасъ и, отступивши шагъ назадъ, снялъ съ плеча ружье. Блѣденъ,

какъ полотно, былъ Андрій; видно было, какъ тихо шевелились уста его и какъ онъ произносилъ чье-то имя; но это не было имя отчизны, или матери, или братьевъ — это было имя прекрасной полячки. Тарасъ выстрѣлилъ.

Какъ хлѣбный колосъ, подрѣзанный серпомъ, какъ молодой барашекъ, почуявшій подъ сердцемъ смертельное желѣзо, повисъ онъ головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубійца и глядѣлъ долго на бездыханный трупъ. Онъ былъ и мертвый прекрасенъ: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобѣдимаго для женъ очарованья, все еще выражало чудную красоту; черныя брови, какъ траурный бархатъ, оттѣняли его поблѣднѣвшія черты. «Чѣмъ бы не казакъ?» сказалъ Тарасъ: «и станомъ высокій, и чернобровый, и лицо, какъ у дворянина, и рука была крѣпка въ бою! Пропалъ! пропалъ безславно, какъ подлая собака!»

«Батько, что̀ ты сдѣлалъ? это ты убилъ его?» сказалъ подъѣхавшій въ это время Остапъ.

Тарасъ кивнулъ головою.

Пристально поглядѣлъ мертвому въ очи Ос-

тапъ. Жалко ему стало брата, и проговорилъ онъ тутъ же: «предадимъ же, батько, его честно землѣ, чтобы не наругались надъ нимъ враги и не растаскали бы его тѣла хищныя птицы».

«Погребутъ его и безъ насъ!» сказалъ Тарасъ: «будутъ у него плакальщики и утѣшницы!»

И минуты двѣ думалъ онъ: кинуть ли его на расхищенье волкамъ-сыромахамъ, или пощадить въ немъ рыцарскую доблесть, которую храбрый долженъ уважать въ комъ бы то̀ ни было. Какъ видитъ — скачетъ къ нему на конѣ Голокопытенко. «Бѣда, атаманъ, окрѣпли ляхи, прибыла на подмогу свѣжая сила!» Не успѣлъ сказать Голокопытенко, скачетъ Вовтузенко. «Бѣда, атаманъ, новая валитъ еще сила!» Не успѣлъ сказать Вовтузенко, Писаренко бѣжитъ бѣгомъ уже безъ коня. «Гдѣ ты, батько, ищутъ тебя казаки. Ужъ убитъ куренной атаманъ Невылычкій, Задорожній убитъ, Черевиченко убитъ; но стоятъ казаки, не хотятъ умирать, не увидѣвъ тебя въ очи, хотятъ, чтобы взглянулъ ты на нихъ передъ смертнымъ часомъ!»

«На коня, Остапъ!» сказалъ Тарасъ и спѣ-

шилъ, чтобы застать еще казаковъ, чтобы наглядѣться еще на нихъ и чтобы они взглянули передъ смертью на своего атамана. Но не выѣхали они еще изъ лѣсу, а ужъ непріятельская сила окружила со всѣхъ сторонъ лѣсъ, и между деревьями вездѣ показались всадники съ саблями и копьями. «Остапъ, Остапъ! не поддавайся!» кричалъ Тарасъ, а самъ, схвативши саблю наголо, началъ честить первыхъ попавшихся на всѣ боки. А на Остапа уже наскочило вдругъ шестеро; но не въ добрый часъ видно наскочило: съ одного полетѣла голова, другой перевернулся, отступивши; угодило копьемъ въ ребро третьяго; четвертый былъ поотважнѣй, уклонился головой отъ пули, и попала въ конскую грудь горячая пуля—вздыбилъ бѣшеный конь, грянулся о землю и задавилъ подъ собою всадника. «Добре, сынку! добре, Остапъ!» кричалъ Тарасъ: «вотъ я слѣдомъ за тобою». А самъ все отбивался отъ наступавшихъ. Рубится и бьется Тарасъ, сыплетъ гостинцы тому и другому на голову, а самъ глядитъ все впередъ на Остапа, и видитъ, что уже вновь схватилось съ Остапомъ мало не восьмеро разомъ. «Остапъ, Остапъ! не поддавайся!» Но уже одо-

лѣваютъ Остапа; уже одинъ накинулъ ему на шею арканъ, уже вяжутъ, уже берутъ Остапа. «Эхъ, Остапъ, Остапъ!» кричалъ Тарасъ, пробиваясь къ нему, рубя въ капусту встрѣчныхъ и поперечныхъ. «Эхъ, Остапъ, Остапъ!..» Но какъ тяжелымъ камнемъ хватило его самого въ ту же минуту: все закружилось и перевернулось въ глазахъ его. На мигъ смѣшанно сверкнули передъ нимъ головы, копья, дымъ, блески огня, сучья съ древесными листьями. И грохнулся онъ, какъ подрубленный дубъ, на землю. И туманъ покрылъ его очи.

X.

«Долго же я спалъ!» сказалъ Тарасъ, очнувшись, какъ послѣ труднаго хмѣльнаго сна, и стараясь распознать окружающіе его предметы. Страшная слабость одолѣвала его члены. Едва метались передъ нимъ стѣны и углы незнакомой свѣтлицы. Наконецъ замѣтилъ онъ, что предъ нимъ сидѣлъ Товкачъ и, казалось, прислушивался ко всякому его дыханью.

«Да» подумалъ про-себя Товкачъ: «заснулъ бы ты, можетъ-быть, и на-вѣки» но ничего не сказалъ, погрозилъ пальцемъ и далъ знакъ молчать.

«Да скажи же мнѣ, гдѣ я теперь?» спросилъ опять Тарасъ, напрягая умъ и стараясь припомнить бывшее.

«Молчи жъ!» прикрикнулъ сурово на него товарищъ: «чего тебѣ еще хочется знать? развѣ ты не видишь, что весь изрубленъ. Ужъ двѣ недѣли, какъ мы съ тобою скачемъ, не переводя духу, и какъ ты въ горячкѣ и жару несешь и городишь чепуху. Вотъ въ первый разъ заснулъ спокойно. Молчи жъ, если не хочешь нанести самъ себѣ бѣды».

Но Тарасъ все старался и силился собрать свои мысли и припомнить бывшее. «Да, вѣдь, меня же схватили и окружили-было совсѣмъ ляхи? мнѣ жъ не было никакой возможности выбиться изъ толпы?»

«Молчи жъ, говорятъ тебѣ, чортова дѣтина!» вскричалъ Товкачъ сердито, какъ нянька, выведенная изъ терпѣнья, кричитъ неугомонному повѣсъ-ребенку. «Что пользы знать тебѣ, какъ выбрался? довольно того, что выбрался. Нашлись

люди, которые тебя не выдали — ну, и будетъ съ тебя! Намъ еще не мало ночей скакать вмѣстѣ! Ты думаешь, что пошелъ за простаго казака? нѣтъ, твою голову оцѣнили въ двѣ тысячи червонныхъ».

«А Остапъ?» вскричалъ вдругъ Тарасъ, понатужился приподняться и вдругъ вспомнилъ, какъ Остапа схватили и связали въ глазахъ его, и что онъ теперь уже въ ляшскихъ рукахъ. И обняло горе старую голову. Сорвалъ и сдернулъ онъ всѣ перевязки ранъ своихъ; бросилъ ихъ далеко прочь; хотѣлъ громко что-то сказать — и вмѣсто того понесъ чепуху: жаръ и бредъ вновь овладѣли имъ, и понеслись безъ толку и связи безумныя рѣчи. А, между-тѣмъ, вѣрный товарищъ стоялъ предъ нимъ, бранясь и разсыпая безъ счету жестокія укорительныя слова и упреки. Наконецъ схватилъ онъ его за ноги и руки, спеленалъ какъ ребенка, поправилъ всѣ перевязки, увернулъ его въ воловью кожу, увязалъ въ лубки и, прикрѣпивши веревками къ сѣдлу, помчался вновь съ нимъ въ дорогу.

«Хотя не живаго, да довезу тебя! не попущу, чтобы ляхи поглумились надъ твоей казацкою породою, на куски рвали бы твое тѣло, да бро-

сали бы въ воду. Пусть же, хотя и будетъ орелъ выклевывать изъ твоего лба очи, да пусть же степовой нашъ орелъ, а не ляшскій, не тотъ, что прилетаетъ изъ польской земли. Хоть не живаго, а довезу тебя до Украйны!»

Такъ говорилъ вѣрный товарищъ; скакалъ безъ отдыха дни и ночи и привезъ его безчувственнаго въ самую запорожскую Сѣчь. Тамъ принялся онъ лечить его неутомимо травами и смачиваніями; нашелъ какую-то знающую жидовку, которая мѣсяцъ поила его разными снадобьями, и наконецъ Тарасу стало лучше. Лекарство ли, или своя желѣзная сила взяла верхъ, только онъ черезъ полтора мѣсяца сталъ на ноги; раны зажили, и только одни сабельные рубцы давали знать, какъ глубоко когда-то былъ раненъ старый казакъ. Однако же замѣтно сталъ онъ пасмуренъ и печаленъ. Три тяжелыя морщины насунулись на лобъ его и уже больше никогда не сходили съ него. Оглянулся онъ теперь вокругъ себя: все новое на Сѣчѣ, всѣ перемерли старые товарищи. Ни одного изъ тѣхъ, которые стояли за правое дѣло, за вѣру и братство. И тѣ, которые отправились съ кошевымъ въ-угонъ за татарами, и тѣхъ уже не было да-

вно: всѣ положили головы, всѣ сгибли; кто положилъ въ самомъ бою честную голову; кто отъ безводья и безхлѣбья, среди крымскихъ солончаковъ; кто въ плѣну пропалъ, не вынесши позора; и самого прежняго кошеваго уже давно не было на свѣтѣ, и никого изъ старыхъ товарищей, и уже поросла травою когда-то кипѣвшая казацкая сила. Слышалъ онъ только, что былъ пиръ сильный, шумный пиръ; вся перебита вдребезги посуда; нигдѣ не осталось вина ни капли, расхитили гости и слуги всѣ дорогіе кубки и сосуды — и смутный стоитъ хозяинъ дома, думая, лучше бъ и не было того пира. Напрасно старались занять и развеселить Тараса; напрасно бородатые, сѣдые бандуристы, проходя по два и по три, разславляли его казацкіе подвиги — сурово и равнодушно глядѣлъ онъ на все, и на неподвижномъ лицѣ его выступала неугасимая горесть, и тихо, понуривъ голову, говорилъ онъ: «сынъ мой, Остапъ мой!»

Запорожцы собирались на морскую экспедицію. Двѣсти челновъ спущены были въ Днѣпръ, и Малая Азія видѣла ихъ съ бритыми головами и длинными чубами, предававшими мечу и огню

цвѣтущіе берега ея; видѣла чалмы своихъ магометанскихъ обитателей раскиданными, подобно ея безчисленнымъ цвѣтамъ, на смоченныхъ кровію поляхъ и плававшими у береговъ. Она видѣла не мало запачканныхъ дегтемъ запорожскихъ шараваръ, мускулистыхъ рукъ съ чорными нагайками. Запорожцы переѣли и переломали весь виноградъ; въ мечетяхъ оставили цѣлыя кучи навозу; персидскія дорогія шали употребляли вмѣсто очкуровъ и опоясывали ими запачканныя свитки. Долго еще послѣ находили въ тѣхъ мѣстахъ запорожскія коротенькія люльки. Они весело плыли назадъ; за ними гнался десяти-пушечный турецкій корабль и залпомъ изъ всѣхъ орудій своихъ разогналъ, какъ птицъ, утлые ихъ челны. Третья часть ихъ потонула въ морскихъ глубинахъ; но остальные снова собрались вмѣстѣ и прибыли къ устью Днѣпра съ двѣнадцатью боченками, набитыми цехинами. Но все это уже не занимало Тараса. Онъ уходилъ въ луга и степи, будто бы за охотою; но зарядъ его оставался невыстрѣленнымъ; и, положивъ ружье, полный тоски, садился онъ на морской берегъ. Долго сидѣлъ онъ тамъ, понуривъ голову и все говоря: «Остапъ мой, Остапъ мой!»

Передъ нимъ сверкало и разстилалось Чорное Море; въ дальнемъ тростникѣ кричала чайка; бѣлый усъ его серебрился, и слеза капала одна за другою.

И не выдержалъ наконецъ Тарасъ: «что бы ни было, пойду развѣдать, что̀ онъ? живъ ли онъ? въ могилѣ? или уже и въ самой могилѣ нѣтъ его? Развѣдаю, во что̀ бы ни стало!» И черезъ недѣлю уже очутился онъ въ городѣ Умани, вооруженный, на конѣ, съ копьемъ, саблей, дорожной баклагой у сѣдла, походнымъ горшкомъ съ саламатой, пороховыми патронами, лошадиными путами и прочимъ снарядомъ. Онъ прямо поѣхалъ къ нечистому, запачканному домишку, у котораго небольшія окошки едва были видны, закопченныя неизвѣстно чѣмъ; труба заткнута была тряпкою, и дырявая крыша вся была покрыта воробьями; куча всякаго сору лежала предъ самыми дверьми. Изъ окна выглядывала голова жидовки въ чепцѣ съ потемнѣвшими жемчугами.

«Мужъ дома?» сказалъ Бульба, слѣзая съ коня и привязывая поводъ къ желѣзному крючку, бывшему у самыхъ дверей.

«Дома» сказала жидовка и поспѣшила тотъ же

часъ выйти съ пшеницей въ корчикѣ для коня и стопой пива для рыцаря.

«Гдѣ же твой жидъ?»

«Онъ въ другой свѣтлицѣ, молится» проговорила жидовка, кланяясь и пожелавъ здоровья въ то время, когда Бульба поднесъ къ губамъ стопу.

«Оставайся здѣсь, накорми и напой моего коня, а я пойду поговорю съ нимъ одинъ. У меня до него дѣло».

Этотъ жидъ былъ извѣстный Янкель. Онъ уже очутился тутъ арендаторомъ и корчмаремъ; прибралъ понемногу всѣхъ окружныхъ пановъ и шляхтичей въ свои руки, высосалъ понемногу почти всѣ деньги и сильно означилъ свое жидовское присутствіе въ той сторонѣ. На разстояніи трехъ миль во всѣ стороны не оставалось ни одной избы въ порядкѣ: все валилось и дряхлѣло, все пораспивалось, и осталась бѣдность, да лохмотья; какъ послѣ пожара или чумы вывѣтрился весь край. И если бы десять лѣтъ еще пожилъ тамъ Янкель, то онъ, вѣроятно вывѣтрилъ бы и все воеводство. Тарасъ вошелъ въ свѣтлицу. Жидъ молился, накрывшись своимъ, довольно запачканнымъ, саваномъ, и

оборотился, чтобы въ послѣдній разъ плюнуть, по обычаю своей вѣры, какъ вдругъ глаза его встрѣтили стоявшаго назади Бульбу. Такъ и бросились жиду прежде всего въ глаза двѣ тысячи червонныхъ, которые были обѣщаны за его голову; но онъ постыдился своей корысти и силился подавить въ себѣ вѣчную мысль о золотѣ, которая, какъ червь, обвиваетъ душу жида.

«Слушай, Янкель!» сказалъ Тарасъ жиду, который началъ передъ нимъ кланяться и заперъ осторожно дверь, чтобы ихъ не видѣли: «я спасъ твою жизнь — тебя бы разорвали, какъ собаку, запорожцы — теперь твоя очередь, теперь сдѣлай мнѣ услугу!» Лицо жида нѣсколько поморщилось. «Какую услугу? если такая услуга, что можно сдѣлать, то для чего не сдѣлать?»

«Не говори ничего. Вези меня въ Варшаву!»

«Въ Варшаву? какъ въ Варшаву?» сказалъ Янкель; брови и плеча его поднялись вверхъ отъ изумленія.

«Не говори мнѣ ничего. Вези меня въ Варшаву. Что̀ бы ни было, а я хочу еще разъ увидѣть его, сказать ему хоть одно слово».

«Кому сказать слово?»

«Ему, Остапу, сыну моему».

«Развѣ панъ не слышалъ, что уже....»

«Знаю, знаю все: за мою голову даютъ двѣ тысячи червонныхъ. Знаютъ же онѣ, дурни, цѣну ей! Я тебѣ пять тысячъ дамъ. Вотъ тебѣ двѣ тысячи сейчасъ» (Бульба высыпалъ изъ кожанаго гамана двѣ тысячи червонныхъ) «а остальные, какъ ворочусь». Жидъ тотчасъ схватилъ полотенце и накрылъ имъ червонцы.

«Ай, славная монета! ай, добрая монета!» говорилъ онъ, вертя одинъ червонецъ въ рукахъ и пробуя на зубахъ: «я думаю, тотъ человѣкъ, у котораго панъ обобралъ такіе хорошіе червонцы, и часу не прожилъ на свѣтѣ, пошелъ тотъ же часъ въ рѣку, да и утонулъ тамъ послѣ такихъ славныхъ червонцевъ?»

«Я бы не просилъ тебя; я бы самъ, можетъ-быть, нашелъ дорогу въ Варшаву; но меня могутъ какъ-нибудь узнать и захватить проклятые ляхи; ибо я не гораздъ на выдумки. А вы, жиды, на то̀ уже и созданы. Вы хоть чорта проведете; вы знаете всѣ штуки: вотъ для чего я пришелъ къ тебѣ! Да и въ Варшавѣ я бы самъ-собою ничего не получилъ. Сейчасъ запрягай возъ и вези меня!»

«А панъ думаетъ, что такъ прямо взялъ кобылу, запрегъ, да и: —эй ну, пошелъ сивка!— Думаетъ панъ, что можно такъ, какъ есть, не спрятавши, везти пана?»

«Ну, такъ прячь, прячь, какъ знаешь; въ порожнюю бочку что ли?»

«Ай, ай! а панъ думаетъ, развѣ можно спрятать его въ бочку? Панъ развѣ не знаетъ, что всякій подумаетъ, что въ бочкѣ горѣлка?»

«Ну такъ и пусть думаетъ, что горѣлка».

«Какъ? пусть думаетъ, что горѣлка?» сказалъ жидъ и схватилъ себя обѣими руками за пейсики, и потомъ поднялъ кверху обѣ руки.

«Ну, что жъ ты такъ оторопѣлъ?»

«А панъ развѣ не знаетъ, что Богъ на то создалъ горѣлку, чтобы ее всякій пробовалъ? тамъ все лакомки, ласуны: шляхтичъ будетъ бѣжать верстъ пять за бочкой, продолбитъ какъ разъ дырочку, тотчасъ увидитъ, что не течетъ, и скажетъ: — жидъ не повезетъ порожнюю бочку, вѣрно, тутъ есть что-нибудь! Схватить жида, связать жида, отобрать всѣ деньги у жида, посадить въ тюрьму жида!—Потому-что все, что ни есть недобраго, все валится на жида; потому-что жида всякій принимаетъ за собаку; по-

тому-что думаютъ, ужъ и не человѣкъ, коли жидъ!»

«Ну такъ положи меня въ возъ съ рыбою!»

«Не можно, панъ, ейбогу, не можно; по всей Польшѣ люди голодны теперь, какъ собаки: и рыбу раскрадутъ и пана нащупаютъ».

«Такъ вези меня хоть на чортѣ, только вези!»

«Слушай, слушай, панъ!» сказалъ жидъ, посунувши обшлага рукавовъ своихъ и подходя къ нему съ растопыренными руками: «вотъ что̀ мы сдѣлаемъ: теперь строятъ вездѣ крѣпости и за̀мки; изъ нѣметчины пріѣхали французскіе инженеры, а потому по дорогамъ везутъ много кирпичу и камней. Панъ пусть ляжетъ на днѣ воза, а верхъ я закладу кирпичемъ. Панъ здоровый и крѣпкій съ виду, и потому ему ничего, коли будетъ тяжеленько; а я сдѣлаю въ возу снизу дырочку, чтобы кормить пана».

«Дѣлай, какъ хочешь, только вези!»

И черезъ часъ возъ съ кирпичомъ выѣхалъ изъ Умани, запряженный въ двѣ клячи. На одной изъ нихъ сидѣлъ высокій Янкель, и длинные, курчавые пейсики его развѣвались изъ-подъ

жидовскаго яломка по-мѣрѣ того, какъ онъ подпрыгивалъ на лошади, длинный, какъ верста, поставленная на дорогѣ.

=

XI.

Въ то время, когда происходило описываемое событіе, на пограничныхъ мѣстахъ не было еще никакихъ таможенныхъ чиновниковъ и объѣзчиковъ, этой страшной грозы предпріимчивыхъ людей, и потому всякій могъ везти, что̀ ему вздумалось. Если же кто и производилъ обыскъ и ревизовку, то дѣлалъ это бо̀льшею частію для своего собственнаго удовольствія, особливо если

на возу находились заманчивые для глазъ предметы и если его собственная рука имѣла порядочный вѣсъ и тяжесть. Но кирпичъ не находилъ охотниковъ и въѣхалъ безпрепятственно въ главныя городскія ворота. Бульба, въ своей тѣсной клѣткѣ, могъ только слышать шумъ, крики возницъ и больше ничего. Янкель, подпрыгивая на своемъ короткомъ, запачканномъ пылью рысакѣ, поворотилъ, сдѣлавши нѣсколько круговъ, въ темную узенькую улицу, носившую названіе Грязной и вмѣстѣ Жидовской, потому-что здѣсь дѣйствительно находились жиды почти со всей Варшавы. Эта улица чрезвычайно походила на выворочённую внутренность задняго двора. Солнце, казалось, не заходило сюда вовсе. Совершенно почернѣвшіе деревянные дома со множествомъ протянутыхъ изъ оконъ жердей, увеличивали еще болѣе мракъ. Изрѣдка краснѣла между ними кирпичная стѣна, но и та уже во многихъ мѣстахъ превращалась совершенно въ черную. Иногда только вверху оштукатуренный кусокъ стѣны, обхваченный солнцемъ, блисталъ нестерпимою для глазъ бѣлизною. Тутъ все состояло изъ сильныхъ рѣзкостей: трубы, тряпки, шелуха, выброшенные разбитые чаны. Вся-

кій, что только было у него негоднаго, швырялъ на улицу, доставляя прохожимъ возможныя удобства питать всѣ чувства свои этою дрянью. Сидящій на конѣ всадникъ чуть-чуть не доставалъ рукою жердей, протянутыхъ черезъ улицу изъ одного дома въ другой, на которыхъ висѣли жидовскіе чулки, коротенькіе панталонцы и копченый гусь. Иногда довольно смазливенькое личико еврейки, убранное потемнѣвшими бусами, выглядывало изъ ветхаго окошка. Куча жиденковъ, запачканныхъ, оборванныхъ, съ курчавыми волосами, кричала и валялась въ грязи. Рыжій жидъ съ веснушками по всему лицу, дѣлавшими его похожимъ на воробьиное яйцо, выглянулъ изъ окна; тотчасъ заговорилъ съ Янкелемъ на своемъ тарабарскомъ нарѣчіи, и Янкель тотчасъ въѣхалъ въ одинъ дворъ. По улицѣ шелъ другой жидъ, остановился, вступилъ тоже въ разговоръ, и когда Бульба выкарабкался наконецъ изъ-подъ кирпича, онъ увидѣлъ трехъ жидовъ, говорившихъ съ большимъ жаромъ.

Янкель обратился къ нему и сказалъ, что все будетъ сдѣлано, что его Остапъ сидитъ въ городской темницѣ, и хотя трудно уговорить

стражей, но однако жъ онъ надѣется доставить ему свиданіе.

Бульба вошелъ вмѣстѣ съ тремя жидами въ комнату.

Жиды начали опять говорить между собою на своемъ непонятномъ языкѣ. Тарасъ поглядывалъ на каждаго изъ нихъ. Что-то, казалось, сильно потрясло его: на грубомъ и равнодушномъ лицѣ его вспыхнуло какое-то сокрушительное пламя надежды, надежды той, которая посѣщаетъ иногда человѣка въ послѣднемъ градусѣ отчаянія; старое сердце его начало сильно биться, какъ-будто у юноши.

«Слушайте, жиды!» сказалъ онъ, и въ словахъ его было что-то восторженное: «вы все на свѣтѣ можете сдѣлать, выкопаете хоть изъ дна морскаго, и пословица давно уже говоритъ, что жидъ самого себя украдетъ, когда только захочетъ украсть. Освободите мнѣ моего Остапа! дайте случай убѣжать ему отъ дьявольскихъ рукъ. Вотъ я этому человѣку обѣщалъ двѣнадцать тысячъ червонныхъ, — я прибавляю еще двѣнадцать; всѣ, какіе у меня есть дорогіе кубки и закопанное въ землѣ золото, хату и послѣднюю одежду продамъ и заключу съ вами контрактъ

на всю жизнь, съ тѣмъ, чтобы все, что ни добуду на войнѣ, дѣлить съ вами пополамъ!»

«О, не можно, любезный панъ, не можно!» сказалъ со вздохомъ Янкель.

«Нѣтъ, не можно!» сказалъ другой жидъ.

Всѣ три жида взглянули одинъ на другаго.

«А попробовать» сказалъ третій, боязливо поглядывая на двухъ другихъ: «можетъ-быть, Богъ дастъ».

Всѣ три жида заговорили по-нѣмецки. Бульба, какъ ни наострялъ свой слухъ, ничего не могъ отгадать; онъ слышалъ только часто произносимое слово «Мардохай» и больше ничего.

«Слушай, панъ!» сказалъ Янкель: «нужно посовѣтоваться съ такимъ человѣкомъ, какого еще никогда не было на свѣтѣ; у, у! то такой мудрый, какъ Соломонъ, и когда онъ ничего не сдѣлаетъ, то уже никто на свѣтѣ не сдѣлаетъ. Сиди тутъ! вотъ ключъ! и не впускай никого!» Жиды вышли на улицу.

Тарасъ заперъ дверь и смотрѣлъ въ маленькое окошко на этотъ грязный жидовскій проспектъ. Три жида остановились посрединѣ улицы и стали говорить довольно азартно; къ нимъ присоединился скоро четвертый, наконецъ и пятый.

Онъ слышалъ опять повторяемое: «Мардохай, Мардохай». Жиды безпрестанно посматривали въ одну сторону улицы; наконецъ въ концѣ ея изъза одного дряннаго дома показалась нога въ жидовскомъ башмакѣ и замелькали фалды полукафтанья. «А, Мардохай! Мардохай!» закричали всѣ жиды въ одинъ голосъ. Тощій жидъ, нѣсколько короче Янкеля, но гораздо болѣе покрытый морщинами, съ преогромною верхнею губою, приблизился къ нетерпѣливой толпѣ, и всѣ жиды наперерывъ спѣшили разсказывать ему, при чемъ Мардохай нѣсколько разъ поглядывалъ на маленькое окошечко, и Тарасъ догадывался, что рѣчь шла о немъ. Мардохай размахивалъ руками, слушалъ, перебивалъ рѣчь, часто плевалъ на сторону и подымая фалды полукафтанья, засовывалъ въ карманъ руку и вынималъ какія-то побрякушки, при чемъ показывалъ прескверные свои панталоны. Наконецъ всѣ жиды подняли такой крикъ, что жидъ, стоявшій на-сторожѣ, долженъ былъ давать знакъ къ молчанію, и Тарасъ уже началъ опасаться за свою безопасность, но вспомнивши, что жиды не могутъ иначе разсуждать, какъ на улицѣ, и что ихъ языка самъ демонъ не пойметъ, онъ успокоился.

Минуты двѣ спустя, жиды вмѣстѣ вошли въ его комнату. Мардохай приблизился къ Тарасу, потрепалъ его по плечу и сказалъ: «когда мы захочемъ сдѣлать, то уже будетъ такъ, какъ нужно».

Тарасъ поглядѣлъ на этого Соломона, какого еще не было на свѣтѣ, и получилъ нѣкоторую надежду. Дѣйствительно, видъ его могъ внушить нѣкоторое довѣріе: верхняя губа у него была, просто, страшилище; толщина ея, безсомнѣнія, увеличилась отъ постороннихъ причинъ. Въ бородѣ у этого Соломона было только пятнадцать волосковъ, и то на лѣвой сторонѣ. На лицѣ у Соломона было столько знаковъ побоевъ, полученныхъ за удальство, что онъ безсомнѣнія давно потерялъ счетъ имъ и привыкъ ихъ считать за родимыя пятна.

Мардохай ушелъ вмѣстѣ съ товарищами, исполненными удивленія къ его мудрости. Бульба остался одинъ. Онъ былъ въ странномъ, небываломъ положеніи: онъ чувствовалъ въ первый разъ въ жизни безпокойство. Душа его была въ лихорадочномъ состояніи. Онъ не былъ тотъ прежній, непреклонный, неколебимый, крѣп-

кій, какъ дубъ; онъ былъ малодушенъ; онъ былъ теперь слабъ. Онъ вздрагивалъ при каждомъ шорохѣ, при каждой новой жидовской фигурѣ, показывавшейся въ концѣ улицы. Въ такомъ состояніи пробылъ онъ наконецъ весь день; не ѣлъ, не пилъ, и глаза его не отрывались ни на часъ отъ небольшаго окошка на улицу. Наконецъ уже ввечеру поздно показался Мардохай и Янкель. Сердце Тараса замерло.

«Что? удачно?» спросилъ онъ ихъ съ нетерпѣніемъ дикаго коня.

Но прежде еще, нежели жиды собрались съ духомъ отвѣчать, Тарасъ замѣтилъ, что у Мардохая уже не было послѣдняго локона, который хотя довольно неопрятно, но все же вился кольцами изъ-подъ яломка его. Замѣтно было, что онъ хотѣлъ что-то сказать, но наговорилъ такую дрянь, что Тарасъ ничего не понялъ. Да и самъ Янкель прикладывалъ очень часто руку ко рту, какъ-будто бы страдалъ простудою.

«О любезный панъ!» сказалъ Янкель: «теперь совсѣмъ неможно! ейбогу, неможно! Такой нехорошій народъ, что ему надо на самую голову наплевать. Вотъ и Мардохай скажетъ; Мар-

дохай дѣлалъ такое, какого еще не дѣлалъ ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ; но Богъ не захотѣлъ, чтобы такъ было. Три тысячи войска стоятъ и завтра ихъ всѣхъ будутъ казнить».

Тарасъ глянулъ въ глаза жидамъ, но уже безъ нетерпѣнія и гнѣва.

«А если панъ хочетъ видѣться, то завтра нужно рано, такъ чтобы еще и солнце не всходило. Часовые соглашаются и одинъ левентарь обѣщался. Только пусть имъ не будетъ на томъ свѣтѣ счастья, ой вей миръ! что это за корыстный народъ! и между нами такихъ нѣтъ: пятьдесятъ червонцевъ я далъ каждому, а левентарю...»

«Хорошо. Веди меня къ нему!» произнесъ Тарасъ рѣшительно, и вся твердость возвратилась въ его душу. Онъ согласился на предложеніе Янкеля переодѣться иностраннымъ графомъ, пріѣхавшимъ изъ нѣмецкой земли, для чего платье уже успѣлъ припасти дальновидный жидъ. Была уже ночь. Хозяинъ дома, извѣстный рыжій жидъ съ веснушками, вытащилъ тощій тюфякъ, накрытый какою-то рогожею, и разостлалъ его на лавкѣ для Бульбы. Янкель легъ на полу на такомъ же тюфякѣ. Рыжій жидъ

выпилъ небольшую чарочку какой-то настойки, скинулъ полукафтанье и, сдѣлавшись въ своихъ чулкахъ и башмакахъ нѣсколько похожимъ на цыпленка, отправился съ своею жидовкой во что-то похожее на шкафъ. Двое жиденковъ, какъ двѣ домашнія собачки, легли на полу возлѣ шкафа. Но Тарасъ не спалъ; онъ сидѣлъ неподвиженъ и слегка барабанилъ пальцами по столу; онъ держалъ во рту люльку и пускалъ дымъ, отъ котораго жидъ съ-просонья чихалъ и заворачивалъ въ одѣяло свой носъ. Едва небо успѣло тронуться блѣднымъ предвѣстіемъ зари, онъ уже толкнулъ ногою Янкеля.

«Вставай, жидъ, и давай твою графскую одежду!»

Въ минуту одѣлся онъ; вычернилъ усы, брови, надѣлъ на темя маленькую темную шапочку—и никто бы изъ самыхъ близкихъ къ нему казаковъ не могъ узнать его. По виду, ему казалось не болѣе тридцати-пяти лѣтъ. Здоровый румянецъ игралъ на его щекахъ и самые рубцы придавали ему что-то повелительное. Одежда, убранная золотомъ, очень шла къ нему.

Улицы еще спали. Ни одно меркантильное существо еще не показывалось въ городѣ съ ко-

робкою въ рукахъ. Бульба и Янкель пришли къ строенію, имѣвшему видъ сидящей цапли. Оно было низкое, широкое, огромное, почернѣвшее, и съ одной стороны его выкидывалась, какъ шея аиста, длинная, узкая башня, наверху которой торчалъ кусокъ крыши. Это строеніе отправляло множество разныхъ должностей: тутъ были и казармы, и тюрьма, и даже уголовный судъ. Наши путники вошли въ ворота и очутились среди пространной залы, или крытаго двора. Около тысячи человѣкъ спали вмѣстѣ. Прямо шла низенькая дверь, передъ которой сидѣвшіе двое часовыхъ играли въ какую-то игру, состоявшую въ томъ, что одинъ другаго билъ двумя пальцами по ладони. Они мало обратили вниманія на пришедшихъ и поворотили головы только тогда, когда Янкель сказалъ: «Это мы, слышите, паны, это мы».

«Ступайте!» говорилъ одинъ изъ нихъ, отворяя одною рукою дверь, а другую подставляя своему товарищу для принятія отъ него ударовъ.

Они вступили въ корридоръ узкій и темный, который опять привелъ ихъ въ такую же залу съ маленькими окошками вверху. «Кто идетъ?

закричало нѣсколько голосовъ, и Тарасъ увидѣлъ порядочное количество воиновъ въ полномъ вооруженіи. «Намъ никого не велѣно пускать».

«Это мы!» кричалъ Янкель: «ейбогу мы, ясные паны!» Но никто не хотѣлъ слушать. Къ счастію, въ это время подошелъ какой-то толстякъ, который, по всѣмъ примѣтамъ, казался начальникомъ, потому-что ругался сильнѣе всѣхъ.

«Панъ, это жъ мы; вы уже знаете насъ, и панъ графъ еще будетъ благодарить».

«Пропустите, сто дьябловъ чортовой маткѣ! И больше никого не пускайте! Да саблей чтобы никто не скидалъ и не собачился на полу....»

Продолженія краснорѣчиваго приказа уже не слышали наши путники. — «Это мы, это я, это свои!» говорилъ Янкель, встрѣчаясь со всякимъ.

«А что, можно теперь?» — спросилъ онъ одного изъ стражей, когда они наконецъ подошли къ тому мѣсту, гдѣ корридоръ уже оканчивался.

«Можно; только не знаю, пропустятъ ли васъ въ самую тюрьму. Теперь уже нѣтъ Яна:

вмѣсто его стоитъ другой, — отвѣчалъ часовой».

«Ай, ай!» произнесъ тихо жидъ: «это скверно, любезный панъ!»

«Веди!» произнесъ упрямо Тарасъ. Жидъ повиновался.

У дверей подземелья, оканчивавшихся кверху остріемъ, стоялъ гайдукъ, съ усами въ три яруса. Верхній ярусъ усовъ шелъ назадъ, другой прямо впередъ, третій внизъ, что̀ дѣлало его очень похожимъ на кота.

Жидъ съежился въ три погибели и почти бокомъ подошелъ къ нему. «Ваша ясновельможность! ясновельможный панъ!»

«Ты, жидъ, это мнѣ говоришь?»

«Вамъ, ясновельможный панъ».

«Гм.... а я, просто, гайдукъ!» сказалъ трехъярусный усачъ съ повеселѣвшими глазами.

«А я, ейбогу, думалъ, что это самъ воевода. Ай, ай, ай....» При этомъ жидъ покрутилъ головою и разставилъ пальцы. «Ай, какой важный видъ! Ейбогу, полковникъ, совсѣмъ полковникъ! Вотъ еще бы только на палецъ прибавить, то и полковникъ. Нужно бы пана поса-

дить на жеребца, такого скораго, какъ муха, да и пусть муштруетъ полки!»

Гайдукъ поправилъ нижній ярусъ усовъ своихъ; при чемъ глаза его совершенно развеселились.

«Что за народъ военный!» продолжалъ жидъ: «охъ вей миръ, что за народъ хорошій! Шнурочки, бляшечки.... такъ отъ нихъ блеститъ, какъ отъ солнца; а цурки, гдѣ только увидятъ военныхъ.... ай, ай!» Жидъ опять покрутилъ головою.

Гайдукъ завилъ рукою верхніе усы и пропустилъ сквозь зубы звукъ, нѣсколько похожій на лошадиное ржаніе.

«Прошу пана оказать услугу!» произнесъ жидъ: «вотъ князь пріѣхалъ изъ чужаго края, хочетъ посмотрѣть на казаковъ. Онъ еще съ-роду не видѣлъ, что̀ это за народъ казаки».

Появленіе иностранныхъ графовъ и бароновъ было въ Польшѣ довольно обыкновенно: они часто были завлекаемы единственно любопытствомъ посмотрѣть этотъ почти полуазіятскій уголъ Европы. Московію и Украйну они почитали уже находящимися въ Азіи. И потому гайдукъ,

поклонившись довольно низко, почелъ приличнымъ прибавить нѣсколько словъ отъ себя:

«Я не знаю, ваша ясновельможность» говорилъ онъ: «зачѣмъ вамъ хочется смотрѣть ихъ. Это собаки, а не люди. И вѣра у нихъ такая, что никто не уважаетъ».

«Врешь ты, чортовъ сынъ!» сказалъ Бульба: «самъ ты собака! Какъ ты смѣешь говорить, что нашу вѣру не уважаютъ! Это вашу еретическую вѣру не уважаютъ!»

«Эге, ге!» сказалъ гайдукъ: «а, я знаю, пріятель, ты кто: ты самъ изъ тѣхъ, которые уже сидятъ у меня. Постой же, я позову сюда нашихъ».

Тарасъ увидѣлъ свою неосторожность; но упрямство и досада помѣшали ему подумать о томъ, какъ бы исправить ее. Къ счастію, Янкель въ ту же минуту успѣлъ подвернуться.

«Ясновельможный панъ! какъ же можно, чтобы графъ да былъ казакъ? А если бы онъ былъ казакъ, то гдѣ бы онъ досталъ такое платье и такой видъ графскій?»

«Разсказывай себѣ!» И гайдукъ уже раскрылъ-было широкій ротъ свой, чтобы крикнуть.

«Ваше королевское величество! молчите! молчите, ради Бога!» закричалъ Янкель: «молчите! мы уже вамъ за это заплатимъ такъ, какъ еще никогда и не видѣли: мы дадимъ вамъ два золотыхъ червонца».

«Эге! два червонца! Два червонца мнѣ ни-почемъ; я цырюльнику даю два червонца за то̀, чтобы мнѣ только половину бороды выбрилъ. Сто червонныхъ давай, жидъ!» тутъ гайдукъ закрутилъ верхніе усы. «А какъ не дашь ста червонныхъ, сейчасъ закричу!»

«И, на что̀ бы такъ много?» горестно сказалъ поблѣднѣвшій жидъ, развязывая кожаный мѣшокъ свой. Но онъ счастливъ былъ, что въ его кошелькѣ не было болѣе и что гайдукъ далѣе ста не умѣлъ считать.

«Панъ, панъ! уйдемъ скорѣе! Видите, какой тутъ нехорошій народъ!» сказалъ Янкель, замѣтивши, что гайдукъ перебиралъ на рукѣ деньги, какъ бы жалѣя о томъ, что не запросилъ болѣе.

«Чтожъ ты, чортовъ гайдукъ, сказалъ Бульба: деньги взялъ, а показать и не думаешь? Нѣтъ, ты долженъ показать. Ужъ когда деньги получилъ, то ты не вправѣ теперь отказать».

«Ступайте, ступайте къ дьяволу! а не то я сію минуту дамъ знать, и васъ тутъ... Уносите скорѣе ноги, говорю я вамъ!»

«Панъ! панъ! пойдемъ, ейбогу, пойдемъ. Цуръ имъ! Пусть имъ приснится такое, что плевать нужно!» кричалъ бѣдный Янкель.

Бульба медленно, потупивъ голову, оборотился и шелъ назадъ, преслѣдуемый укорами Янкеля, котораго ѣла грусть при мысли о даромъ потерянныхъ червонцахъ.

«И на что̀ бы трогать? Пусть бы собака бранился! То уже такой народъ, что не можетъ не браниться! Охъ вей миръ, какое счастіе посылаетъ Богъ людямъ! Сто червонцевъ за то̀ только, что прогналъ насъ! А нашъ братъ: ему и пейсики оборвутъ, и изъ морды сдѣлаютъ такое, что и глядѣть не можно, а никто не дастъ ста червонныхъ. О Боже мой! Боже милосердый!«

Но неудача эта гораздо болѣе имѣла вліянія на Бульбу; она выражалась пожирающимъ пламенемъ въ его глазахъ.

«Пойдемъ!» сказалъ онъ вдругъ, какъ бы встряхнувшись: «пойдемъ на площадь. Я хочу посмотрѣть, какъ его будутъ мучить».

«Ой панъ, зачѣмъ ходить? Вѣдь намъ этимъ не помочь уже».

«Пойдемъ!» упрямо сказалъ Бульба, и жидъ, какъ нянька, вздыхая, побрелъ вслѣдъ за нимъ.

Площадь, на которой долженствовала производиться казнь, не трудно было отыскать: народъ валилъ туда со всѣхъ сторонъ. Въ тогдашній грубый вѣкъ это составляло одно изъ занимательнѣйшихъ зрѣлищъ, не только для черни, но и для высшихъ классовъ. Множество старухъ самыхъ набожныхъ, множество молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ самыхъ трусливыхъ, которымъ послѣ всю ночь грезились окровавленные трупы, которыя кричали съ-просонья такъ громко, какъ только можетъ крикнуть пьяный гусаръ, не пропускали однако же случая полюбопытствовать. «Ахъ, какое мученье!» кричали изъ нихъ многія съ истерическою лихорадкою, закрывая глаза и отворачиваясь, однако же простаивали иногда довольно времени. Иной, и ротъ разинувъ, и руки вытянувъ впередъ, желалъ бы вскочить всѣмъ на головы, чтобы оттуда посмотрѣть повиднѣе. Изъ толпы узкихъ небольшихъ и обыкновенныхъ головъ высовывалъ свое толстое лицо мясникъ, наблюдалъ весь процессъ съ видомъ зна-

тока и разговаривалъ односложными словами съ оружейнымъ мастеромъ, котораго называлъ кумомъ, потому-что въ праздничный день напивался съ нимъ въ одномъ шинкѣ. Иные разсуждали съ жаромъ, другіе даже держали пари; но большая часть была такихъ, которые на весь міръ и на все, что̀ ни случается въ свѣтѣ, смотрятъ, ковыряя пальцемъ въ своемъ носу. На переднемъ планѣ, возлѣ самыхъ усачей, составлявшихъ городовую гвардію, стоялъ молодой шляхтичъ, или казавшійся шляхтичемъ, въ военномъ костюмѣ, который надѣлъ на себя рѣшительно все, что̀ у него ни было, такъ-что на его квартирѣ оставалась только изодранная рубашка, да старые сапоги. Двѣ цѣпочки, одна сверхъ другой, висѣли у него на шеѣ съ какимъ-то дукатомъ. Онъ стоялъ съ кохапкою своею, Юзысею, и безпрестанно оглядывался, чтобы кто-нибудь не замаралъ ея шолковаго платья. Онъ ей растолковалъ совершенно все, такъ-что уже рѣшительно не можно было ничего прибавить. «Вотъ это, душечка Юзыся» говорилъ онъ: «весь народъ, что̀ вы видите, пришелъ за тѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ будутъ казнить преступниковъ. А вотъ тотъ, душечка,

что̀ вы видите, держитъ въ рукахъ сѣкиру и другіе инструменты, то палачъ, и онъ будетъ казнить. И какъ начнетъ колесовать и другія дѣлать муки, то преступникъ еще будетъ живъ; а какъ отрубятъ голову, то онъ, душечка, тотчасъ и умретъ. Прежде будетъ кричать и двигаться, но какъ только отрубятъ голову, тогда ему не можно будетъ ни кричать, ни ѣсть, ни пить, оттого-что у него, душечка, уже больше не будетъ головы».—И Юзыся все это слушала со страхомъ и любопытствомъ. Крыши домовъ были усѣяны народомъ. Изъ слуховыхъ оконъ выглядывали престранныя рожи съ усами и въ чемъ-то похожемъ на чепчики. На балконахъ, подъ балдахинами, сидѣло аристократство. Хорошенькая ручка смѣющейся, блистающей, какъ бѣлый сахаръ, панны держалась за перила. Ясновельможные паны, довольно плотные, глядѣли съ важнымъ видомъ. Холопъ, въ блестящемъ убранствѣ, съ откидными назадъ рукавами, разносилъ тутъ же разные напитки и съѣстное. Часто шалунья, съ чорными глазами, схвативши свѣтлою ручкою своею пирожное и плоды, кидала въ народъ. Толпа голодныхъ рыцарей подставляла на-подхватъ свои шапки, и

какой-нибудь высокій шляхтичъ, высунувшійся изъ толпы своею головою, въ полинялом красномъ кунтушѣ, съ почернѣвшими золотыми шнурками, хваталъ первый, съ помощію длинныхъ рукъ, целовалъ полученную добычу, прижималъ ее къ сердцу и потомъ клалъ въ ротъ. Соколъ, висѣвшій въ золотой клѣткѣ подъ балкономъ, былъ также зрителемъ: перегнувши набокъ носъ и поднявши лапу, онъ, съ своей стороны, разсматривалъ также внимательно народъ. Но толпа вдругъ зашумѣла и со всѣхъ сторонъ раздались голоса: «ведутъ! ведутъ! казаки!»

Они шли съ открытыми головами, съ длинными чубами; бороды у нихъ были отпущены. Они шли ни боязливо, ни угрюмо, но съ какою-то тихою горделивостію; ихъ платья, изъ дорогаго сукна, износились и болтались на нихъ ветхими лоскутьями, они не глядѣли и не кланялись народу. Впереди всѣхъ шелъ Остапъ.

Что̀ почувствовалъ старый Тарасъ, когда увидѣлъ своего Остапа? Что̀ было тогда въ его сердцѣ! Онъ глядѣлъ на него изъ толпы и не проронилъ ни одного движенія его. Они приблизились уже къ лобному мѣсту. Остапъ оста-

новился. Ему первому приходилось выпить эту тяжелую чашу. Онъ глянулъ на своихъ, поднялъ руку вверхъ и произнесъ громко: «Дай же Боже, чтобы всѣ, какіе тутъ ни стоятъ еретики, не услышали, нечестивые, какъ мучится христіяниnъ! чтобы ни одинъ изъ насъ не промолвилъ ни одного слова!» Послѣ этого онъ приблизился къ эшафоту.

«Добре, сынку, добре!» сказалъ тихо Бульба и уставилъ въ землю свою сѣдую голову.

Палачъ сдернулъ съ него ветхія лохмотья; ему увязали руки и ноги въ нарочно-сдѣланные станки и.... не будемъ смущать читателей картиною адскихъ мукъ, отъ которыхъ дыбомъ поднялись бы ихъ волосы. Онѣ были порожденіе тогдашняго грубаго, свирѣпаго вѣка, когда человѣкъ велъ еще кровавую жизнь однихъ воинскихъ подвиговъ и закалился въ ней душою, не чуя человѣчества. Напрасно нѣкоторые, немногіе, бывшіе исключеніями изъ вѣка, являлись противниками сихъ ужасныхъ мѣръ. Напрасно король и многіе рыцари, просвѣтлѣнные умомъ и душой, представляли, что подобная жестокость наказаній можетъ только разжечь мщеніе казацкой націи. Но власть короля и умныхъ мнѣній

была ничто предъ безпорядкомъ и дерзкой волею государственныхъ магнатовъ, которые своей необдуманностью, непостижимымъ отсутствіемъ всякой дальновидности, дѣтскимъ самолюбіемъ и ничтожною гордостью превратили сеймъ въ сатиру на правленіе. Остапъ выносилъ терзанія и пытки, какъ исполинъ. Ни крика, ни стона не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на рукахъ и ногахъ кости, когда ужасный хряскъ ихъ послышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, когда панянки отворотили глаза свои—ничто похожее на стонъ не вырвалось изъ устъ его; не дрогнулось лицо его. Тарасъ стоялъ въ толпѣ, потупивъ голову и въ то же время, гордо приподнявъ очи, одобрительно только говорилъ: «Добре, сынку, добре!»

Но когда подвели его къ послѣднимъ смертнымъ мукамъ, казалось, какъ-будто стала подаваться его сила. И повелъ онъ очами вокругъ себя: Боже! все невѣдомыя, все чужія лица! Хоть бы кто-нибудь изъ близкихъ присутствовалъ при его смерти. Онъ не хотѣлъ бы слышать рыданій и сокрушенія слабой матери или безумныхъ воплей супруги, исторгающей

волосы и біющей себя въ бѣлыя груди; хотѣлъ бы онъ теперь увидѣть твердаго мужа, который бы разумнымъ словомъ освѣжилъ его и утѣшилъ при кончинѣ. И упалъ онъ силою и выкликнулъ въ душевной немощи: «Батько! гдѣ ты? слышишь ли ты все это?»

«Слышу!» раздалось среди всеобщей тишины, и весь милліонъ народа въ одно время вздрогнулъ. Часть военныхъ всадниковъ бросилась заботливо разсматривать толпы народа. Янкель поблѣднѣлъ, какъ смерть, и когда всадники немного отдалились отъ него, онъ со страхомъ оборотился назадъ, чтобы взглянуть на Тараса, но Тараса уже возлѣ него не было: его и слѣдъ простылъ.

═

XII.

Отыскался слѣдъ тарасовъ. Сто двадцать тысячъ казацкаго войска показалось на границахъ Украйны. Это уже не была какая-нибудь малая часть или отрядъ, выступившій на добычу или на-угонъ за татарами. Нѣтъ; поднялась вся нація, ибо переполнилось терпѣніе народа. Поднялась отомстить за посмѣянье правъ своихъ, за позорное униженіе своихъ нравовъ, за оскорбленіе вѣры

предковъ и святаго обычая, за посрамленіе церквей, за безчинства чужеземныхъ пановъ, за угнетенье, за унію, за позорное владычество жидовства на христіянской землѣ, за все, что копило и сугубило съ давнихъ временъ суровую ненависть казаковъ. Молодой, но сильный духомъ гетманъ Остраница предводилъ всею несмѣтной казацкой силою. Возлѣ былъ видѣнъ престарѣлый, опытный товарищъ его и совѣтникъ Гуня. Восемь полковниковъ вели двѣнадцатитысячные полки. Два генеральные эсаула и генеральный бунчужный ѣхали вслѣдъ за гетманомъ. Генеральный хорунжій предводилъ главное знамя; много другихъ хоругвей и знаменъ развѣвалось вдали; бунчуковые товарищи несли бунчуки. Много также было другихъ чиновъ полковыхъ, обозныхъ, войсковыхъ товарищей, полковыхъ писарей и съ ними пѣшихъ и конныхъ отрядовъ; почти столько же, сколько было рейстровыхъ казаковъ, набралось охочекомонныхъ и вольныхъ. Отвсюду поднялись казаки, отъ Чигрина, отъ Переяслава, отъ Батурина, отъ Глухова, отъ низовой стороны днѣпровской и отъ всѣхъ его верховій и острововъ. Безъ счету кони и несмѣтные таборы телегъ потянулись по

полямъ. И между тѣми-то казаками, между тѣми восьмью полками отборнѣе всѣхъ былъ одинъ полкъ; и полкомъ тѣмъ предводилъ Тарасъ Бульба. Все давало ему перевѣсъ предъ другими: и преклонныя лѣта, и опытность, и умѣнье двигать своимъ войскомъ, и сильнѣйшая всѣхъ ненависть къ врагамъ. Даже самимъ казакамъ казалась чрезмѣрною его безпощадная свирѣпость и жестокость. Только огонь, да висѣлицу опредѣляла сѣдая голова его, и совѣтъ его въ войсковомъ совѣтѣ дышалъ только однимъ истребленіемъ.

Нечего описывать всѣхъ битвъ, гдѣ показали себя казаки, ни всего постепеннаго хода кампаніи: все это внесено въ лѣтописныя страницы. Извѣстно, какова въ русской землѣ война, поднятая за вѣру. Нѣтъ силы сильнѣе вѣры. Непреоборима и грозна она, какъ нерукотворная скала среди бурнаго, вѣчно-измѣнчиваго моря. Изъ самой средины морскаго дна возноситъ она къ небесамъ непроломныя свои стѣны, вся созданная изъ одного цѣльнаго сплошнаго камня. Отвсюду видна она и глядитъ прямо въ очи мимобѣгущимъ волнамъ. И горе кораблю, который нанесется на нее! Въ щепы летятъ безсильныя его снасти, тонетъ и ломится въ прахъ

все, что ни есть на немъ, и жалкимъ крикомъ погибающихъ оглашается пораженный воздухъ.

Въ лѣтописныхъ страницахъ изображено подробно, какъ бѣжали польскіе гарнизоны изъ освобождаемыхъ городовъ; какъ были перевѣшаны безсовѣстные арендаторы-жиды; какъ слабъ былъ коронный гетманъ Николай Потоцкій съ многочисленною своею арміею противъ этой непреодолимой силы; какъ, разбитый, преслѣдуемый, перетопилъ онъ въ небольшой рѣчкѣ лучшую часть своего войска; какъ облегли его въ небольшомъ мѣстечкѣ Полонномъ грозные казацкіе полки, и какъ, приведенный въ крайность, польскій гетманъ клятвенно обѣщалъ полное удовлетвореніе во всемъ со стороны короля и государственныхъ чиновъ и возвращеніе всѣхъ прежнихъ правъ и преимуществъ. Но не такіе были казаки, чтобы поддаться на то̀: знали они уже, что̀ такое польская клятва. И Потоцкій не красовался бы больше на шеститысячномъ своемъ аргамакѣ, привлекая взоры знатныхъ панiнъ и зависть дворянства, не шумѣлъ бы на сеймахъ, задавая роскошные пиры сенаторамъ, если бы не спасло его находившееся въ мѣстечкѣ русское духовенство. Когда вышли навстрѣчу всѣ

попы въ свѣтлыхъ золотыхъ ризахъ, неся иконы и кресты, и впереди самъ архіерей съ крестомъ въ рукѣ и въ пастырской митрѣ, преклонили казаки всѣ свои головы и сняли шапки. Никого не уважили бы они на ту пору, ниже самого короля; но противъ своей церкви христіянской не посмѣли и уважили свое духовенство. Согласился гетманъ вмѣстѣ съ полковниками отпустить Потоцкаго, взявши съ него клятвенную присягу оставить на свободѣ всѣ христіянскія церкви, забыть старую вражду и не наносить никакой обиды казацкому воинству. Одинъ только полковникъ не согласился на такой миръ. Тотъ одинъ былъ Тарасъ. Вырвалъ онъ клокъ волосъ изъ головы своей и вскрикнулъ:

«Эй, гетманъ и полковники! не сдѣлайте такого бабьяго дѣла! не вѣрьте ляхамъ: продадутъ, псяюхи». Когда же полковой писарь подалъ условіе, и гетманъ приложилъ свою властную руку, онъ снялъ съ себя чистый булатъ, дорогую турецкую саблю, изъ первѣйшаго желѣза, разломилъ ее на-двое, какъ трость, и кинулъ далеко въ разныя стороны оба конца, сказавъ: «Прощайте же! Какъ двумъ концамъ сего палаша не соединиться въ одно и не со-

ставить одной сабли, такъ и намъ, товарищи, больше не видаться на этомъ свѣтѣ! Помяните же прощальное мое слово» (при семъ словѣ голосъ его выросъ, поднялся выше, принялъ невѣдомую силу—и смутились всѣ отъ пророческихъ словъ): «передъ смертнымъ часомъ своимъ вы вспомните меня! Думаете, купили спокойствіе и миръ, думаете пановать станете? Будете пановать другимъ панованьемъ: сдерутъ съ твоей головы, гетманъ, кожу! набьютъ ее гречаною половою, и долго будутъ видѣть ее по всѣмъ ярмаркамъ! Не удержите и вы, паны, головъ своихъ! пропадете въ сырыхъ погребахъ, замурованные въ каменныя стѣны, если васъ, какъ барановъ, не сварятъ всѣхъ живыми въ котлахъ!»

«А вы, хлопцы!» продолжалъ онъ, оборотившись къ своимъ: «кто изъ васъ хочетъ умирать своею смертью? Не по запечьямъ и бабьимъ лежанкамъ, не пьяными подъ заборомъ у шинка, подобно всякой падали, а честной казацкой смертью, всѣмъ на одной постели, какъ женихъ съ невѣстою! Или, можетъ-быть, хотите воротиться домой, да оборотиться въ недовѣрковъ, да

возить на своихъ спинахъ польскихъ ксен-зовъ?»

«За тобою, пане полковнику! за тобою!» вскрикнули всѣ, которые были въ тарасовомъ полку, и къ нимъ перебѣжало не мало другихъ.

«А коли за мною, такъ за мною же!» сказалъ Тарасъ, надвинувъ глубже на голову себѣ шапку, грозно взглянулъ на всѣхъ остававшихся, оправился на конѣ своемъ и крикнулъ своимъ: «Не попрекнетъ же никто насъ обидной рѣчью! А ну, гайда, хлопцы, въ-гости къ католикамъ!» И вслѣдъ за тѣмъ ударилъ онъ по коню и потянулся за нимъ таборъ изъ ста телегъ, и съ ними много было казацкихъ конниковъ и пѣхоты, и оборотясь, грозилъ взоромъ всѣмъ остававшимся, — и гнѣвенъ былъ взоръ его. Никто не посмѣлъ остановить ихъ. Въ виду всего воинства уходилъ полкъ, и долго еще оборачивался Тарасъ и все грозилъ.

Смутны стояли гетманъ и полковники; задумалися всѣ и молчали долго, какъ-будто тѣснимые какимъ-то тяжелымъ предвѣстіемъ. Не даромъ провѣщалъ Тарасъ. Такъ все и сбылось, какъ онъ провѣщалъ. Не много времени спустя

послѣ вѣроломнаго поступка подъ Каневымъ, вздернута была голова гетмана на колъ вмѣстѣ со многими изъ первѣйшихъ сановниковъ.

А что же Тарасъ? А Тарасъ гулялъ по всей Польшѣ съ своимъ полкомъ, выжегъ восьмнадцать мѣстечекъ, близъ сорока костеловъ и уже доходилъ до Кракова. Много избилъ онъ всякой шляхты, разграбилъ богатѣйшіе и лучшіе замки, распечатали и порозливали по землѣ казаки вѣковые меды и вина, сохранно сберегавшіеся въ панскихъ погребахъ; изрубили и пережгли дорогія сукна, одежды и утвари, находимыя въ кладовыхъ. «Ничего не жалѣйте!» повторялъ только Тарасъ. Не уважили казаки чернобровыхъ панянокъ, бѣлогрудыхъ, свѣтлоликихъ дѣвицъ: у самыхъ алтарей не могли спастись онѣ; зажигалъ ихъ Тарасъ вмѣстѣ съ алтарями. Не однѣ бѣлоснѣжныя руки подымались изъ огненнаго пламени къ небесамъ, сопровождаемыя жалкими криками, отъ которыхъ бы подвигнулась самая сырая земля, и степная трава поникла бы отъ жалости долу. Но не внимали ничему жестокіе казаки и, поднимая копьями съ улицъ младенцевъ ихъ, кидали къ нимъ же въ пламя. «Это вамъ, вражьи ляхи, поминки по Остапѣ!» при-

говаривалъ только Тарасъ. И такія поминки по Остапѣ отправлялъ онъ въ каждомъ селеніи, пока польское правительство не увидѣло, что поступки Тараса были побольше, чѣмъ обыкновенное разбойничество, и тому же самому Потоцкому поручено было съ пятью полками поймать непремѣнно Тараса.

Шесть дней уходили казаки проселочными дорогами отъ всѣхъ преслѣдованій; едва выносили кони необыкновенное бѣгство и спасали казаковъ. Но Потоцкій на сей разъ былъ достоинъ возложеннаго порученія: неутомимо преслѣдовалъ онъ ихъ и настигъ на берегу Днѣстра, гдѣ Бульба занялъ для роздыха оставленную развалившуюся крѣпость.

Надъ самой кручей у Днѣстра-рѣки виднѣлась она своимъ оборваннымъ валомъ и своими развалившимися останками стѣнъ. Щебнемъ и разбитымъ кирпичемъ усѣяна была верхушка утеса, готовая всякую минуту сорваться и слетѣть внизъ. Тутъ-то съ двухъ сторонъ прилежащихъ къ полю обступилъ его коронный гетманъ Потоцкій. Четыре дня бились и боролись казаки, отбиваясь кирпичами и каменьями. Но истощились запасы и силы, и рѣшился Тарасъ пробить-

ся сквозь ряды. И пробились-было уже казаки и, можетъ-быть, еще разъ послужили бы имъ вѣрно быстрые кони, какъ вдругъ среди самаго бѣгу остановился Тарасъ и вскрикнулъ: «Стой! выпала люлька съ табакомъ; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьимъ ляхамъ». И нагнулся старый атаманъ и сталъ отыскивать въ травѣ свою люльку съ табакомъ, неотлучную сопутницу на моряхъ, и на сушѣ, и въ походахъ, и дома. А тѣмъ-временемъ набѣжала вдругъ ватага и схватила его подъ могучія плечи. Двинулся-было онъ всѣми членами, но уже не посыпались на землю, какъ бывало прежде, схватившіе его гайдуки. «Эхъ старость, старость!» сказалъ онъ, и заплакалъ дебелый старый казакъ. Но не старость была виною: сила одолѣла силу. Чуть не тридцать человѣкъ повисло у него по рукамъ и по ногамъ. «Попалась ворона!» кричали ляхи. «Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собакѣ, лучшую честь воздать». И присудили, съ гетманскаго разрѣшенья, сжечь его живаго въ виду всѣхъ. Тутъ же стояло голое дерево, вершину котораго разбило громомъ. Притянули его желѣзными цѣпями къ древесному стволу, гвоздемъ прибивши ему руки и приподнявъ

его повыше, чтобы отсюду былъ виденъ казакъ, и принялись тутъ же раскладывать подъ деревомъ костеръ. Но не на костеръ глядѣлъ Тарасъ, не объ огнѣ онъ думалъ, которымъ собирались жечь его; глядѣлъ онъ, сердечный, въ ту сторону, гдѣ отстрѣливались казаки: ему съ высоты все было видно, какъ на ладони. «Занимайте, хлопцы, занимайте скорѣе!» кричалъ онъ: «горку, что̀ за лѣсомъ: туда не подступятъ они!» Но вѣтеръ не донесъ его словъ. «Вотъ пропадутъ, пропадутъ ни за что̀!» говорилъ онъ отчаянно и взглянулъ внизъ, гдѣ сверкалъ Днѣстръ. Радость блеснула въ очахъ его. Онъ увидѣлъ выдвинувшіяся изъ-за кустарника четыре кормы, собралъ всю силу голоса и звучно закричалъ: «Къ берегу! къ берегу, хлопцы! спускайтесь подгорной дорожкой, что̀ налѣво. У берега стоятъ челны, всѣ забирайте, чтобы не было погони».

На этотъ разъ вѣтеръ дунулъ съ другой стороны, и всѣ слова были услышаны казаками. Но за такой совѣтъ достался ему тутъ же ударъ обухомъ по головѣ, который переворотилъ все въ глазахъ его.

Пустились казаки во всю прыть подгорной

дорожкой; а ужъ погоня за плечами. Видятъ: путается и загибается дорожка и много даетъ въсторону извивовъ. «А, товарищи! не куда пошло!» сказали всѣ, остановились на-мигъ, подняли свои нагайки, свиснули — и татарскіе ихъ кони, отдѣлившись отъ земли, распластавшись въ воздухѣ, какъ змѣи, перелетѣли черезъ пропасть и бултыхнули прямо въ Днѣстръ. Двое только не попали въ рѣку, грянулись съ вышины объ каменья и пропали тамъ на-вѣки съ конями, даже не успѣвши издать крику. А казаки уже плыли съ конями въ рѣкѣ и отвязывали чолны. Остановились ляхи надъ пропастью, дивясь неслыханному казацкому дѣлу и думая: прыгать ли имъ или нѣтъ? Одинъ молодой полковникъ, живая, горячая кровь, родной братъ прекрасной полячки, обворожившей бѣднаго Андрія, не подумалъ долго и бросился со всѣхъ силъ съ конемъ за казаками. Перевернулся три раза въ воздухѣ съ конемъ своимъ и прямо грянулся на острые утесы. Въ куски изорвали его острые камни, пропавшаго среди пропасти, и мозгъ его, смѣшавшись съ кровью, обрызгалъ росшіе по неровнымъ стѣнамъ провала кусты.

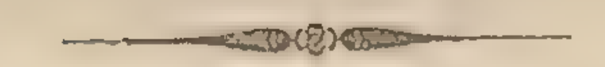
Когда очнулся Тарасъ Бульба отъ удара и

глянулъ на Днѣстръ, уже казаки были на чолнахъ и гребли веслами; пули сыпались на нихъ сверху, но не доставали. И вспыхнули радостныя очи у стараго атамана.

»Прощайте, товарищи!» кричалъ онъ имъ сверху, вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь, да хорошенько погуляйте! Что̀ взяли, чортовы ляхи? думаете есть что-нибудь на свѣтѣ, чего бы побоялся казакъ? Постойте же, придетъ время, будетъ время, узнаете вы, что̀ такое православная русская вѣра! Уже и теперь чуютъ дальніе и близкіе народы: подымется изъ русской земли свой царь, и не будетъ въ мірѣ силы, которая бы не покорилась ему!...» А уже огонь подымался надъ костромъ, захватывалъ его ноги и разостлался пламенемъ по дереву... Да развѣ найдутся на свѣтѣ такіе огни и муки и сила такая, которая бы пересилила русскую силу.

Не малая рѣка Днѣстръ, и много на ней заводьевъ, рѣчныхъ густыхъ камышей, отмелей и глубокодонныхъ мѣстъ, блеститъ рѣчное зеркало, оглашенное звонкимъ ячаньемъ лебедей, и гордый гоголь быстро несется по немъ, и много куликовъ, краснозобыхъ курухтановъ и вся-

кихъ иныхъ птицъ въ тростникахъ и на прибрежьяхъ. Казаки быстро плыли на узкихъ двухрульныхъ челнахъ, дружно гребли веслами, осторожно миновали отмели, вспалашивая подымавшихся птицъ, и говорили про своего атамана.

В І Й.

ВІЙ.*

Какъ только ударялъ въ Кіевѣ поутру довольно звонкій семинарскій колоколъ, висѣвшій у воротъ Братскаго монастыря, то уже со всего города спѣшили толпами школьники и бурсаки.

* Вій — есть колоссальное созданіе простонароднаго воображенія. Такимъ именемъ называется у малороссіянъ начальникъ гномовъ, у котораго вѣки на глазахъ идутъ до самой земли. Вся эта повѣсть есть народное преданіе. Я не хотѣлъ ни въ чемъ измѣнить его и разсказываю почти въ такой же простотѣ, какъ слышалъ.

Грамматики, риторы, философы и богословы съ тетрадями подъ мышкой, брели въ классъ. Грамматики были еще очень малы: идя, толкали другъ друга и бранились между собою самымъ тоненькимъ дискантомъ; они были всѣ почти въ изодранныхъ, или запачканныхъ платьяхъ, и карманы ихъ вѣчно были наполнены всякою дрянью, какъ-то: бабками, свистѣлками, сдѣланными изъ перышекъ, недоѣденнымъ пирогомъ, а иногда даже и маленькими воробышками, изъ которыхъ одинъ, вдругъ чиликнувъ среди необыкновенной тишины въ классѣ, доставлялъ своему патрону порядочныя пали въ обѣ руки, а иногда и вишневыя розги. Риторы шли солиднѣе: платья у нихъ были часто совершенно цѣлы; но за то на лицѣ всегда почти бывало какое-нибудь украшеніе въ видѣ риторическаго тропа: или одинъ глазъ уходилъ подъ самый лобъ, или вмѣсто губы цѣлый пузырь, или какая-нибудь другая примѣта; эти говорили и божились между собою теноромъ. Философы цѣлою октавою брали ниже; въ карманахъ ихъ, кромѣ крѣпкихъ табачныхъ корешковъ, ничего не было; запасовъ они не дѣлали никакихъ и все, что̀ попадалось, съѣдали тогда же; отъ

нихъ слышалась трубка и горѣлка, иногда такъ далеко, что проходившій мимо ремесленникъ долго, остановившись, нюхалъ, какъ гончая собака, воздухъ. Рынокъ въ это время обыкновенно только-что начиналъ шевелиться и торговки съ бубликами, булками, арбузными сѣмечками и маковниками дергали на-подхватъ за полы тѣхъ, у которыхъ полы были изъ тонкаго сукна, или какой-нибудь бумажной матеріи. «Паничи, паничи! сюды, сюды!» говорили онѣ со всѣхъ сторонъ: «ось бублики, маковники, вертычки, буханци хороши! ейбогу, хороши! на меду! сама пекла!» Другая, подиявъ что-то длинное, скрученное изъ тѣста, кричала: «ось сосулька! паничи, купите сосульку!» — «Не покупайте у этой ничего: смотрите, какая она скверная, и носъ нехорошій, и руки нечистыя...» Но философовъ и богослововъ онѣ боялись задѣвать, потому-что философы и богословы всегда любили брать только на-пробу и притомъ цѣлою горстью. По приходѣ въ семинарію, вся толпа размѣщалась по классамъ, находившимся въ низенькихъ, довольно однако же просторныхъ комнатахъ съ небольшими окнами, съ широкими дверьми и запачканными скамьями. Классъ наполнялся вдругъ

разноголосными жужжаніями: авдиторы выслушивали своихъ учениковъ; звонкій дискантъ грамматика попадалъ какъ-разъ въ звонъ стекла, вставленнаго въ маленькія окна, и стекло отвѣчало почти тѣмъ же звукомъ; въ углу гудѣлъ риторъ, котораго ротъ и толстыя губы должны бы принадлежать по-крайней-мѣрѣ философіи. Онъ гудѣлъ басомъ, и только слышно было издали: «бу, бу, бу, бу...» Авдиторы, слушая урокъ, смотрѣли однимъ глазомъ подъ скамью, гдѣ изъ кармана подчиненнаго бурсака выглядывала булка, или вареникъ, или сѣмяна изъ тыквъ. Когда вся эта ученая толпа успѣвала приходить нѣсколько ранѣе, или когда знали, что профессоры будутъ позже обыкновеннаго, тогда, со всеобщаго согласія, замышлялся бой, и въ этомъ бою должны были участвовать всѣ, даже и цензоры, обязанные смотрѣть за порядкомъ и нравственностію всего учащагося сословія. Два богослова обыкновенно рѣшали, какъ происходить битвѣ: каждый ли классъ долженъ стоять за себя особенно, или всѣ должны раздѣлиться на двѣ половины: на бурсу и семинарію. Во всякомъ случаѣ грамматики начинали прежде всѣхъ, и какъ-только вмѣшивались риторы, они уже

бѣжали прочь и становились на возвышеніяхъ наблюдать битву. Потômъ вступала философія съ чорными длинными усами, а наконецъ и богословіе, въ ужасныхъ шараварахъ и съ претолстыми шеями. Обыкновенно оканчивалось тѣмъ, что богословіе побивало всѣхъ, и философія, почесывая бока, была тѣснима въ классъ и помѣщалась отдыхать на скамьяхъ. Профессоръ, входившій въ классъ, и участвовавшій когда-то самъ въ подобныхъ бояхъ, въ одну минуту, по разгорѣвшимся лицамъ своихъ слушателей, узнавалъ, что бой былъ недуренъ, и въ то время, когда онъ сѣкъ розгами по пальцамъ риторику, въ другомъ классѣ другой профессоръ отдѣлывалъ деревянными лопатками по рукамъ философію. Съ богословами же было поступаемо совершенно другимъ образомъ: имъ, по выраженію профессора богословія, отсыпалось по мѣркѣ *крупнаго гороху*, что состояло въ коротенькихъ кожаныхъ канчукахъ.

Въ торжественные дни и праздники, семинаристы и бурсаки отправлялись по домамъ съ вертепами; иногда разыгрывали комедію, и въ такомъ случаѣ всегда отличался какой-нибудь богословъ, ростомъ мало-чѣмъ пониже кіевской

колокольни, представлявшій Іродіаду, или Пентефрію, супругу египетскаго царедворца. Въ награду получали они кусокъ полотна, или мѣшокъ проса, или половину вареннаго гуся и тому подобное. Весь этотъ учоный народъ, какъ семинарія, такъ и бурса, которые питали какую-то наслѣдственную непріязнь между собою, былъ чрезвычайно бѣденъ на средства къ прокормленію и притомъ необыкновенно прожорливъ, такъ-что сосчитать, сколько каждый изъ нихъ уписывалъ за ужиномъ галушекъ, было бы совершенно невозможное дѣло; и потому доброхотныя пожертвованія зажиточныхъ владѣльцевъ не могли быть достаточны. Тогда сенатъ, состоявшій изъ философовъ и богослововъ, отправлялъ грамматиковъ и риторовъ, подъ предводительствомъ одного философа, а иногда присоединялся и самъ, съ мѣшками на плечахъ, опустошать чужіе огороды: и въ бурсѣ появлялась каша изъ тыквъ. Сенаторы столько объѣдались арбузовъ и дынь, что на другой день авдиторы слышали отъ нихъ вмѣсто одного два урока: одинъ происходилъ изъ устъ, другой ворчалъ въ сенаторскомъ желудкѣ. Бурса и семинарія носили какія-то длинныя подобія сюртуковъ, про-

стиравшихся *по сіе время:* слово техническое, означавшеее: далѣе пятокъ.

Самое торжественное для семинаріи событіе было — вакансіи, время съ іюня мѣсяца, когда обыкновенно бурса распускалась по домамъ. Тогда всю большую дорогу усѣявали грамматики, философы и богословы. Кто не имѣлъ своего пріюта, тотъ отправлялся къ кому-нибудь изъ товарищей. Философы и богословы отправлялись *на-кондиціи,* то есть брались учить или приготовлять дѣтей людей зажиточныхъ, и получали за то въ годъ новые сапоги, а иногда и на сюртукъ. Вся ватага эта тянулась вмѣстѣ цѣлымъ таборомъ; варила себѣ кашу и ночевала въ полѣ. Каждый тащилъ за собою мѣшокъ, въ которомъ находилась одна рубашка и пара онучъ. Богословы особенно были бережливы и аккуратны: для того, чтобы не износить сапоговъ, они скидали ихъ, вѣшали на палки и несли на плечахъ, особенно когда была грязь. Тогда они, засучивъ шаравары по колѣна, безстрашно разбрызгивали своими ногами лужи. Какъ-только завидывали въ сторонѣ хуторъ, тотчасъ сворачивали съ большой дороги и, приблизившись къ хатѣ, выстроенной поопрятнѣе другихъ, стано-

вились передъ окнами въ-рядъ и во весь ротъ начинали пѣть кантъ. Хозяинъ хаты, какой-нибудь старый казакъ-поселянинъ, долго ихъ слушалъ, подпершись обѣими руками, потомъ рыдалъ прегорько и говорилъ, обращаясь къ своей женѣ: «жинко! то̀, что̀ поютъ школяры, должно быть очень разумное; вынеси имъ сала и чего-нибудь такого, что̀ у насъ есть!» И цѣлая миска вареников валилась въ мѣшокъ; порядочный кусъ сала, нѣсколько паляницъ, а иногда и связанная курица помѣщалась вмѣстѣ. Подкрѣпившись такимъ запасомъ, грамматики, риторы, философы и богословы опять продолжали путь. Чѣмъ далѣе однако же шли они, тѣмъ болѣе уменьшалась толпа ихъ. Всѣ почти разбродились по домамъ и оставались тѣ, которые имѣли родительскія гнѣзда далѣе другихъ.

Одинъ разъ, во время подобнаго странствованія, три бурсака своротили съ большой дороги въ-сторону съ тѣмъ, чтобы въ первомъ попавшемся хуторѣ запастись провіантомъ, потому-что мѣшокъ у нихъ давно уже былъ пустъ. Это были: богословъ Халява, философъ Хома Брутъ и риторъ Тиберій Горобецъ. Богословъ былъ рослый, плечистый мущина и имѣлъ чрезвычайно

странный нравъ: все, что ни лежало, бывало, возлѣ него, онъ непремѣнно украдетъ. Въ другомъ случаѣ характеръ его былъ чрезвычайно мраченъ, и когда напивался онъ пьянъ, то прятался въ бурьянѣ, и семинаріи стоило большаго труда сыскать его тамъ. Философъ Хома Брутъ былъ нрава веселаго, любилъ очень лежать и курить люльку; если же пилъ, то непремѣнно нанималъ музыкантовъ и отплясывалъ тропака. Онъ часто пробовалъ *крупнаго гороху*, но совершенно съ философическимъ равнодушіемъ, говоря, что чему быть, того не миновать. Риторъ Тиберій Горобецъ еще не имѣлъ права носить усовъ, пить горѣлку и курить люльку. Онъ носилъ только оселедецъ, и потому характеръ его въ то время еще мало развился; но судя по большимъ шишкамъ на лбу, съ которыми онъ часто являлся въ классъ, можно было предположить, что изъ него будетъ хорошій воинъ. Богословъ Халява и философъ Хома часто дирали его за чубъ, въ знакъ своего покровительства, и употребляли въ качествѣ депутата.

Былъ уже вечеръ, когда они своротили съ большой дороги; солнце только-что сѣло, и дневная теплота оставалась еще въ воздухѣ. Бо-

гословъ и философъ шли молча, куря люльки; риторъ Тиберій Горобець сбивалъ палкою головки съ будяковъ, росшихъ по краямъ дороги. Дорога шла между разбросанными группами дубовъ и орѣшника, покрывавшими лугъ; отлогости и небольшія горы, зеленыя и круглыя, какъ куполы, иногда перемежали равнину. Показавшаяся въ двухъ мѣстахъ нива съ вызрѣвавшимъ житомъ давала знать, что скоро должна появиться какая-нибудь деревня. Но уже болѣе часа, какъ они минули хлѣбныя полосы, а между-тѣмъ имъ не попадалось никакого жилья. Сумерки уже совсѣмъ омрачили небо, и только на западѣ блѣднѣлъ остатокъ алаго сіянія.

«Что за чортъ!» сказалъ философъ Хома Брутъ: «сдавалось совершенно, какъ-будто сейчасъ будетъ хуторъ».

Богословъ помолчалъ, поглядѣлъ по окрестностямъ, потомъ опять взялъ въ ротъ свою люльку, и всѣ продолжали путь.

«Ейбогу!» сказалъ опять, остановившись, философъ: «ни чортова кулака не видно».

«А можетъ-быть далѣе и попадется какой-нибудь хуторъ» сказалъ богословъ, не выпуская люльки. Но между-тѣмъ уже была ночь, и ночь

довольно темная; небольшія тучи усилили мрачность и, судя по всѣмъ примѣтамъ, нельзя было ожидать ни звѣздъ, ни мѣсяца. Бурсаки замѣтили, что они сбились съ пути и давно шли не по дорогѣ.

Философъ, пошаривши ногами во всѣ стороны, сказалъ наконецъ отрывисто: «а гдѣ же дорога?» Богословъ помолчалъ и, надумавшись, примолвилъ: «да, ночь темная». Риторъ отошелъ въ-сторону и старался ползкомъ нащупать дорогу, но руки его попадали только въ лисьи норы. Вездѣ была одна степь, по которой, казалось, никто не ѣздилъ. Путешественники еще сдѣлали усиліе пройти нѣсколько впередъ, но вездѣ была та же дичь; философъ попробовалъ перекликнуться, но голосъ его совершенно заглохъ по сторонамъ и не встрѣтилъ никакого отвѣта. Нѣсколько спустя только, послышалось слабое стенаніе, похожее на волчій вой.

«Вишь! что̀ тутъ дѣлать?» сказалъ философъ.

«А что? оставаться и заночевать въ полѣ!» сказалъ богословъ и полѣзъ въ карманъ достать огниво и закурить снова свою люльку; но философъ не могъ согласиться на это; онъ всегда имѣлъ обыкновеніе упрятать на ночь полупудовую

краюху хлѣба и фунта четыре сала, и чувствовалъ на этотъ разъ въ желудкѣ своемъ какое-то несносное одиночество; притомъ, несмотря на веселый нравъ свой, философъ боялся нѣсколько волковъ.

«Нѣтъ, Халява, не можно» сказалъ онъ: «какъ же, не подкрѣпивъ себя ничѣмъ, растянуться и лечь какъ собака? попробуемъ еще: можетъ-быть, набредемъ на какое-нибудь жилье, и хоть чарку горѣлки удастся выпить на ночь».

При словѣ горѣлка, богословъ сплюнулъ на сторону и примолвилъ: «оно конечно, въ полѣ оставаться нечего». Бурсаки пошли впередъ и, къ величайшей радости ихъ, въ отдаленіи почудился лай; прислушавшись, съ которой стороны, они отправились бодрѣе, и немного пройдя, увидѣли огонекъ. «Хуторъ! ейбогу, хуторъ!» сказалъ философъ. Предположенія его не обманули: черезъ нѣсколько времени они увидѣли точно небольшой хуторокъ, состоявшій изъ двухъ только хатъ, находившихся въ одномъ и томъ же дворѣ. Въ окнахъ свѣтился огонь; десятокъ сливныхъ деревъ торчалъ подъ тыномъ. Взглянувши въ сквозныя досчатыя ворота, бурсаки

увидѣли дворъ, установленный чумацкими возами. Звѣзды кое-гдѣ глянули въ это время на небѣ.

«Смотрите же, братцы, не отставать! во что бы то ни было, а добыть почлега!» Три учоные мужа дружно ударили въ ворота и закричали: «отвори!»

Дверь въ одной хатѣ заскрыпѣла и, минуту спустя, бурсаки увидѣли передъ собою старуху въ нагольномъ тулупѣ. «Кто тамъ?» закричала она, глухо кашляя.

«Пусти, бабуся, переночевать; сбились съ дороги; такъ въ полѣ скверно, какъ въ голодномъ брюхѣ».

«А что вы за народъ?»

«Да народъ необидчивый: богословъ Халява, философъ Брутъ и риторъ Горобець».

«Не можно» проворчала старуха: «у меня народу полонъ дворъ и всѣ углы въ хатѣ заняты. Куда я васъ дѣну? да еще все какой рослый и здоровый народъ! Да у меня и хата развалится, когда помѣщу такихъ; я знаю этихъ философовъ и богослововъ: если такихъ пьяницъ начнешь принимать, то и двора скоро не будетъ. Пошли! пошли! тутъ вамъ нѣтъ мѣста».

«Умилосердись, бабуся! какъ же можно, чтобы христіянскія души пропали ни за-что, ни про-что? Гдѣ хочешь помѣсти насъ; и если мы, что-нибудь, какъ-нибудь того, или какое другое что сдѣлаемъ, — то пусть намъ и руки отсохнутъ, и такое будетъ, что Богъ одинъ знаетъ; вотъ что!»

Старуха, казалось, немного смягчилась. «Хорошо» сказала она, какъ бы размышляя: «я впущу васъ; только положу всѣхъ въ разныхъ мѣстахъ: ато у меня не будетъ спокойно на сердцѣ, когда будете лежать вмѣстѣ».

«На то̀ твоя воля; не будемъ прекословить» отвѣчали бурсаки.

Ворота заскрыпѣли, и они вошли во дворъ.

«А что, бабуся, сказалъ философъ, идя за старухой: «если бы такъ, какъ говорятъ... ей-богу, въ животѣ какъ-будто кто колесами сталъ ѣздить: съ самаго утра вотъ хоть бы щепка была во рту».

«Вишь, чего захотѣлъ!» сказала старуха: «нѣтъ, у меня нѣтъ ничего такого, и печь не топилась сегодня».

«А мы бы уже за все это» продолжалъ философъ: «расплатились бы завтра, какъ слѣдуетъ—

чистоганомъ. Да!» продолжалъ онъ тихо: «чорта съ два получишь ты что-нибудь!»

«Ступайте, ступайте! и будьте довольны тѣмъ, что даютъ вамъ; вотъ чортъ принесъ какихъ нѣжныхъ паничей!»

Философъ Хома пришелъ въ совершенное уныніе отъ такихъ словъ; но вдругъ носъ его почувствовалъ запахъ сушоной рыбы; онъ глянулъ на шаравары богослова, шедшаго съ нимъ рядомъ, и увидѣлъ, что изъ кармана его торчалъ преогромный рыбій хвостъ: богословъ уже успѣлъ подтибрить съ воза цѣлаго карася; и такъ-какъ онъ это производилъ не изъ какой-нибудь корысти, но единственно по привычкѣ, и позабывши совершенно о своемъ карасѣ, уже разглядывалъ, что бы такое стянуть другое, не имѣя намѣренія пропустить даже изломаннаго колеса, — то философъ Хома запустилъ руку въ его карманъ, какъ въ свой собственный, и вытащилъ карася. Старуха размѣстила бурсаковъ: ритора положила въ хатѣ, богослова заперла въ пустую комору, философу отвела тоже пустой овечій хлѣвъ.

Философъ, оставшись одинъ, въ одну минуту съѣлъ карася, осмотрѣлъ плетеныя стѣны хлѣ-

ва, толкнулъ ногою въ морду просунувшуюся изъ другаго хлѣва любопытную свинью, и поворотился на правый бокъ, чтобы заснуть мертвецки. Вдругъ низенькая дверь отворилась, и старуха, нагнувшись, вошла въ хлѣвъ. . . . .

«А что, бабуся, чего тебѣ нужно?» сказалъ философъ; но старуха шла прямо къ нему съ распростертыми руками. . . . . . .

«Эге, ге!» подумалъ философъ: «только нѣтъ, голубушка! устарѣла!» Онъ отодвинулся немного подальше, но старуха, безъ церемоніи, опять подошла къ нему.

«Слушай, бабуся!» сказалъ философъ: «теперь постъ; а я такой человѣкъ, что и за тысячу золотыхъ не захочу оскоромиться». Но старуха раздвигала руки и ловила его, не говоря ни слова.

Философу сдѣлалось страшно, особливо когда онъ замѣтилъ, что глаза ея сверкнули какимъ-то необыкновеннымъ блескомъ. «Бабуся! что ты? ступай, ступай себѣ съ Богомъ!» закричалъ онъ. Но старуха не говорила ни слова и схватила его руками.

Онъ вскочилъ на ноги, съ намѣреніемъ бѣжать; но старуха стала въ дверяхъ, вперила

на него сверкающіе глаза и снова начала подходить къ нему.

Философъ хотѣлъ оттолкнуть ее руками, но, къ удивленію, замѣтилъ, что руки его не могутъ приподняться, ноги не двигались, и онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что даже голосъ не звучалъ изъ устъ его: слова безъ звука шевелились на губахъ. Онъ слышалъ только, какъ билось его сердце; онъ видѣлъ, какъ старуха подошла къ нему, сложила ему руки, нагнула ему голову, вскочила съ быстротою кошки къ нему на спину, ударила его метлою по боку, и онъ, подпрыгивая, какъ верховый конь понесъ ее на плечахъ своихъ. Все это случилось такъ быстро, что философъ едва могъ опомниться и схватилъ обѣими руками себя за колѣна, желая удержать ноги; но онѣ, къ величайшему изумленію его, подымались противъ воли и производили скачки быстрѣе черкесскаго бѣгуна. Когда уже минули они хуторъ и передъ ними открылась ровная лощина, а въ сторонѣ потянулся чорный, какъ уголь, лѣсъ, тогда только сказалъ онъ самъ-себѣ: «эге, да это вѣдьма!»

Обращенный мѣсячный серпъ свѣтлѣлъ на небѣ; робкое полночное сіяніе, какъ сквозное по-

крывало, ложилось легко и дымилось по землѣ; лѣса, луга, небо, долины — все, казалось, какъ-будто спало съ открытыми глазами; вѣтеръ хоть бы разъ вспорхнулъ гдѣ-нибудь; въ ночной свѣжести было что-то влажно-теплое; тѣни отъ деревъ и кустовъ, какъ кометы, острыми клинами падали на отлогую равнину: такая была ночь, когда философъ Хома Брутъ скакалъ съ непонятнымъ всадникомъ на спинѣ. Онъ чувствовалъ какое-то томительное, непонятное и вмѣстѣ сладкое чувство, подступавшее къ его сердцу. Онъ опустилъ голову внизъ и видѣлъ, что трава, бывшая почти подъ ногами его, казалось, росла глубоко и далеко, и что сверхъ ея находилась прозрачная, какъ горный ключъ, вода, и трава казалась дномъ какого-то свѣтлаго, прозрачнаго до самой глубины моря; по-крайней-мѣрѣ онъ видѣлъ ясно, какъ онъ отражался въ немъ вмѣстѣ съ сидѣвшею на спинѣ старухою; онъ видѣлъ, какъ вмѣсто мѣсяца свѣтило тамъ какое-то солнце; онъ слышалъ, какъ голубые колокольчики, наклоняя свои головки, звенѣли; онъ видѣлъ, какъ изъ-за осоки выплывала русалка, мелькала спина и нога выпуклая, упругая, вся созданная изъ блеска и трепета. Она оборота-

лась къ нему — и вотъ ея лицо, съ глазами свѣтлыми, сверкающими, острыми, съ пѣньемъ, вторгавшимся въ душу, уже приближалось къ нему, уже было на поверхности и, задрожавъ сверкающимъ смѣхомъ, удалялось — и вотъ она опрокинулась на спину — и облачныя перси ея, матовыя, какъ фарфоръ не покрытый глазурью, просвѣчивали передъ солнцемъ по краямъ своей бѣлой, эластически-нѣжной окружности. Вода въ видѣ маленькихъ пузырьковъ, какъ бисеръ, осыпала ихъ; она вся дрожитъ и смѣется въ водѣ....

Видитъ ли онъ это, или не видитъ? Наяву ли это, или снится? Но тамъ что? вѣтеръ, или музыка: звенитъ, звенитъ и вьется, и подступаетъ и вонзается въ душу какою-то нестерпимою трелію....

«Что̀ это?» думалъ философъ Хома Брутъ, глядя внизъ, несясь во всю прыть. Потъ катился съ него градомъ; онъ чувствовалъ бѣсовски-сладкое чувство, онъ чувствовалъ какое-то пронзающее, какое-то томительно-страшное наслажденіе; ему часто казалось, какъ-будто сердца уже вовсе не было у него, и онъ со страхомъ хватался за него рукою. Изнеможенный, растерянный, онъ началъ припоминать всѣ, какія толь-

ко зналъ, молитвы; онъ перебиралъ всѣ заклятія противъ духовъ и вдругъ почувствовалъ какое-то освѣженіе; чувствовалъ, что шагъ его начиналъ становиться лѣнивѣе, вѣдьма какъ-то слабѣе держалась на спинѣ его; густая трава касалась его, и уже онъ не видѣлъ въ ней ничего необыкновеннаго; свѣтлый серпъ свѣтилъ на небѣ.

«Хорошо же!» подумалъ про-себя философъ Хома и началъ почти вслухъ произносить заклятія. Наконецъ, съ быстротою молніи выпрыгнулъ изъ-подъ старухи и вскочилъ въ свою очередь къ ней на спину. Старуха мелкимъ дробнымъ шагомъ побѣжала такъ быстро, что всадникъ едва могъ переводить духъ свой. Земля чуть мелькала подъ нимъ; все было ясно при мѣсячномъ, хотя и неполномъ свѣтѣ; долины были гладки, но все отъ быстроты мелькало неясно и сбивчиво въ его глазахъ. Онъ схватилъ лежавшее на дорогѣ полѣно и началъ имъ изо всѣхъ силъ колотить старуху. Дикіе вопли издала она; сначала были они сердиты и угрожающи, потòмъ становились слабѣе, пріятнѣе, чище, и потòмъ уже тихо, едва звенѣли, какъ тонкіе серебряные колокольчики, и заронялись ему въ ду-

шу; и невольно мелькнула въ головѣ мысль: точно ли это старуха? «Охъ, не могу больше!» произнесла она въ изнеможеніи, и упала на землю. Онъ сталъ на ноги и посмотрѣлъ ей въ очи: разсвѣтъ загорался и блестѣли золотыя главы вдали кіевскихъ церквей. Передъ нимъ лежала красавица съ растрепанною роскошною косою, съ длинными, какъ стрѣлы, рѣсницами. Безчувственно отбросила она на обѣ стороны бѣлыя, нагія руки и стонала, возведя кверху очи, полныя слезъ. Затрепеталъ, какъ древесный листъ, Хома; жалость и какое-то странное волненіе и робость, невѣдомыя ему самому, овладѣли имъ; онъ пустился бѣжать во весь духъ. Дорогой билось безпокойно его сердце, и никакъ не могъ онъ истолковать себѣ, что за странное, новое чувство имъ овладѣло. Онъ уже не хотѣлъ болѣе итти на хутора и спѣшилъ въ Кіевъ, раздумывая всю дорогу о такомъ непонятномъ происшествіи. Бурсаковъ почти никого не было въ городѣ: всѣ разбрелись по хуторамъ, или на кондиціи, или просто безъ всякихъ кондицій; потому-что по хуторамъ малороссійскимъ можно ѣсть галушки, сыръ, смѣтану и вареники величиною въ шляпу, не заплативъ гроша денегъ.

Большая, разъѣхавшаяся хата, въ которой помѣщалась бурса, была рѣшительно пуста, и сколько философъ ни шарилъ во всѣхъ углахъ и даже ощупалъ всѣ дыры и западни въ крышѣ, но нигдѣ не отыскалъ ни куска сала, или по-крайней-мѣрѣ стараго книша, что̀ по обыкновенію, запрятываемо было̀ бурсаками. Однако же философъ скоро сыскался, какъ поправить свое горе: онъ прошелъ, посвистывая, раза три по рынку, перемигнулся на самомъ концѣ съ какою-то молодою вдовою въ жолтомъ очипкѣ, продававшею ленты, ружейную дробь и колеса — и былъ въ тотъ же день накормленъ пшеничными варениками, курицею.... и словомъ перечесть нельзя, что̀ у него было за столомъ, накрытымъ въ маленькомъ, глиняномъ домикѣ, среди вишневаго садика. Въ тотъ же самый вечеръ видѣли философа въ корчмѣ: онъ лежалъ на лавкѣ покуривая, по обыкновенію своему, люльку, и при всѣхъ бросилъ жиду-корчмарю ползолотой; передъ нимъ стояла кружка; онъ глядѣлъ на приходившихъ и уходившихъ хладнокровно-довольными глазами и вовсе уже не думалъ о своемъ необыкновенномъ происшествіи.

═

Между-тѣмъ распространились вездѣ слухи, что дочь одного изъ богатѣйшихъ сотниковъ, котораго хуторъ находился въ пятидесяти верстахъ отъ Кіева, возвратилась въ одинъ день съ прогулки вся избитая, едва имѣвшая силы добресть до отцовскаго дома, находится при смерти, и передъ смертнымъ часомъ изъявила желаніе, чтобы отходную по ней и молитвы въ продолженіе трехъ дней послѣ смерти читалъ одинъ изъ кіевскихъ семинаристовъ: Хома Брутъ. Объ этомъ философъ узналъ отъ самого ректора, который нарочно призывалъ его въ свою комнату и объявилъ, чтобы онъ безъ всякаго отлагательства, спѣшилъ въ дорогу, что именитый сотникъ прислалъ за нимъ нарочно людей и возокъ.

Философъ вздрогнулъ по какому-то безотчетному чувству, котораго онъ самъ не могъ растолковать себѣ. Темное предчувствіе говорило ему, что ждетъ его что-то недоброе. Самъ не зная почему, объявилъ онъ напрямикъ, что не поѣдетъ.

«Послушай, domine Хома!» сказалъ ректоръ (онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ объяснялся очень вѣжливо съ своими подчиненными) «тебя ника-

кой чортъ и не спрашиваетъ о томъ, хочешь ли ты ѣхать, или не хочешь. Я тебѣ скажу только то̀, что если ты еще будешь показывать свою рысь, да мудрствовать, то прикажу тебя по спинѣ и по прочему такъ отстегать молодымъ березнякомъ, что и въ баню не нужно будетъ ходить».

Философъ, почесывая слегка за ухомъ, вышелъ, не говоря ни слова, располагая при первомъ удобномъ случаѣ возложить надежду на свои ноги. Въ-раздумьи сходилъ онъ съ крутой лѣстницы, приводившей на дворъ, обсаженный тополями, и на минуту остановился, услышавши довольно явственно голосъ ректора, дававшаго приказанія своему ключнику и еще кому-то, вѣроятно, одному изъ посланныхъ за нимъ отъ сотника.

«Благодари пана за крупу и яйца» говорилъ ректоръ: «и скажи, что какъ-только будутъ готовы тѣ книги, о которыхъ онъ пишетъ, то я тотчасъ пришлю; я отдалъ ихъ уже переписывать писцу. Да не забудь, мой голубе, прибавить пану, что на хуторѣ у нихъ, я знаю, водится хорошая рыба и особенно осетрина, то при-случаѣ прислалъ бы: здѣсь на базарахъ и

не хороша и дорога; а ты, Явтухъ, дай молодцамъ по чаркѣ горѣлки; да философа привязать, а не то какъ-разъ удеретъ».

«Вишь, чортовъ сынъ!» подумалъ про-себя философъ: «пронюхалъ, длинноногій вьюнъ!»

Онъ сошелъ внизъ и увидѣлъ кибитку, которую принялъ-было сначала за хлѣбный овинъ на колесахъ; въ-самомъ-дѣлѣ она была такъ же глубока, какъ печь, въ которой обжигаютъ кирпичи; это былъ обыкновенный краковскій экипажъ, въ какомъ жиды полсотнею отправляются вмѣстѣ съ товарами во всѣ города, гдѣ только слышитъ ихъ носъ ярмарку. Его ожидало человѣкъ шесть здоровыхъ и крѣпкихъ казаковъ, уже нѣсколько пожилыхъ. Свитки изъ тонкаго сукна съ кистями показывали, что они принадлежали довольно значительному и богатому владѣльцу; небольшіе рубцы говорили, что они бывали когда-то на войнѣ не безъ славы.

«Что̀ жъ дѣлать? Чему быть, тому не миновать!» подумалъ про-себя философъ и, обратившись къ казакамъ, произнесъ громко: «здравствуйте, братья-товарищи!»

«Будь здоровъ, панъ философъ!» отвѣчали нѣкоторые изъ казаковъ.

«Такъ вотъ это мнѣ приходится сидѣть вмѣстѣ съ вами? А брика знатная!» продолжалъ онъ, влѣзая: «тутъ бы, только нанять музыкантовъ, то и танцовать можно». . . . .

«Да, соразмѣрный экипажъ!» сказалъ одинъ изъ казаковъ, садясь на облучокъ самъ-другъ съ кучеромъ, завязавшимъ голову тряпицею, вмѣсто шапки, которую онъ успѣлъ оставить въ шинкѣ. Другіе пять вмѣстѣ съ философомъ полѣзли въ углубленіе и расположились на мѣшкахъ, наполненныхъ разною закупкою, сдѣланною въ городѣ.

«Любопытно бы знать» сказалъ философъ: «если бы, примѣромъ, эту брику нагрузить какимъ-нибудь товаромъ, положимъ: солью, или желѣзными клинами, сколько потребовалось бы тогда коней?»

«Да» сказалъ, помолчавъ, сидѣвшій на облучкѣ казакъ: «достаточное бы число потребовалось коней». Послѣ такого удовлетворительнаго отвѣта казакъ почиталъ себя вправѣ молчать во всю дорогу.

Философу чрезвычайно хотѣлось узнать обстоятельнѣе: кто таковъ былъ этотъ сотникъ, каковъ его нравъ, что̀ слышно о его дочкѣ, кото-

рая такимъ необыкновеннымъ образомъ возвратилась домой и находилась при смерти, и которой исторія связалась теперь съ его собственною, какъ у нихъ и что̀ дѣлается въ домѣ? Онъ обращался къ нимъ съ вопросами; но казаки вѣрно были тоже философы, потому-что въ отвѣтъ на это молчали и курили люльки, лежа на мѣшкахъ. Одинъ только изъ нихъ обратился къ сидѣвшему на ко̀злахъ возницѣ съ коротенькимъ приказаніемъ: «смотри, Оверко, ты старый разиня, какъ будешь подъѣзжать къ шинку, что на чухрайловской дорогѣ, то не позабудь остановиться и разбудить меня и другихъ молодцовъ, если кому случится заснуть». Послѣ этого онъ заснулъ довольно громко. Впрочемъ эти наставленія были совершенно напрасны, потому-что едва только приблизилась исполинская брика къ шинку на чухрайловской дорогѣ, какъ всѣ въ одинъ голосъ закричали: «стой!» Притомъ лошади Оверка были такъ уже пріучены, что останавливались сами передъ каждымъ шинкомъ. Не-смотря на жаркій іюльскій день, всѣ вышли изъ брики, отправились въ низенькую, запачканную комнату, гдѣ жидъ-корчмарь, съ знаками радости, бросился принимать своихъ ста-

рыхъ знакомыхъ. Жидъ принесъ подъ полою нѣсколько колбасъ изъ свинины и, положивши на столъ, тотчасъ отворотился отъ этого запрещеннаго талмудомъ плода. Всѣ усѣлись вокругъ стола; глиняныя кружки показались предъ каждымъ изъ гостей; философъ Хома долженъ былъ участвовать въ общей пирушкѣ. И такъ-какъ малороссіяне, когда подгуляютъ, непремѣнно начнутъ цаловаться, или плакать, то скоро вся изба наполнилась лобызаніями. «А ну, Спиридъ, почеломкаемся! Иди сюда, Дорошъ, я обниму тебя!» . . . .

Одинъ казакъ, бывшій постарѣе всѣхъ другихъ, съ сѣдыми усами, подставивши руку подъ щеку, началъ рыдать отъ души, о томъ, что у него нѣтъ ни отца, ни матери и что онъ остался одинимъ-одинъ на свѣтѣ. Другой былъ большой резонеръ и безпрестанно утѣшалъ его, говоря: «не плачь, ейбогу, не плачь! что жъ тутъ.... ужъ Богъ знаетъ какъ и что̀ такое». Одинъ, по имени Дорошъ, сдѣлался чрезвычайно любопытенъ и, оборотившись къ философу Хомѣ, безпрестанно спрашивалъ его:

«Я хотѣлъ бы знать, чему у васъ въ бурсѣ

учатъ: тому ли самому, что̀ и дьякъ читаетъ въ церкви, или чему другому?»

«Не спрашивай!» говорилъ протяжно резонеръ: «пусть его тамъ будетъ, какъ было. Богъ уже знаетъ, какъ нужно; Богъ все знаетъ».

«Нѣтъ, я хочу знать» говорилъ Доропгъ: «что̀ тамъ написано въ тѣхъ книжкахъ; можетъ-быть, совсѣмъ другое, чѣмъ у дьяка».

«О Боже мой, Боже мой!» говорилъ этотъ почтенный наставникъ: «и на что̀ такое говорить? такъ уже воля божія положила; уже что̀ Богъ далъ, того не можно перемѣнить».

«Я хочу знать все, что̀ ни написано; я пойду въ бурсу, ейбогу, пойду! Что ты думаешь, я не выучусь? — Всему выучусь, всему!»

«О Боже жъ мой, Боже мой!...» говорилъ утѣшитель и спустилъ свою голову на столъ, потому-что совершенно былъ не въ силахъ держать ее долѣе на плечахъ. Прочіе казаки толковали о панахъ и о томъ, отчего на небѣ свѣтитъ мѣсяцъ.

Философъ Хома, увидя такое расположеніе головъ, рѣшился воспользоваться и улизнуть. Онъ сначала обратился къ сѣдовласому казаку, грустившему объ отцѣ и матери: «что жъ ты, дядько,

расплакался?» сказалъ онъ: «я самъ сирота! отпустите меня, ребята, на волю! на что я вамъ?»

«Пустимъ его на волю!» отозвались нѣкоторые: «вѣдь онъ сирота; пусть себѣ идетъ, куда хочетъ».

«О Боже жъ мой, Боже мой!» произнесъ утѣшитель, поднявъ свою голову: «отпустите его! пусть идетъ себѣ!»

И казаки уже хотѣли сами вывесть его въ чистое поле, но тотъ, который показалъ свое любопытство, остановилъ ихъ, сказавши: «не трогайте; я хочу съ нимъ поговорить о бурсѣ; я самъ пойду въ бурсу....» Впрочемъ врядъ-ли бы этотъ побѣгъ могъ совершиться, потому-что когда философъ вздумалъ подняться изъ-за стола, то ноги его сдѣлались какъ-будто деревянными и дверей въ комнатѣ начало представляться ему такое множество, что врядъ ли бы онъ отыскалъ настоящую.

Только ввечеру вся эта компанія вспомнила, что нужно отправиться далѣе въ дорогу. Взмостившись въ брику, они потянулись, погоняя лошадей и напѣвая пѣсню, которой слова и смыслъ врядъ-ли бы кто разобралъ. Проколесивши большую половину ночи, безпрестанно сбиваясь

съ дороги, выученной наизусть, они наконецъ спустились съ крутой горы въ долину, и философъ замѣтилъ по сторонамъ тянувшійся частоколъ, или плетень, съ низенькими деревьями и выказывавшимися изъ-за нихъ крышами. Это было большое селеніе, принадлежавшее сотнику. Уже было далеко за полночь; небеса были темны и маленькія звѣздочки мелькали кое-гдѣ; ни въ одной хатѣ не видно было огня. Они въѣхали, въ сопровожденіи собачьяго лая, во дворъ. Съ обѣихъ сторонъ были замѣтны крытые соломою сараи и домики; одинъ изъ нихъ, находившійся какъ-разъ по срединѣ противъ воротъ, былъ болѣе другихъ и служилъ, какъ казалось, пребываніемъ сотника. Брика остановилась передъ небольшимъ подобіемъ сарая и путешественники наши отправились спать. Философъ хотѣлъ однако же нѣсколько осмотрѣть снаружи панскіе хоромы; но какъ онъ ни пялилъ свои глаза, ничто не могло означиться въ ясномъ видѣ: вмѣсто дома представлялся ему медвѣдь; изъ трубы дѣлался ректоръ. Философъ махнулъ рукою и пошелъ спать.

Когда проснулся философъ, то весь домъ былъ въ движеніи: въ ночь умерла панночка. Слуги

бѣгали въ-попыхахъ взадъ и впередъ; старухи нѣкоторыя плакали; толпа любопытныхъ глядѣла сквозь заборъ на панскій дворъ, какъ-будто бы могла что-нибудь увидѣть. Философъ началъ на-досугѣ осматривать тѣ мѣста, которыя онъ не могъ разглядѣть ночью. Панскій домъ былъ низенькое небольшое строеніе, какія обыкновенно строились въ старину въ Малороссіи; онъ былъ покрытъ соломою; маленькій, острый и высокій фронтонъ съ окошкомъ, похожимъ на поднятый къ верху глазъ, былъ весь измалеванъ голубыми и жолтыми цвѣтами и красными полумѣсяцами; онъ былъ утвержденъ на дубовыхъ столбикахъ, до половины круглыхъ, и снизу шести-гранныхъ, съ вычурною обточкою вверху. Подъ этимъ фронтономъ находилось небольшое крылечко со скамейками по обѣимъ сторонамъ. Съ боковъ дома были навѣсы на такихъ же столбикахъ, инде витыхъ. Высокая груша съ пирамидальною верхушкою и трепещущими листьями зеленѣла передъ домомъ. Нѣсколько амбаровъ въ два ряда стояло среди двора, образуя родъ широкой улицы, ведшей къ дому. За амбарами, къ самымъ воротамъ, стояли треугольниками два погреба, одинъ напротивъ другаго, крытые также соло-

мою; треугольная стѣна каждаго изъ нихъ была снабжена низенькою дверью и размалевана разными изображеніями: на одной изъ нихъ нарисованъ былъ сидящій на бочкѣ казакъ, державшій надъ головою кружку съ надписью: «все выпью». На другомъ фляжка, сулеи и по сторонамъ, для красоты, лошадь, стоящая вверхъ ногами, трубка, бубны и надпись: «вино казацкая потѣха». Съ чердака одного изъ сараевъ выглядывалъ, сквозь огромное слуховое окно, барабанъ и мѣдныя трубы. У воротъ стояли двѣ пушки. Все показывало, что хозяинъ дома любилъ повеселиться и дворъ часто оглашали пиршественные клики. За воротами находились двѣ вѣтряныя мельницы. Позади дома шли сады и сквозь верхушки деревъ видны были однѣ только темныя шляпки трубъ, скрывавшихся въ зеленой гущѣ хатъ. Все селеніе помѣщалось на широкомъ и ровномъ уступѣ горы. Съ сѣверной стороны все заслоняла крутая гора и подошвою своею оканчивалась у самаго двора; при взглядѣ на нее снизу она казалась еще круче, и на высокой верхушкѣ ея торчали кое-гдѣ неправильные стебли тощаго бурьяна и чернѣли на свѣтломъ небѣ; обнаженный глинистый видъ ея на-

вѣвалъ какое-то уныніе; она была вся изрыта дождевыми промоинами и проточинами. На крутомъ косогорѣ ея въ двухъ мѣстахъ торчали двѣ хаты; надъ одною изъ нихъ раскидывала вѣтви широкая яблоня, подпертая у корня небольшими кольями съ насыпною землей. Яблоки, сбиваемые вѣтромъ, скатывались въ самый панскій дворъ. Съ вершины вилась по всей горѣ дорога и, опустившись, шла мимо двора въ селенье. Когда философъ измѣрилъ страшную круть ея и вспомнилъ вчерашнее путешествіе, то рѣшилъ, что или у пана были слишкомъ умныя лошади, или у казаковъ слишкомъ крѣпкія головы, когда и въ хмѣльномъ чаду умѣли не полетѣть вверхъ ногами вмѣстѣ съ неизмѣримой брикою и багажемъ. Философъ стоялъ на высшемъ въ дворѣ мѣстѣ, и когда оборотился и глянулъ въ противоположную сторону, ему представился совершенно другой видъ: селеніе вмѣстѣ съ отлогостью скатывалось на равнину; необозримые луга открывались на далекое пространство; яркая зелень ихъ темнѣла по мѣрѣ отдаленія и цѣлые ряды селеній синѣли вдали, хотя разстояніе ихъ было болѣе, нежели на двадцать верстъ. Съ правой стороны этихъ луговъ тянулись горы, и чуть

замѣтною вдали полосою горѣлъ и темнѣлъ Днѣпръ. «Эхъ, славное мѣсто!» сказалъ философъ: «вотъ тутъ бы жить, ловить рыбу въ Днѣпрѣ и въ прудахъ, охотиться съ тенетами или съ ружьемъ за стрепетами и крольшнепами; впрочемъ, я думаю, и дрофъ не мало въ этихъ лугахъ. Фруктовъ же можно насушить и продать въ городъ множество, или, еще лучше, выкурить изъ нихъ водку; потому-что водка изъ фруктовъ ни съ какимъ пѣнникомъ не сравнится. Да не мѣшаетъ подумать и о томъ, какъ-бы улизнуть отсюда». Онъ примѣтилъ за плетнемъ маленькую дорожку, совершенно закрытую разросшимся бурьяномъ; поставилъ машинально на нее ногу, думая напередъ только прогуляться, а потòмъ тихомолкомъ, промежъ хатъ, да и махнуть въ поле, какъ внезапно почувствовалъ на своемъ плечѣ довольно крѣпкую руку.

Позади его стоялъ тотъ самый старый казакъ, который вчера такъ горько соболѣзновалъ о смерти отца и матери и о своемъ одиночествѣ.

«Напрасно ты думаешь, панъ философъ, улепетнуть изъ хутора!» говорилъ онъ: «тутъ не такое заведеніе, чтобы можно было убѣжать; да и дороги для пѣшехода плохи; а ступай лучше

къ пану: онъ ожидаетъ тебя давно въ свѣтлицѣ».

«Пойдемъ! что жъ... я съ удовольствіемъ» сказалъ философъ и отправился вслѣдъ за казакомъ.

Сотникъ, уже престарѣлый, съ сѣдыми усами и съ выраженіемъ мрачной грусти, сидѣлъ передъ столомъ въ свѣтлицѣ, подперши обѣими руками голову. Ему было около пятидесяти лѣтъ; но глубокое уныніе на лицѣ и какой-то блѣдно-тощій цвѣтъ показывали, что душа его была убита и разрушена вдругъ въ одну минуту, и вся прежняя веселость и шумная жизнь исчезли на-вѣки. Когда взошелъ Хома вмѣстѣ съ старымъ казакомъ, онъ отнялъ одну руку и слегка кивнулъ головою на низкій ихъ поклонъ.

Хома и казакъ почтительно остановились у дверей.

«Кто ты, и откуда, и какого званія, добрый человѣкъ?» сказалъ сотникъ ни ласково, ни сурово.

«Изъ бурсаковъ, философъ Хома Брутъ».

«А кто былъ твой отецъ?»

«Не знаю, вельможный панъ».

«А мать твоя?»

«И матери не знаю. По здравому разсужденію, конечно, была мать; но кто она и откуда, и когда жила — ейбогу, добродію, не знаю».

Сотникъ помолчалъ и, казалось, минуту оставался въ задумчивости.

«Какъ же ты познакомился съ моею дочкою?»

«Не знакомился, вельможный панъ, ейбогу, не знакомился! Еще никакого дѣла съ панночками не имѣлъ, сколько ни живу на свѣтѣ. Цуръ имъ, чтобы не сказать непристойнаго».

«Отчего же она не другому кому, а тебѣ именно назначила читать?»

Философъ пожалъ плечами: «Богъ его знаетъ, какъ это растолковать; извѣстное уже дѣло, что панамъ подъ-часъ захочется такого, что и самый наиграмотнѣйшій человѣкъ не разберетъ; и пословица говоритъ: — скачи, враже, якъ панъ каже».

«Да не врешь ли ты, панъ философъ?»

«Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ пусть громомъ такъ и хлопнетъ, если лгу».

«Если бы только минуточкой долѣе прожила ты» грустно сказалъ сотникъ: «то вѣрно бы я узналъ все. — Никому не давай читать по мнѣ, но пошли, тату, сей же часъ въ кіевскую семи-

нарію и привези бурсака Хому Брута; пусть три ночи молится по грѣшной душѣ моей. Онъ знаетъ.... А что̀ такое знаетъ, я уже не услышалъ: она, голубонька, только и могла сказать и умерла. Ты, добрый человѣкъ, вѣрно извѣстенъ святою жизнію своею и богоугодными дѣлами и она, можетъ-быть, наслышалась о тебѣ».

«Кто? я?» сказалъ бурсакъ, отступивши отъ изумленія: «я святой жизни?» произнесъ онъ, посмотрѣвъ прямо въ глаза сотнику: «Богъ съ вами, панъ! Что̀ вы это говорите! да я, хоть оно непристойно сказать, ходилъ къ булочницѣ противъ самаго страстнаго четверга».

«Ну.... вѣрно уже недаромъ такъ назначено. Ты долженъ съ сего же дня начать свое дѣло».

«Я бы сказалъ на это вашей милости... оно, конечно, всякій человѣкъ, вразумленный Святому Писанію, можетъ по соразмѣрности.... только сюда приличнѣе бы требовалось дьякона, или по-крайней-мѣрѣ дьячка. Они народъ толковый и знаютъ, какъ все это уже дѣлается; а я.... Да у меня и голосъ не такой, и самъ я—чортъ знаетъ что̀. Никакого виду съ меня нѣтъ».

«Ужъ какъ ты себѣ хочешь, только я все, что̀ завѣщала мнѣ моя голубка, исполню, ниче-

го не пожалѣя. И когда ты съ сего дня три ночи совершишь, какъ слѣдуетъ, надъ нею молитвы, то я награжу тебя; а не то̀ — и самому чорту не совѣтую разсердить меня».

Послѣднія слова произнесены были сотникомъ такъ крѣпко, что философъ понялъ вполнѣ ихъ значеніе.

«Ступай за мною!» сказалъ сотникъ.

Они вышли въ сѣни. Сотникъ отворилъ дверь въ другую свѣтлицу, бывшую насупротивъ первой. Философъ остановился на минуту въ сѣняхъ высморкаться и съ какимъ-то безотчетнымъ страхомъ переступилъ черезъ порогъ. Весь полъ былъ устланъ красною китайкой. Въ углу, подъ образами, на высокомъ столѣ лежало тѣло умершей, на одѣялѣ, изъ синяго бархату, убранномъ золотою бахрамою и кистями. Высокія восковыя свѣчи, увитыя калиною, стояли въ-ногахъ и въ-головахъ, изливая свой мутный, терявшійся въ дневномъ сіяніи, свѣтъ. Лицо умершей было заслонено отъ него неутѣшнымъ отцомъ, который сидѣлъ передъ нею, обратясь спиною къ дверямъ. Философа поразили слова, которыя онъ услышалъ:

«Я не о томъ жалѣю, моя наймилѣйшая мнѣ

дочь, что ты во цвѣтѣ лѣтъ своихъ, не доживъ положеннаго вѣку, на печаль и горесть мнѣ оставила землю; я о томъ жалѣю, моя голубонька, что не знаю того, кто былъ, лютый врагъ мой, причиною твоей смерти. И если бы я зналъ, кто могъ подумать только оскорбить тебя, или хоть бы сказалъ что-нибудь непріятное о тебѣ, то, клянусь Богомъ, не увидѣлъ бы онъ больше своихъ дѣтей, если только онъ также старъ, какъ и я, ни своего отца и матери, если только онъ еще на порѣ лѣтъ, и тѣло его было бы выброшено на съѣденіе птицамъ и звѣрямъ степнымъ. Но горе мнѣ, моя полевая нагидочка, моя перепеличка, моя ясочка, что проживу я остальной вѣкъ свой безъ потѣхи, утирая полою дробныя слезы, текущія изъ старыхъ очей моихъ, тогда-какъ врагъ мой будетъ веселиться и въ тайнѣ посмѣваться надъ хилымъ старцемъ...» Онъ остановился, и причиною этого была разрывающая горесть, разрѣшившаяся цѣлымъ потокомъ слезъ.

Философъ былъ тронутъ такою безутѣшною печалію; онъ закашлялъ и издалъ глухое крехтаніе, желая очистить имъ свой голосъ.

Сотникъ оборотился и указалъ ему мѣсто въ-

головахъ умершей, передъ небольшимъ налоемъ, на которомъ лежали книги.

«Три ночи какъ-нибудь отработаю» подумалъ философъ: «за то́ панъ набьетъ мнѣ оба кармана чистыми червонцами». Онъ приблизился, и еще разъ откашлявшись, принялся читать, не обращая никакого вниманія на-сторону и не рѣшаясь взглянуть въ лицо умершей. Глубокая тишина воцарилась. Онъ замѣтилъ, что сотникъ вышелъ. Медленно поворотилъ онъ голову, чтобы взглянуть на умершую и...

Трепетъ пробѣжалъ по его жиламъ: передъ нимъ лежала красавица, какая когда-либо бывала на землѣ. Казалось, никогда еще черты лица не были образованы въ такой рѣзкой и вмѣстѣ гармонической красотѣ. Она лежала, какъ живая; чело прекрасное, нѣжное, какъ снѣгъ, какъ серебро, казалось, мыслило; брови — ночь среди солнечнаго дня, тонкія, ровныя, горделиво приподнялись надъ закрытыми глазами, а рѣсницы, упавшія стрѣлами на щеки, пылавшія жаромъ тайныхъ желаній, уста — рубины, готовые усмѣхнуться... Но въ нихъ же, въ тѣхъ же самыхъ чертахъ, онъ видѣлъ что-то страшно-пронзительное. Онъ чувствовалъ, что душа

его начинала какъ-то болѣзненно ныть, какъ-будто бы вдругъ среди вихря веселья и закружившейся толпы запѣлъ кто-нибудь пѣсню похоронную. Рубины устъ ея, казалось, прикипали кровію къ самому сердцу. Вдругъ что-то страшно-знакомое показалось въ лицѣ ея. «Вѣдьма!» вскрикнулъ онъ не своимъ голосомъ, отвелъ глаза въ сторону, поблѣднѣлъ весь и сталъ читать свои молитвы. — Это была та самая вѣдьма, которую убилъ онъ.

Когда солнце стало садиться, мертвую понесли въ церковь. Философъ однимъ плечомъ своимъ поддерживалъ чорный траурный гробъ и чувствовалъ на плечѣ своемъ что-то холодное, какъ ледъ. Сотникъ самъ шелъ впереди, неся рукою правую сторону тѣснаго дома умершей. Церковь деревянная, почернѣвшая, убранная зеленымъ мохомъ, съ тремя конусообразными куполами, уныло стояла почти на краю села. Замѣтно было, что въ ней давно уже не отправлялось никакого служенія. Свѣчи были зажжены почти передъ каждымъ образомъ. Гробъ поставили посерединѣ противъ самаго алтаря. Старый сотникъ поцаловалъ еще разъ умершую, повергнулся ницъ и вышелъ вмѣстѣ съ носиль-

щиками вонъ, давъ повелѣніе хорошенько накормить философа и послѣ ужина проводить его въ церковь. Пришедши въ кухню, всѣ, несшіе гробъ, начали прикладывать руки къ печкѣ, что̀ обыкновенно дѣлаютъ малороссіяне, увидѣвши мертвеца.

Голодъ, который въ это время началъ чувствовать философъ, заставилъ его на нѣсколько минутъ позабыть вовсе объ умершей. Скоро вся дворня мало-по-малу начала сходиться въ кухню. Кухня въ сотниковомъ домѣ была чѣмъ-то похожимъ на клубъ, куда стекалось все, что̀ ни обитало во дворѣ, считая въ томъ числѣ и собакъ, приходившихъ съ машущими хвостами къ самымъ дверямъ за костьми и помоями. Куда бы кто ни былъ посылаемъ, и по какой бы то ни было надобности, онъ всегда прежде заходилъ на кухню, чтобы отдохнуть хоть минуту на лавкѣ и выкурить люльку. Всѣ холостяки, жившіе въ домѣ, щеголявшіе въ казацкихъ свиткахъ, лежали здѣсь почти цѣлый день на лавкѣ, подъ лавкою, на печкѣ, однимъ словомъ, гдѣ только можно было сыскать удобное мѣсто для леганья. Притомъ всякій вѣчно позабывалъ въ кухнѣ или шапку, или кнутъ отъ чужихъ собакъ, или что-

нибудь подобное. Но самое многочисленное собраніе бывало во время ужина, когда приходилъ и табунщикъ, успѣвшій загнать своихъ лошадей въ загонъ, и погонщикъ, приводившій коровъ для дойки, и всѣ тѣ, которыхъ въ теченіе дня нельзя было увидѣть. За ужиномъ болтовня овладѣвала самыми неговорливыми языками; тутъ обыкновенно говорилось обо всемъ, и о томъ, кто пошилъ себѣ новыя шаравары, и что̀ находится внутри земли, и кто видѣлъ волка. Тутъ было множество бонмотистовъ, въ которыхъ между малороссіянами нѣтъ недостатка.

Философъ усѣлся вмѣстѣ съ другими въ обширный кружокъ, на вольномъ воздухѣ, передъ порогомъ кухни. Скоро баба въ красномъ очипкѣ высунулась изъ дверей, держа въ обѣихъ рукахъ горячій горшокъ съ галушками и поставила его посреди готовившихся ужинать. Каждый вынулъ изъ кармана своего деревянную ложку, иные, за неимѣніемъ, деревянную спичку. Какъ только уста стали двигаться немного медленнѣе, и волчій голодъ всего этого собранія немного утишился, многіе начали заговаривать. Разговоръ, натурально, долженъ былъ обратиться къ умершей.

«Правда ли» сказалъ одинъ молодой овчаръ, который насадилъ на свою кожаную перевязь для люльки столько пуговицъ и мѣдныхъ бляхъ, что былъ похожъ на лавку мелкой торговки: «правда ли, что панночка, не тѣмъ будь помянута, зналась съ нечистымъ?»

«Кто? панночка?» сказалъ Дорошъ, уже знакомый прежде нашему философу: «да она была цѣлая вѣдьма! я присягну, что вѣдьма!»

«Полно, полно, Дорошъ!» сказалъ другой, который во время дороги изъявлялъ большую готовность утѣшать: «это не наше дѣло; Богъ съ ней! нечего объ этомъ толковать». Но Дорошъ вовсе не былъ расположенъ молчать; онъ только-что передъ тѣмъ сходилъ въ погребъ вмѣстѣ съ ключникомъ по какому-то нужному дѣлу и, наклонившись раза два къ двумъ или тремъ бочкамъ, вышелъ оттуда чрезвычайно веселый и говорилъ безъ-умолку.

«Что̀ ты хочешь? Чтобы я молчалъ?» сказалъ онъ: «да она на мнѣ самомъ ѣздила! ейбогу, ѣздила!»

«А что, дядько» сказалъ молодой овчаръ съ пуговицами: «можно ли узнать по какимъ-нибудь примѣтамъ вѣдьму?»

«Нельзя» отвѣчалъ Дорошъ: «никакъ не узнаешь; хоть всѣ псалтыри перечитай, то не узнаешь».

«Можно, можно, Дорошъ, не говори этого» произнесъ прежній утѣшитель: «уже Богъ не даромъ далъ всякому особый обычай: люди, знающіе науку, говорятъ, что у вѣдьмы есть маленькій хвостикъ».

«Когда стара баба, то и вѣдьма» сказалъ хладнокровно сѣдой казакъ.

«О, ужъ хороши и вы!» подхватила баба, которая подливала въ то время свѣжихъ галушекъ въ очистившійся горшокъ: «настоящіе толстые кабаны».

Старый казакъ, котораго имя было Явтухъ, а прозваніе Ковтунъ, выразилъ на губахъ своихъ улыбку удовольствія, замѣтивъ, что слова его задѣли за живое старуху; а погонщикъ скотины пустилъ такой густой смѣхъ, какъ-будто бы два быка, ставши одинъ противъ другаго, замычали разомъ.

Начавшійся разговоръ возбудилъ непреодолимое желаніе и любопытство философа узнать обстоятельнѣе про умершую сотникову дочь; и потому, желая опять навести его на прежнюю

матерію, обратился къ сосѣду своему съ такими словами: «Я хотѣлъ спросить, почему все это сословіе, что сидитъ за ужиномъ, считаетъ панночку вѣдьмою? Что жъ, развѣ она кому-нибудь причинила зло, или извела кого-нибудь?»

«Было всякаго» отвѣчалъ одинъ изъ сидѣвшихъ, съ лицомъ гладкимъ, чрезвычайно похожимъ на лопату.

«А кто не припомнитъ псаря Микиту, или того....»

«А что жъ такое псарь Микита?» сказалъ философъ.

«Стой! я разскажу про псаря Микиту» сказалъ Доронъ.

«Я разскажу про псаря Микиту» отвѣчалъ табунщикъ: «потому-что онъ былъ мой кумъ».

«Я разскажу про Микиту» сказалъ Спиридъ.

«Пускай, пускай Спиридъ разскажетъ!» закричала толпа.

Спиридъ началъ: «Ты, панъ философъ Хома, не зналъ Микиты: эхъ, какой рѣдкій былъ человѣкъ! Собаку каждую онъ, бывало, такъ знаетъ, какъ роднаго отца. Теперешній псарь Микола, что сидитъ третьимъ за мною, и въ подметки ему не годится; хотя онъ тоже разумѣетъ

свое дѣло; но онъ противъ него — дрянь, помои».

«Ты хорошо разсказываешь, хорошо!» сказалъ Дорошъ, одобрительно кивнувъ головою.

Спиридъ продолжалъ: «Зайца увидитъ скорѣе, чѣмъ табакъ утрешь изъ носу. Бывало, свиснетъ: а ну, Разбой! а ну, Быстрая! а самъ на конѣ во всю прыть — и уже разсказать нельзя, кто кого скорѣе обгонитъ: онъ ли собаку, или собака его. Сивухи кварту свиснетъ вдругъ, какъ не бывало. Славный былъ псарь! Только съ недавняго времени началъ онъ заглядываться безпрестанно на панночку. Вкляпался ли онъ точно въ нее, или уже она такъ его околдовала, только пропалъ человѣкъ, обабился совсѣмъ; сдѣлался чортъ знаетъ что̀; пфу! непристойно сказать».

«Хорошо» сказалъ Дорошъ.

«Какъ только панночка, бывало, взглянетъ на него, то и повода изъ рукъ пускаетъ, Разбоя зоветъ Бровкомъ, спотыкается и ни-вѣсть что̀ дѣлаетъ. Одинъ разъ панночка пришла на конюшню, гдѣ онъ чистилъ коня. Дай, говоритъ, Микитка, я положу на тебя свою ножку. А онъ, дурень, и радъ тому: говоритъ, что не только ножку, но и сама садись на меня. Панночка под-

няла свою ножку, и какъ увидѣлъ онъ ея нагую, полную и бѣлую ножку, то, говоритъ, чара такъ и ошеломила его. Онъ, дурень, нагнулъ спину и, схвативши обѣими руками за нагія ея ножки, пошелъ скакать, какъ конь, по всему полю, и куда они ѣздили, онъ ничего не могъ сказать; только воротился сдва живой, и съ той поры изсохнулъ весь, какъ щепка; и когда разъ пришли на конюшню, то вмѣсто его лежала только куча золы, да пустое ведро: сгорѣлъ совсѣмъ, сгорѣлъ самъ-собою. А такой былъ псарь, какого на всемъ свѣтѣ не можно найти».

Когда Спиридъ окончилъ разсказъ свой, со всѣхъ сторонъ пошли толки о достоинствахъ бывшаго псаря.

«А про Шепчиху ты не слышалъ?» сказалъ Дорошъ, обращаясь къ Хомѣ.

«Нѣтъ».

«Эге, ге, ге! Такъ у васъ въ бурсѣ, видно, не слишкомъ большому разуму учатъ. Ну, слушай: у насъ есть на селѣ казакъ Шептунъ; хорошій казакъ! Онъ любитъ иногда украсть и соврать безъ всякой нужды; но... хорошій казакъ. Его хата не такъ далеко отсюда. Въ такую самую пору, какъ мы теперь сѣли вечерять, Шептунъ

съ жинкою, окончивши вечерю, легли спать, и такъ-какъ время было хорошее, то Шепчиха легла на дворѣ, а Шептунъ въ хатѣ, на лавкѣ; или, нѣтъ: Шепчиха въ хатѣ на лавкѣ, а Шептунъ на дворѣ....»

«И не на лавкѣ, а на полу легла Шепчиха» подхватила баба, стоя у порога и подперши рукою щеку.

«Дорошъ поглядѣлъ на нее, потомъ поглядѣлъ внизъ, потомъ опять на нее и, немного помолчавъ, сказалъ: «когда скину съ тебя при всѣхъ исподницу, то нехорошо будетъ». Это предостереженіе имѣло свое дѣйствіе. Старуха замолчала и уже ни разу не перебила рѣчи.

Дорошъ продолжалъ: «а въ люлькѣ, висѣвшей среди хаты, лежало годовое дитя — не знаю, мужескаго, или женскаго пола. Шепчиха лежала, а потомъ слышитъ, что за дверью скребется собака и воетъ такъ, хоть изъ хаты бѣги, она испугалась: ибо бабы такой глупый народъ, что высунь ей подъ-вечеръ изъ-за дверей языкъ, то и душа уйдетъ въ пятки. Однако жъ думаетъ, дай-ка я ударю по мордѣ проклятую собаку, авось-либо перестанетъ выть — и взявши кочергу, вышла отворить дверь. Не успѣла она немно-

го отворить, какъ собака кинулась промежъ ногъ ея и прямо къ дѣтской люлькѣ. Шепчиха видитъ, что это уже не собака, а панночка; да притомъ пускай бы уже панночка въ такомъ видѣ, какъ она ее знала — это бы еще ничего; но вотъ вещь и обстоятельство, что она была вся синяя, а глаза горѣли, какъ уголь. Она схватила дитя, прокусила ему горло и начала пить изъ него кровь. Шепчиха только закричала: «охъ, лишечко!» да изъ хаты. Только видитъ, что въ сѣняхъ двери заперты; она на чердакъ: сидитъ и дрожитъ глупая баба, а потòмъ видитъ, что панночка къ ней идетъ и на чердакъ, кинулась на нее и начала глупую бабу кусать. Уже Шептунъ поутру вытащилъ оттуда свою жинку всю искусанную и посинѣвшую; а на другой день и умерла глупая баба. Такъ вотъ какія устройства и обольщенія бываютъ! Оно хоть и панскаго помету, да все, когда вѣдьма, то вѣдьма».

Послѣ такого разсказа Дорошъ самодовольно оглянулся и засунулъ палецъ въ свою трубку, приготовляя ее къ набивкѣ табакомъ. Матерія о вѣдьмѣ сдѣлалась неисчерпаемою. Каждый въ свою очередь спѣшилъ что-нибудь разсказать. Къ тому вѣдьма, ввидѣ скирды сѣна, пріѣхала къ

самымъ дверямъ хаты; у другаго украла шапку, или трубку; у многихъ дѣвокъ на селѣ отрѣзала косу; у другихъ выпила по-нѣскольку ведеръ крови.

Наконецъ вся компанія опомнилась и увидѣла, что заболталась уже черезчуръ, потому-что уже на дворѣ была совершенная ночь. Всѣ начали разбродиться по ночлегамъ, находившимся или на кухнѣ, или въ сараяхъ, или среди двора.

«А ну, панъ Хома! теперь и намъ пора итти къ покойницѣ» сказалъ сѣдой казакъ, обратившись къ философу, и всѣ четверо, въ томъ числѣ и Спиридъ и Дорошъ, отправились въ церковь, стегая кнутами собакъ, которыхъ на улицѣ было великое множество и которыя со злости грызли ихъ палки. Философъ, несмотря на то̀, что успѣлъ подкрѣпить себя доброю кружкою горѣлки, чувствовалъ втайнѣ подступавшую робость, по мѣрѣ того, какъ они приближались къ освѣщенной церкви. Разсказы и странныя исторіи, слышанныя имъ, помогали еще болѣе дѣйствовать его воображенію. Мракъ подъ тыномъ и деревьями начиналъ рѣдѣть; мѣсто становилось обнаженнѣе. Они вступили наконецъ за ветхую церковную ограду въ небольшой дворикъ, за ко-

торымъ не было ни деревца, и открывалось одно пустое поле, да поглощенные ночнымъ мракомъ луга. Три казака взошли вмѣстѣ съ Хомою по крутой лѣстницѣ на крыльцо и вступили въ церковь. Здѣсь они оставили философа, пожелавъ ему благополучно отправить свою обязанность, и заперли за нимъ дверь, по приказанію пана.

Философъ остался одинъ. Сначала онъ зѣвнулъ, потòмъ потянулся, потòмъ фукнулъ въ обѣ руки и наконецъ уже осмотрѣлся. По-серединѣ стоялъ чорный гробъ; свѣчи теплились предъ темными образами; свѣтъ отъ нихъ освѣщалъ только иконостасъ и слегка середину церкви; отдаленные углы притвора были закутаны мракомъ. Высокій старинный иконостасъ уже показывалъ глубокую ветхость; сквозная рѣзьба его, покрытая золотомъ, еще блестѣла одними только искрами; позолота въ одномъ мѣстѣ отпала, въ другомъ вовсе почернѣла; лики святыхъ, совершенно потемнѣвшія, глядѣли какъ-то мрачно. Философъ еще разъ осмотрѣлся. «Что жъ» сказалъ онъ: «чего тутъ бояться? Человѣкъ притти сюда не можетъ, а отъ мертвецовъ и выходцевъ съ того свѣта есть у меня молитвы, такія, что какъ прочитаю, то они меня и пальцемъ не тро-

нутъ. Ничего!» повторилъ онъ, махнувъ рукою: «будемъ читать». Подходя къ клиросу, увидѣлъ онъ нѣсколько связокъ свѣчей. «Это хорошо» подумалъ философъ: «нужно освѣтить всю церковь такъ, чтобы видно было, какъ днемъ. Эхъ жаль, что во храмѣ божіемъ не можно люльки выкурить!» И онъ принялся прилѣплять восковыя свѣчи ко всѣмъ карнизамъ, налоямъ и образамъ, не жалѣя ихъ ни мало, и скоро вся церковь наполнилась свѣтомъ. Вверху только мракъ сдѣлался какъ-будто сильнѣе и мрачные образа глядѣли угрюмѣй изъ старинныхъ рѣзныхъ рамъ, кое-гдѣ сверкавшихъ позолотой. Онъ подошелъ ко гробу, съ робостію посмотрѣлъ въ лицо умершей— и не могъ не зажмурить, нѣсколько вздрогнувши, своихъ глазъ.

Такая страшная, сверкающая красота!

Онъ отворотился и хотѣлъ отойти; но по странному любопытству, по странному поперечивающему себѣ чувству, не оставляющему человѣка, особенно во время страха, онъ не утерпѣлъ, уходя, не взглянуть на нее и потомъ, ощутивши тотъ же трепетъ, взглянулъ еще разъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, рѣзкая красота усопшей казалась страшною. Можетъ-быть, даже она не поразила бы такимъ

паническимъ ужасомъ, если бы была нѣсколько безобразнѣе. Но въ ея чертахъ ничего не было тусклаго, мутнаго, умершаго; оно было живо, и философу казалось, какъ-будто бы она глядитъ на него закрытыми глазами. Ему даже показалось, какъ-будто изъ-подъ рѣсницы праваго глаза ея покатилась слеза, и когда она остановилась на щекѣ, то онъ различилъ ясно, что это была капля крови.

Онъ поспѣшно отошелъ къ клиросу, развернулъ книгу и, чтобы болѣе ободрить себя, началъ читать самымъ громкимъ голосомъ. Голосъ его поразилъ церковныя деревянныя стѣны, давно молчаливыя и оглохлыя. Однако безъ эха, сыпался онъ густымъ басомъ въ совершенно мертвой тишинѣ и казался нѣсколько дикимъ даже самому чтецу. «Чего бояться?» думалъ онъ между-тѣмъ самъ про-себя: «вѣдь она не встанетъ изъ своего гроба, потому-что побоится божьяго слова. Пусть лежитъ! Да и что я за казакъ, когда бы устрашился? Ну, выпилъ лишнее — оттого и показывается страшно. А понюхать табаку: эхъ, добрый табакъ! славный табакъ! хорошій табакъ!» Однако же, перелистывая каждую страницу, онъ посматривалъ искоса на гробъ, и невольное чув-

ство, казалось, шептало ему: «вотъ, вотъ встанетъ! вотъ подымется, вотъ выглянетъ изъ гроба!»

Но тишина была мертвая; гробъ стоялъ неподвижно; свѣчи лили цѣлый потопъ свѣта. Страшна освѣщенная церковь ночью, съ мертвымъ тѣломъ и безъ души людей!

Возвыся голосъ, онъ началъ пѣть на разные голоса, желая заглушить остатки боязни; но чрезъ каждую минуту обращалъ глаза свои на гробъ, какъ-будто бы задавая невольный вопросъ: «что̀, если подымется, если встанетъ она?»

Но гробъ не шелохнулся. Хоть бы какой-нибудь звукъ, какое-нибудь живое существо, даже сверчокъ не отозвался въ углу. Чуть только слышался легкій трескъ какой-нибудь отдаленной свѣчки, или слабый, слегка хлопнувшій звукъ восковой капли, падавшей на полъ. «Ну если подымется?...»

Она приподняла голову....

Онъ дико взглянулъ и протеръ глаза. Но она точно уже не лежитъ, а сидитъ въ своемъ гробѣ. Онъ отвелъ глаза свои и опять съ ужасомъ обратилъ ихъ на гробъ. Она встала.... идетъ по церкви съ закрытыми глазами, безпрестанно расправляя руки, какъ-бы желая поймать кого-нибудь.

Она идетъ прямо къ нему. Въ страхѣ, очертилъ онъ около себя кругъ; съ усиліемъ началъ читать молитвы и произносить заклинанія, которымъ научилъ его одинъ монахъ, видѣвшій всю жизнь свою вѣдьмъ и нечистыхъ духовъ.

Она стала почти на самой чертѣ; но видно было, что не имѣла силъ переступить ее, и вся посинѣла, какъ человѣкъ, уже нѣсколько дней умершій. Хома не имѣлъ духу взглянуть на нее: она была страшна; она ударила зубами въ зубы и открыла мертвые глаза свои; но, не видя ничего, съ бѣшенствомъ — что̀ выразило ея задрожавшее лицо — обратилась въ другую сторону и, распростерши руки, обхватывала ими каждый столпъ и уголъ, стараясь поймать Хому. Наконецъ остановилась, погрозивъ пальцемъ, и легла въ свой гробъ.

Философъ все еще не могъ притти въ-себя и со страхомъ поглядывалъ на это тѣсное жилище вѣдьмы. Наконецъ гробъ вдругъ сорвался съ своего мѣста и со свистомъ началъ летать по всей церкви, крестя во всѣхъ направленіяхъ воздухъ. Философъ видѣлъ его почти надъ головою, но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ, что онъ не могъ зацѣпить круга, имъ начерченнаго, и усилилъ свои

заклинанія. Гробъ грянулся на срединѣ церкви и остался неподвижнымъ. Трупъ опять поднялся изъ него синій, позеленѣвшій. Но въ то время послышался отдаленный крикъ пѣтуха: трупъ опустился въ гробъ и захлопнулся гробовою крышкою.

Сердце у философа билось, и потъ катился градомъ; но, ободренный пѣтушьимъ крикомъ, онъ дочитывалъ быстрѣе листы, которые долженъ былъ прочесть прежде. При первой зарѣ пришли смѣнить его дьячекъ и сѣдой Явтухъ, который на тотъ разъ отправлялъ должность церковнаго старосты.

Пришедши на отдаленный ночлегъ, философъ долго не могъ заснуть; но усталость одолѣла и онъ проспалъ до обѣда. Когда онъ проснулся, все ночное событіе казалось ему происходившимъ во снѣ. Ему дали, для подкрѣпленія силъ, кварту горѣлки. За обѣдомъ онъ скоро развязался, присовокупилъ кое къ чему замѣчанія и съѣлъ почти одинъ довольно большаго поросенка; но однако же о своемъ событіи въ церкви онъ не рѣшился говорить по какому-то безотчетному для него самого чувству, и на вопросы любопытныхъ отвѣчалъ: «да, были всякія чудеса».

Философъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которыхъ, если накормятъ, то у нихъ пробуждается необыкновенная филантропія. Онъ, лежа съ своей трубкой въ зубахъ, глядѣлъ на всѣхъ необыкновенно сладкими глазами и безпрерывно поплевывалъ въ-сторону.

Послѣ обѣда философъ былъ совершенно въ-духѣ. Онъ успѣлъ обходить все селеніе, перезнакомиться почти со всѣми; изъ двухъ хатъ его даже выгнали; одна смазливая молодка хватила его порядочно лопатой по спинѣ, когда онъ вздумалъ-было пощупать и полюбопытствовать изъ какой матеріи у нея была сорочка и плахта. Но чѣмъ болѣе время близилось къ вечеру, тѣмъ задумчивѣе становился философъ. За часъ до ужина вся почти дворня собиралась играть въ кашу, или въ крагли, родъ кеглей, гдѣ, вмѣсто шаровъ, употребляются длинныя палки, и выигравшій имѣетъ право проѣзжаться на другомъ верхомъ. Эта игра становилась очень интересною для зрителей: часто погонщикъ, широкій, какъ блинъ, взлѣзалъ верхомъ на свинаго пастуха, щедушнаго, низенькаго, всего состоявшаго изъ морщинъ. Въ другой разъ погонщикъ подставлялъ свою спину, и Дорошъ, вскочивши на нее,

всегда говорилъ: «экой здоровый быкъ!» У порога кухни сидѣли тѣ, которые были посолиднѣе. Они глядѣли чрезвычайно серьезно, куря люльки, даже и тогда, когда молодежь отъ-души смѣялась какому-нибудь острому слову погонщика, или Спирида. Хома напрасно старался вмѣшаться въ эту игру: какая-то темная мысль, какъ гвоздь, сидѣла въ его головѣ. За вечерей сколько ни старался онъ развеселить себя, но страхъ загорался въ немъ вмѣстѣ съ тьмою, распростиравшеюся по небу.

«А ну, пора намъ, панъ бурсакъ!» сказалъ ему знакомый сѣдой казакъ, подымаясь съ мѣста вмѣстѣ съ Дорошемъ: «пойдемъ на работу». Хому опять такимъ же самымъ образомъ отвели въ церковь; опять оставили его одного и заперли за нимъ дверь. Какъ только онъ остался одинъ, робость начала внѣдряться снова въ его грудь. Онъ опять увидѣлъ темные образа, блестящія рамы и знакомый чорный гробъ, стоящій въ угрожающей тишинѣ и неподвижности среди церкви.

«Что жъ» произнесъ онъ: «теперь вѣдь мнѣ не въ-диковинку это диво. Оно съ перваго раза только страшно. Да! оно только съ перваго ра-

за немного страшно, а тамъ оно уже и не страшно; оно уже совсѣмъ не страшно».

Онъ поспѣшно сталъ на клиросъ, очертилъ около себя кругъ, произнесъ нѣсколько заклинанiй и началъ читать громко, рѣшась не подымать съ книги своихъ глазъ и не обращать вниманiя ни на что. Уже около часа читалъ онъ и начиналъ нѣсколько уставать и покашливать; онъ вынулъ изъ кармана рожокъ и прежде нежели поднесъ табакъ къ носу, робко повелъ глазами на гробъ. На сердце у него захолонуло.

Трупъ уже стоялъ передъ нимъ на самой чертѣ и вперилъ на него мертвые, позеленѣвшiе глаза. Бурсакъ содрогнулся и холодъ чувствительно пробѣжалъ по всѣмъ его жиламъ. Потупивъ очи въ книгу, сталъ онъ читать громче свои молитвы и заклятья и слышалъ, какъ трупъ опять ударилъ зубами и замахалъ руками, желая схватить его. Но покосивши слегка однимъ глазомъ, увидѣлъ онъ, что трупъ не тамъ ловилъ его, гдѣ стоялъ онъ, и, какъ видно, не могъ видѣть его. Глухо стала ворчать она и начала выговаривать мертвыми устами страшныя слова; хрипло всхлипывали онѣ, какъ клокотанье кипящей смолы. Что̀ значили онѣ, того не могъ бы сказать онъ,

но что-то страшное въ нихъ заключалось. Философъ въ страхѣ понялъ, что она творила заклинанія. Вѣтеръ пошелъ по церкви отъ словъ и послышался шумъ, какъ-бы отъ множества летящихъ крылъ. Онъ слышалъ, какъ бились крыльями въ стекла церковныхъ оконъ и въ желѣзныя рамы, какъ царапали съ визгомъ когтями по желѣзу, и какъ несмѣтная сила громила въ двери и хотѣла вломиться. Сильно у него билось во все время сердце; зажмуривъ глаза, все читалъ онъ заклятья и молитвы. Наконецъ вдругъ что-то засвистало вдали; это былъ отдаленный крикъ пѣтуха. Изнуренный философъ остановился и отдохнулъ духомъ.

Вошедшіе смѣнить его нашли его едва жива; онъ оперся спиною объ стѣну и, выпуча глаза, глядѣлъ неподвижно на пришедшихъ казаковъ. Его почти вывели и должны были поддерживать во всю дорогу. Пришедши на панскій дворъ, онъ встряхнулся, и велѣлъ себѣ подать кварту горѣлки. Выпивши ее, онъ пригладилъ на головѣ свои волосы и сказалъ: «много на свѣтѣ всякой дряни водится! а страхи такіе случаются—ну...» при этомъ философъ махнулъ рукою.

Собравшіеся вокругъ его потупили голову,

услышавъ такія слова. Даже небольшой мальчишка, котораго вся дворня почитала вправѣ уполномочивать вмѣсто себя, когда дѣло шло къ тому, чтобы чистить конюшню или таскать воду, даже этотъ бѣдный мальчишка тоже разинулъ ротъ.

Въ это время проходила мимо еще несовсѣмъ пожилая бабенка въ обтянутой плотно запаскѣ, выказывавшей ея круглый и крѣпкій станъ, помощница старой кухарки, кокетка страшная, которая всегда находила что-нибудь пришпилить къ своему очипку: или кусокъ ленточки, или гвоздичку, или даже бумажку, если не было чего-нибудь другаго.

«Здравствуй, Хома!» сказала она, увидѣвъ философа: «ай, ай, ай! что́ это съ тобою?» вскрикнула она, всплеснувъ руками.

«Какъ что̀? глупая баба!»

«Ахъ, Боже мой! да ты весь посѣдѣлъ!»

«Эге, ге! Да она правду говоритъ!» произнесъ Спиридъ, всматриваясь въ него пристально: «ты точно посѣдѣлъ, какъ нашъ старый Явтухъ».

Философъ, услышавши это, побѣжалъ опрометью въ кухню, гдѣ онъ замѣтилъ прилѣпленный къ стѣнѣ, опачканный мухами, треуголь-

ный кусокъ зеркала, передъ которымъ были натыканы незабудки, барвинки, и даже гирлянда изъ нагидокъ, показывавшіе назначеніе его для туалета щеголеватой кокетки. Онъ съ ужасомъ увидѣлъ истину ихъ словъ: половина волосъ его точно побѣлѣла.

Повѣсилъ голову Хома Брутъ и предался размышленію. «Пойду къ пану» сказалъ онъ наконецъ: «разскажу ему все и объясню, что больше не хочу читать. Пусть отправляетъ меня сей же часъ въ Кіевъ». Въ такихъ мысляхъ направилъ онъ путь свой къ крыльцу панскаго дома.

Сотникъ сидѣлъ почти неподвиженъ въ своей свѣтлицѣ; та же самая безнадежная печаль, какую онъ встрѣтилъ прежде на его лицѣ, сохранялась въ немъ и донынѣ. Только щеки его опали гораздо болѣе прежняго. Замѣтно было, что онъ очень мало употреблялъ пищи, или, можетъ-быть, даже вовсе не касался ея. Необыкновенная блѣдность придавала ему какую-то каменную неподвижность.

«Здравствуй, небоже!» произнесъ онъ, увидѣвъ Хому, остановившагося съ шапкою въ рукахъ у дверей: «что, какъ идетъ у тебя? все благополучно?»

«Благополучно-то, благополучно; тякая чертовщина водится, что прямо бери шапку, да и улепетывай куда ноги несутъ».

«Какъ такъ?»

«Да ваша, панъ, дочка... по здравому разсужденію, она, конечно, есть панскаго роду: въ томъ никто не станетъ прекословить; только, не во гнѣвъ будь сказано, упокой Богъ ея душу....»

«Что же дочка?»

«Припустила къ себѣ сатану. Такіе страхи задаетъ, что никакое писаніе не учитывается».

«Читай, читай! Она не даромъ призвала тебя; она заботилась, голубонька моя, о душѣ своей и хотѣла молитвами изгнать всякое дурное помышленіе».

«Власть ваша, панъ: ейбогу, не-въ-моготу!»

«Читай, читай!» продолжалъ тѣмъ же увѣщательнымъ голосомъ сотникъ: «тебѣ одна ночь теперь осталась; ты сдѣлаешь христіянское дѣло, и я награжу тебя».

«Да какія бы ни были награды.... Какъ ты, себѣ хочь, панъ, а я не буду читать!» произнесъ Хома рѣшительно.

«Слушай, философъ!» сказалъ сотникъ, и голосъ его сдѣлался крѣпокъ и грозенъ: «я не

люблю этихъ выдумокъ. Ты можешь это дѣлать въ своей бурсѣ, а у меня не такъ: я уже какъ отдеру, такъ не то̀, что ректоръ. Знаешь ли ты, что̀ такое хорошіе кожаные канчуки?»

«Какъ не знать?» сказалъ философъ, понизивъ голосъ: «всякому извѣстно, что такое кожаные канчуки; при большомъ количествѣ вещь нестерпимая».

«Да. Только ты не знаешь еще какъ хлопцы мои умѣютъ парить!» сказалъ сотникъ, грозно, подымаясь на ноги, и лицо его приняло повелительное и свирѣпое выраженіе, обнаружившее весь необузданный его характеръ, усыпленный только на время горестью: «у меня прежде выпарятъ, потомъ спрыснутъ горѣлкою, а послѣ опять. Ступай, ступай! исправляй свое дѣло. Не исправишь — не встанешь; а исправишь — тысяча червонныхъ!»

«Ого, го! да это хватъ» подумалъ философъ, выходя: «съ этимъ нечего шутить. Стой! стой, пріятель: я такъ навострю лыжи, что ты съ своими собаками не угонишься за мною».

И Хома положилъ непремѣнно бѣжать. Онъ выжидалъ только послѣобѣденнаго часу, когда вся дворня имѣла обыкновеніе забираться въ сѣ-

но подъ сараями и, открывши ротъ, испускать такой храпъ и свистъ, что панское подворье дѣлалось похожимъ на фабрику. Это время наконецъ настало. Даже и Явтухъ зажмурилъ глаза, растянувшись передъ солнцемъ. Философъ со страхомъ и дрожью отправился потихоньку въ панскій садъ, откуда ему казалось удобнѣе и незамѣтнѣе было бѣжать въ поле. Этотъ садъ, по обыкновенію, былъ страшно запущенъ и, стало-быть, чрезвычайно способствовалъ всякому тайному предпріятію. Выключая только одной дорожки, протоптанной по хозяйственной надобности, все прочее было скрыто густо разросшимися вишнями, бузиною, лопухомъ, просунувшими на самый верхъ свои высокіе стебли съ цѣпкими розовыми шишками. Хмѣль покрывалъ, какъ-будто сѣтью, вершину всего этого пестраго собранія деревъ и кустарниковъ и составлялъ надъ ними крышу, напялившуюся на плетень и спадавшую съ него вьющимися змѣями вмѣстѣ съ дикими полевыми колокольчиками. За плетнемъ, служившимъ границею сада, шелъ цѣлый лѣсъ бурьяна, въ который, казалось, никто не любопытствовалъ заглядывать и коса разлетѣлась бы въ дребезги, если бы захотѣла коснуться лезве-

емъ своимъ одеревянѣвшихъ толстыхъ стеблей его. Когда философъ хотѣлъ перешагнуть черезъ плетень, зубы его стучали и сердце такъ сильно билось, что онъ самъ испугался. Пола его длинной хламиды, казалось, прилипала къ землѣ, какъ-будто ее кто приколотилъ гвоздемъ. Когда онъ переступалъ плетень, ему, казалось, съ оглушительнымъ свистомъ трещалъ въ уши какой-то голосъ: «куда, куда?» Философъ юркнулъ въ бурьянъ и пустился бѣжать, безпрестанно спотыкаясь о старые корни и давя ногами кротовъ. Онъ видѣлъ, что ему, выбравшись изъ бурьяна, стоило перебѣжать поле, за которымъ чернѣлъ густой терновникъ, гдѣ онъ считалъ себя безопаснымъ, и пройдя который, онъ, по предположенію своему, думалъ встрѣтить дорогу прямо въ Кіевъ. Поле онъ перебѣжалъ вдругъ и очутился въ густомъ терновникѣ. Сквозь терновникъ онъ пролѣзъ, оставивъ, вмѣсто пошлины, куски своего сюртука на каждомъ остромъ шипѣ, и очутился на небольшой лощинѣ. Верба раздѣлившимися вѣтвями преклонялась индѣ почти до самой земли. Небольшой источникъ сверкалъ чистый, какъ серебро. Первое дѣло философа было прилечь и напиться, потому-что онъ чув-

ствовалъ жажду нестерпимую. «Добрая вода!» сказалъ онъ, утирая губы: «тутъ бы можно отдохнуть».

«Нѣтъ, лучше побѣжимъ впередъ: неравно будетъ погоня!»

Эти слова раздались у него надъ ушами; онъ оглянулся: передъ нимъ стоялъ Явтухъ.

«Чортовъ Явтухъ!» подумалъ въ-сердцахъ про-себя философъ: я бы взялъ тебя, да за ноги.... И мерзкую рожу твою и все, что ни есть на тебѣ, побилъ бы дубовымъ бревномъ».

«Напрасно далъ ты такой крюкъ» продолжалъ Явтухъ: «гораздо лучше было выбрать ту дорогу, по какой шелъ я: прямо мимо конюшни. Да притомъ и сюртука жаль; а сукно хорошее. Почемъ платилъ за аршинъ? Однако жъ погуляли довольно: пора и домой».

Философъ, почесываясь, побрелъ за Явтухомъ. «Теперь проклятая вѣдьма задастъ мнѣ пфейферу!» подумалъ онъ: «да впрочемъ, что я въ самомъ дѣлѣ? Чего боюсь? Развѣ я не казакъ? Вѣдь читалъ же двѣ ночи, поможетъ Богъ и третью. Видно, проклятая вѣдьма порядочно грѣховъ надѣлала, что нечистая сила такъ за нее стоитъ». Такія размышленія занимали его, когда онъ всту-

палъ на панскій дворъ. Ободривши себя такими замѣчаніями, онъ упросилъ Дороша, который посредствомъ протекціи ключника, имѣлъ иногда входъ въ панскіе погреба, вытащить сулею сивухи, и оба пріятеля, сѣвши подъ сараемъ, вытянули немного не полведра, такъ-что философъ, вдругъ поднявшись на ноги, закричалъ: «музыкантовъ! непремѣнно музыкантовъ!» и, не дождавшись музыкантовъ, пустился среди двора на расчищенномъ мѣстѣ отплясывать тропака. Онъ танцовалъ до-тѣхъ-поръ, пока не наступило время полдника, и дворня, обступившая его, какъ водится въ такихъ случаяхъ, въ кружокъ, наконецъ плюнула и пошла прочь, сказавши: «вотъ это какъ долго танцуетъ человѣкъ!» Наконецъ философъ тутъ же легъ спать и добрый ушатъ холодной воды могъ только пробудить его къ ужину. За ужиномъ онъ говорилъ о томъ, что̀ такое казакъ, и что онъ не долженъ бояться ничего на свѣтѣ.

«Пора» сказалъ Явтухъ: «пойдемъ».

«Спичка тебѣ въ языкъ, проклятый кнуръ!» подумалъ философъ и вставъ на ноги, сказалъ: «пойдемъ!»

Идя дорогою, философъ безпрестанно поглядывалъ по-сторонамъ и слегка заговаривалъ съ сво-

ими провожатыми. Но Явтухъ молчалъ; самъ Дорошъ былъ неразговорчивъ. Ночь была адская. Волки выли вдали цѣлою стаей. И самый лай собачій былъ какъ-то страшенъ.

«Кажется, какъ-будто что-то другое воетъ: это не волкъ» сказалъ Дорошъ. Явтухъ молчалъ. Философъ не нашелся сказать ничего.

Они приблизились къ церкви и вступили подъ ея ветхіе деревянные своды, показывавшіе, какъ мало заботился владѣтель помѣстья о Богѣ и о душѣ своей. Явтухъ и Дорошъ, по-прежнему, удалились, и философъ остался одинъ. Все было такъ же, все было въ томъ же самомъ грозно-знакомомъ видѣ. Онъ на минуту остановился. Посерединѣ все такъ же неподвижно стоялъ гробъ ужасной вѣдьмы. «Не побоюсь, ейбогу не побоюсь!» сказалъ онъ, и, очертивши по-прежнему около себя кругъ, началъ припоминать всѣ свои заклинанія. Тишина была страшная; свѣчи трепетали и обливали свѣтомъ всю церковь. Философъ перевернулъ одинъ листъ, потомъ перевернулъ другой и замѣтилъ, что онъ читаетъ совсѣмъ не то̀, что̀ писано въ книгѣ. Со страхомъ перекрестился онъ и началъ пѣть. Это нѣсколько ободрило его: чтеніе пошло впередъ и листы мелькали

однихъ за другимъ. Вдругъ.... среди тишины.... съ трескомъ лопнула желѣзная крышка гроба и поднялся мертвецъ: еще страшнѣе былъ онъ, чѣмъ въ первый разъ. Зубы его страшно ударялись рядъ о рядъ, въ судорогахъ задергались его губы, и дико взвизгивая, понеслись заклинанія. Вихорь поднялся по церкви, попадали на землю иконы, полетѣли сверху внизъ разбитыя стекла окошекъ. Двери сорвались съ петлей, и несмѣтная сила чудовищъ влетѣла въ божью церковь. Страшный шумъ отъ крылъ и отъ царапанья когтей наполнилъ всю церковь. Все летало и носилось, ища повсюду философа.

У Хомы вышелъ изъ головы послѣдній остатокъ хмѣля. Онъ только крестился, да читалъ, какъ попало, молитвы. И въ то же время слышалъ, какъ нечистая сила металась вокругъ его, чуть не зацѣпляя его концами крылъ и отвратительныхъ хвостовъ. Не имѣлъ духу разглядѣть онъ ихъ; видѣлъ только, какъ во всю стѣну стояло какое-то огромное чудовище въ своихъ перепутанныхъ волосахъ, какъ въ лѣсу; сквозь сѣть волосъ глядѣли страшно два глаза, поднявъ немного вверхъ брови. Надъ нимъ держалось въ воздухѣ, что-то въ видѣ огромнаго пузыря, съ ты-

сячью протянутыхъ изъ середины клещей и скорпіонныхъ жалъ; чорная земля висѣла на нихъ клочками. Всѣ глядѣли на него, искали и не могли увидѣть его, окруженнаго таинственнымъ кругомъ. «Приведите Вія! ступайте за Віемъ!» раздались слова мертвеца. И вдругъ настала тишина въ церкви; послышалось вдали волчье завыванье, и скоро раздались тяжелые шаги, звучавшіе по церкви; взглянувъ искоса, увидѣлъ онъ, что ведутъ какого-то приземистаго, дюжаго, косолапаго человѣка. Весь былъ онъ въ чорной землѣ. Какъ жилистые, крѣпкіе корни, выдавались его, засыпанныя землею, ноги и руки. Тяжело ступалъ онъ, поминутно оступаясь. Длинныя вѣки опущены были до самой земли. Съ ужасомъ замѣтилъ Хома, что лицо было не немъ желѣзное. Его привели подъ руки и прямо поставили къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Хома.

«Подымите мнѣ вѣки: не вижу!» сказалъ подземнымъ голосомъ Вій — и все сонмище кинулось подымать ему вѣки.

«Не гляди!» шепнулъ какой-то внутренній голосъ философу. Не вытерпѣлъ онъ и глянулъ.

«Вотъ онъ!» закричалъ Вій и уставилъ на не-

го желѣзный палецъ. И всѣ, сколько ни было, кинулись на философа. Бездыханный, грянулся онъ на землю, и тутъ же вылетѣлъ духъ изъ него отъ страха. Раздался пѣтушій крикъ. Это былъ уже второй крикъ; первый прослышали гномы. Испуганные духи бросились, кто какъ попало, въ окна и двери, чтобы поскорѣе вылетѣть, но не тутъ-то было: такъ и остались они тамъ, завязнувши въ дверяхъ и окнахъ. Вошедшій священникъ остановился при видѣ такого посрамленья божьей святыни, и не посмѣлъ служить панихиду въ такомъ мѣстѣ. Такъ на вѣки и осталась церковь, съ завязнувшими въ дверяхъ и окнахъ чудовищами, обросла лѣсомъ, корнями, бурьяномъ, дикимъ терновникомъ, и никто не найдетъ теперь къ ней дороги.

═

Когда слухи объ этомъ дошли до Кіева и богословъ Халява услышалъ наконецъ о такой участи философа Хомы, то предался цѣлый часъ раздумью. Съ нимъ, въ продолженіе того времени, произошли большія перемѣны. Счастіе ему улыбнулось: по окончаніи курса наукъ, его сдѣ-

лали звонаремъ самой высокой колокольни, и онъ всегда почти являлся съ разбитымъ носомъ, потому-что деревянная лѣстница на колокольню была чрезвычайно безолаберно сдѣлана.

«Ты слышалъ, что случилось съ Хомою?» сказалъ, подошедши къ нему Тиберій Горобець, который въ то время былъ уже философъ и носилъ свѣжіе усы.

«Такъ ему Богъ далъ» сказалъ звонарь Халява: «пойдемъ въ шинокъ, да помянемъ его душу!»

Молодой философъ, который съ жаромъ энтузіаста началъ пользоваться своими правами, такъ-что на немъ и шаровары, и сюртукъ, и даже шапка отзывались спиртомъ и табачными корешками, въ ту же минуту изъявилъ готовность.

«Славный былъ человѣкъ Хома!» сказалъ звонарь, когда хромой шинкарь поставилъ передъ нимъ третью кружку: «знатный былъ человѣкъ! А пропалъ ни за что».

«А я знаю, почему пропалъ онъ: оттого, что побоялся; а если бы не боялся, то бы вѣдьма ничего не могла съ нимъ сдѣлать. Нужно только, перекрестившись, плюнуть на самый хвостъ ей, то и ничего не будетъ. Я знаю уже все это;

вѣдь, у насъ, въ Кіевѣ, всѣ бабы, которыя сидятъ на базарѣ — всѣ вѣдьмы».

На это звонарь кивнулъ головою въ знакъ согласія. Но замѣтивши, что языкъ его не могъ произнести ни одного слова, онъ осторожно всталъ изъ-за стола и, пошатываясь на обѣ стороны, пошелъ спрятаться въ самое отдаленное мѣсто въ бурьянѣ. Причемъ не позабылъ, по прежней привычкѣ своей, утащить старую подошву отъ сапога, валявшуюся на лавкѣ.

ПОВѢСТЬ

О ТОМЪ, КАКЪ ПОССОРИЛСЯ ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ СЪ ИВАНОМЪ НИКИФОРОВИЧЕМЪ.

ПОВѢСТЬ

О ТОМЪ, КАКЪ ПОССОРИЛСЯ ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ СЪ ИВАНОМЪ НИКИФОРОВИЧЕМЪ.

═

ГЛАВА I.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ И ИВАНЪ НИКИФОРОВИЧЪ.

Славная бекеша у Ивана Ивановича! отличнѣйшая! А какія смушки! фу ты пропасть, какія смушки! сизыя, съ морозомъ! Я ставлю, Богъ знаетъ что̀, если у кого-либо найдутся такія! Взгляните, ради Бога, на нихъ особенно, если онъ станетъ съ кѣмъ-нибудь говорить, взгляните съ боку: что̀ это за объѣденіе! Описать нельзя:

бархатъ! серебро! огонь! Господи Боже мой! Николай Чудотворецъ, угодникъ божій! отчего же у меня нѣтъ такой бекеши! Онъ сшилъ ее тогда еще, когда Агафья Ѳедосѣевна не ѣздила въ Кіевъ. Вы знаете Агафью Ѳедосѣевну? та самая, что откусила ухо у засѣдателя. Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Какой у него домъ въ Миргородѣ! Вокругъ него со всѣхъ сторонъ навѣсъ на дубовыхъ столбахъ; подъ навѣсомъ вездѣ скамейки. Иванъ Ивановичъ, когда сдѣлается слишкомъ жарко, скинетъ съ себя и бекешу и исподнее, самъ останется въ одной рубашкѣ и отдыхаетъ подъ навѣсомъ и глядитъ, что̀ дѣлается во дворѣ и на улицѣ. Какія у него яблони и груши подъ самыми окнами! Отворите только окно — такъ вѣтви и врываются въ комнату. Это все передъ домомъ; а посмотрѣли бы, что̀ у него въ саду! Чего тамъ нѣтъ? Сливы, вишни, черешни, огородина всякая, подсолнечники, огурцы, дыни, стручья, даже гумно и кузница. Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Онъ очень любитъ дыни; это его любимое кушанье. Какъ только отобѣдаетъ и выйдетъ въ одной рубашкѣ подъ навѣсъ, сейчасъ приказываетъ Гапкѣ принести двѣ дыни. И уже самъ

разрѣжетъ, соберетъ сѣмяна въ особую бумажку, и начнетъ кушать. Потомъ велитъ Гапкѣ принести чернилицу, и самъ, собственною рукою, сдѣлаетъ надпись надъ бумажкою съ сѣмянами: «сія дыня съѣдена такого-то числа». Если при этомъ былъ какой-нибудь гость, то: «участвовалъ такой-то». Покойный судья миргородскій всегда любовался, глядя на домъ Ивана Ивановича. Да, домишко очень не дуренъ. Мнѣ нравится, что къ нему со всѣхъ сторонъ пристроены сѣни и сѣнички, такъ-что если взглянуть на него издали, то видны однѣ только крыши, посаженныя одна на другую, что весьма походитъ на тарелку, наполненную блинами, а еще лучше, на губки, наросшія на деревѣ. Впрочемъ, крыши всѣ крыты очеретомъ; ива, дубъ и двѣ яблони облокотились на нихъ своими раскидистыми вѣтвями. Промежъ деревъ мелькаютъ и выбѣгаютъ даже на улицу небольшія окошки съ рѣзными, выбѣленными ставнями. Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Его знаетъ и коммиссаръ полтавскій! Дорошъ Тарасовичъ Пухивочка когда ѣдетъ изъ Хорола, то всегда заѣзжаетъ къ нему. А протопопъ отецъ Петръ, что живетъ въ Колибердѣ, когда соберется у него

человѣкъ пятокъ гостей, всегда говоритъ, что онъ никого не знаетъ, кто бы такъ исполнялъ долгъ христіянскій и умѣлъ жить, какъ Иванъ Ивановичъ. Боже, какъ летитъ время! уже тогда прошло болѣе десяти лѣтъ, какъ онъ овдовѣлъ. Дѣтей у него не было. У Гапки есть дѣти и бѣгаютъ часто по двору. Иванъ Ивановичъ всегда дастъ каждому изъ нихъ или по бублику, или по кусочку дыни, или грушу. Гапка у него носитъ ключи отъ коморъ и погребовъ; отъ большаго же сундука, что стоитъ въ его спальнѣ, и отъ средней коморы ключъ Иванъ Ивановичъ держитъ у себя и не любитъ никого туда пускать. Гапка дѣвка здоровая, ходитъ въ *запаскѣ*, съ свѣжими икрами и щеками. А какой богомольный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Каждый воскресный день надѣваетъ онъ бекешу и идетъ въ церковь. Вошедши въ нее, Иванъ Ивановичъ, раскланявшись на всѣ стороны, обыкновенно помѣщается на клиросѣ, и очень хорошо подтягиваетъ басомъ. Когда же окончится служба, Иванъ Ивановичъ никакъ не утерпитъ, чтобъ не обойти всѣхъ нищихъ. Онъ бы, можетъ-быть, и не хотѣлъ заняться такимъ скучнымъ дѣломъ, если бы не побуждала его къ тому природная добро-

та. «Здорово, небого!» обыкновенно говорилъ онъ, отыскавши самую искалѣченную бабу, въ изодранномъ, сшитомъ изъ заплатъ, платьѣ: «откуда ты, бѣдная?» — «Я, паночку, изъ хутора пришла: третій день, какъ не пила, не ѣла, выгнали меня собственныя дѣти». — «Бѣдная головушка, что жъ ты пришла сюда?» — «А такъ, паночку, милостыни просить, не дастъ ли кто-нибудь хоть на хлѣбъ». — «Гм! что жъ, тебѣ развѣ хочется хлѣба?» обыкновенно спрашивалъ Иванъ Ивановичъ. «Какъ не хотѣть! голодна, какъ собака». — «Гм!» отвѣчалъ обыкновенно Иванъ Ивановичъ: «такъ тебѣ, можетъ, и мяса хочется?» — «Да все, что̀ милость ваша дастъ, всѣмъ буду довольна». — «Гм! развѣ мясо лучше хлѣба?» — «Гдѣ ужъ голодному разбирать; все, что̀ пожалуете, все хорошо». При этомъ старуха обыкновенно протягивала руку. «Ну, ступай же съ Богомъ» говорилъ Иванъ Ивановичъ: «чего жъ ты стоишь? вѣдь я тебя не бью!» и обратившись, съ такими разспросами, къ другому, къ третьему, наконецъ возвращается домой, или заходитъ выпить рюмку водки къ сосѣду Ивану Никифоровичу, или къ судьѣ, или къ городничему. Иванъ Ивановичъ очень любитъ, если ему

кто-нибудь сдѣлаетъ подарокъ, или гостинецъ: это ему очень нравится.

Очень хорошій также человѣкъ Иванъ Никифоровичъ. Его дворъ возлѣ двора Ивана Ивановича. Они такіе между собою пріятели, какихъ свѣтъ не производилъ. Антонъ Прокофьевичъ Пупопузъ, который до-сихъ поръ еще ходитъ въ коричневомъ сюртукѣ съ голубыми рукавами и обѣдаетъ по воскреснымъ днямъ у судьи, обыкновенно говорилъ, что Ивана Никифоровича и Ивана Ивановича самъ чортъ связалъ веревочкой. Куда одинъ, туда и другой плетется. Иванъ Никифоровичъ никогда не былъ женатъ. Хотя проговаривали, что онъ женился, но это совершенная ложь. Я очень хорошо знаю Ивана Никифоровича, и могу сказать, что онъ даже не имѣлъ намѣренія жениться. Откуда выходятъ всѣ эти сплетни? такъ-какъ пронесли-было, что Иванъ Никифоровичъ родился съ хвостомъ назади. Но эта выдумка такъ нелѣпа и вмѣстѣ гнусна и неприлична, что я даже не почитаю нужнымъ опровергать предъ просвѣщенными читателями, которымъ, безъ всякаго сомнѣнія, извѣстно, что у однѣхъ только вѣдьмъ, и то у весьма немногихъ, есть назади хвостъ; вѣдьмы, впрочемъ,

принадлежатъ болѣе къ женскому полу, нежели къ мужескому. Несмотря на большую пріязнь, эти рѣдкіе друзья несовсѣмъ были сходны между собою. Лучше всего можно узнать характеры ихъ изъ сравненія: Иванъ Ивановичъ имѣетъ необыкновенный даръ говорить чрезвычайно пріятно. Господи, какъ онъ говоритъ! Это ощущеніе можно сравнить только съ тѣмъ, когда у васъ ищутъ въ головѣ, или потихоньку проводятъ пальцемъ по вашей пяткѣ. Слушаешь, слушаешь — и голову повѣсишь. Пріятно! чрезвычайно пріятно! какъ сонъ послѣ купанья. Иванъ Никифоровичъ напротивъ больше молчитъ, но зато если влѣпитъ словцо, то держись только: отбреетъ лучше всякой бритвы. Иванъ Ивановичъ худощавъ и высокаго роста; Иванъ Никифоровичъ немного ниже, но зато распространяется въ толщину. Голова у Ивана Ивановича похожа на рѣдьку хвостомъ внизъ; голова Ивана Никифоровича на рѣдьку хвостомъ вверхъ. Иванъ Ивановичъ только послѣ обѣда лежитъ въ одной рубашкѣ подъ навѣсомъ; ввечеру же надѣваетъ бекешу и идетъ куда-нибудь, или къ городовому магазину, куда онъ поставляетъ муку, или въ поле, ловить перепеловъ. Иванъ Никифоровичъ

лежитъ весь день на крыльцѣ; если не слишкомъ жаркій день, то обыкновенно выставивъ спину на солнце, и никуда не хочетъ итти. Если вздумается утромъ, то пройдетъ по двору, осмотритъ хозяйство, и опять на покой. Въ прежнія времена зайдетъ, бывало, къ Ивану Ивановичу. Иванъ Ивановичъ чрезвычайно тонкій человѣкъ и въ порядочномъ разговорѣ никогда не скажетъ неприличнаго слова и тотчасъ обидится, если услышитъ его. Иванъ Никифоровичъ иногда не обережется; тогда обыкновенно Иванъ Ивановичъ встаетъ съ мѣста и говоритъ: «довольно, довольно, Иванъ Никифоровичъ; лучше скорѣе на солнце, чѣмъ говорить такія богопротивныя слова». Иванъ Ивановичъ очень сердится, если ему попадется въ борщъ муха: онъ тогда выходитъ изъ себя и тарелку кинетъ, и хозяину достанется. Иванъ Никифоровичъ чрезвычайно любитъ купаться, и когда сядетъ по горло въ воду, велитъ поставить также въ воду столъ и самоваръ, и очень любитъ пить чай въ такой прохладѣ. Иванъ Ивановичъ бреетъ бороду въ недѣлю два раза; Иванъ Никифоровичъ одинъ разъ. Иванъ Ивановичъ чрезвычайно любопытенъ. Боже сохрани, если что-нибудь начнешь ему разсказы-

вать, да не доскажешь! Если жъ чѣмъ бываетъ недоволенъ, то тотчасъ даетъ замѣтить это. По виду Ивана Никифоровича, чрезвычайно трудно узнать, доволенъ ли онъ, или сердитъ; хоть и обрадуется чему-нибудь, то не покажетъ. Иванъ Ивановичъ нѣсколько боязливаго характера. У Ивана Никифоровича, напротивъ того, шаравары въ такихъ широкихъ складкахъ, что если бы раздуть ихъ, то въ нихъ можно бы помѣстить весь дворъ съ амбарами и строеніемъ. У Ивана Ивановича большіе выразительные глаза табачнаго цвѣта, и ротъ нѣсколько похожъ на букву *ижицу*; у Ивана Никифоровича глаза маленькіе, желтоватые, совершенно пропадающіе между густыхъ бровей и пухлыхъ щекъ, и носъ въ видѣ спѣлой сливы. Иванъ Ивановичъ если попотчиваетъ васъ табакомъ, то всегда напередъ лизнетъ языкомъ крышку табакерки, потомъ щелкнетъ по ней пальцемъ и, поднесши, скажетъ, если вы съ нимъ знакомы: «смѣю ли просить, государь мой, объ одолженіи?» если же незнакомы, то: «смѣю ли просить, государь мой, не имѣя чести знать чина, имени и отчества, объ одолженіи?» Иванъ же Никифоровичъ даетъ вамъ прямо въ руки рожокъ свой и прибавитъ только:

«одолжайтесь». Какъ Иванъ Ивановичъ, такъ и Иванъ Никифоровичъ очень не любятъ блохъ; и оттого ни Иванъ Ивановичъ, ни Иванъ Никифоровичъ никакъ не пропустятъ жида съ товарами, чтобы не купить у него элексира въ разныхъ баночкахъ противъ этихъ насѣкомыхъ, выбранивъ напередъ его хорошенько за то, что онъ исповѣдуетъ еврейскую вѣру.

Впрочемъ, несмотря на нѣкоторыя несходства, какъ Иванъ Ивановичъ, такъ и Иванъ Никифоровичъ прекрасные люди.

═

ГЛАВА II,

ИЗЪ КОТОРОЙ МОЖНО УЗНАТЬ, ЧЕГО ЗАХОТѢЛОСЬ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ, О ЧЕМЪ ПРОИСХОДИЛЪ РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ ИВАНОМЪ ИВАНОВИЧЕМЪ И ИВАНОМЪ НИКИФОРОВИЧЕМЪ, И ЧѢМЪ ОНЪ ОКОНЧИЛСЯ.

Утромъ, это было въ іюлѣ мѣсяцѣ, Иванъ Ивановичъ лежалъ подъ навѣсомъ. День былъ жарокъ, воздухъ сухъ и переливался струями. Иванъ Ивановичъ успѣлъ уже побывать за городомъ у косарей и на хуторѣ, успѣлъ разспросить встрѣтившихся мужиковъ и бабъ, откуда, куда и почему; уходился страхъ, и прилегъ отдохнуть. Лежа, онъ долго оглядывалъ коморы,

дворъ, сараи, куръ, бѣгавшихъ по двору, и думалъ про-себя: «Господи, Боже мой, какой я хозяинъ! чего у меня нѣтъ? Птицы, строеніе, амбары, всякая прихоть, водка перегонная, настоянная; въ саду груши, сливы; въ огородѣ макъ, капуста, горохъ.... чего жъ еще нѣтъ у меня?... Хотѣлъ бы я знать, чего нѣтъ у меня?» Задавши себѣ такой глубокомысленный вопросъ, Иванъ Ивановичъ задумался; а между-тѣмъ глаза его отыскали новые предметы, перешагнули черезъ заборъ во дворъ Ивана Никифоровича и занялись невольно любопытнымъ зрѣлищемъ. Тощая баба выносила по-порядку залежалое платье, и развѣшивала его на протянутой веревкѣ вывѣтривать. Скоро, старый мундиръ, съ изношенными обшлагами, протянулъ на воздухъ рукава и обнималъ парчевую кофту; за нимъ высунулся дворянскій съ гербовыми пуговицами, съ отъѣденнымъ воротникомъ; бѣлыя казимировыя панталоны съ пятнами, которыя когда-то натягивались на ноги Ивана Никифоровича, и которыя можно теперь натянуть развѣ на его пальцы; за ними скоро повисли другія въ видѣ буквы Л. Потомъ синій казацкій бешметъ, который шилъ себѣ Иванъ Никифоровичъ назадъ тому лѣтъ двад-

цать, когда готовился-было вступить въ милицію и отпустилъ-было уже усы. Наконецъ, одно къ одному, выставилась шпага, походившая на шпицъ, торчащій въ воздухъ. Потомъ завертѣлись фалды чего-то похожаго на кафтанъ трявяно-зеленаго цвѣта, съ мѣдными пуговицами, величиною въ пятакъ. Изъ-за фалдъ выглянулъ жилетъ, обложенный золотымъ позументомъ, съ большимъ вырѣзомъ напереди. Жилетъ скоро закрыла старая юбка покойной бабушки, съ карманами, въ которые можно было положить по арбузу. Все, мѣшаясь вмѣстѣ, составляло для Ивана Ивановича очень занимательное зрѣлище, между-тѣмъ какъ лучи солнца, охватывая мѣстами синій или зеленый рукавъ, красный обшлагъ, или часть золотой парчи, или играя на шпажномъ шпицѣ, дѣлали его чѣмъ-то необыкновеннымъ, похожимъ на тотъ вертепъ, который развозятъ по хуторамъ кочующіе пройдохи; особливо когда толпа народа, тѣсно сдвинувшись, глядитъ на царя Ирода въ золотой коронѣ, или на Антона, ведущаго козу; за вертепомъ визжитъ скрыпка; цыганъ брянчитъ руками по губамъ своимъ вмѣсто барабана, а солнце заходитъ, и свѣжій холодъ южной ночи незамѣтно прижимается сильнѣе къ

свѣжимъ плечамъ и грудямъ полныхъ хуторянокъ. Скоро старуха вылѣзла изъ кладовой, кряхтя и таща на себѣ старинное сѣдло съ оборванными стременами, съ истертыми кожаными чехлами для пистолетовъ, съ чепракомъ когда-то алаго цвѣта, съ золотымъ шитьемъ и мѣдными бляхами. «Вотъ глупая баба!» подумалъ Иванъ Ивановичъ: «она еще вытащитъ и самого Ивана Никифоровича провѣтривать!» И точно: Иванъ Ивановичъ несовсѣмъ ошибся въ своей догадкѣ. Минутъ черезъ пять воздвигнулись нанковыя шаравары Ивана Никифоровича и заняли собою почти половину двора. Послѣ этого она вынесла еще шапку и ружье. «Что̀ жъ это значитъ?» подумалъ Иванъ Ивановичъ: «я не видѣлъ никогда ружья у Ивана Никифоровича. Что̀ жъ это онъ? стрѣлять не стрѣляетъ, а ружье держитъ! На что̀ жъ оно ему? А вещица славная! я давно себѣ хотѣлъ достать такое; мнѣ очень хочется имѣть это ружьецо: я люблю позабавиться ружьецомъ. Ей, баба, баба!» закричалъ Иванъ Ивановичъ, кивая пальцемъ.

Старуха подошла къ забору.

«Что̀ это у тебя, бабуся, такое?»

«Видите сами, ружье».

«Какое ружье?»

«Кто его знаетъ, какое! Если бъ оно было мое, то я, можетъ-быть, и знала бы, изъ чего оно сдѣлано; но оно панское».

Иванъ Ивановичъ всталъ, и началъ разсматривать ружье со всѣхъ сторонъ, и позабылъ дать выговоръ старухѣ за то̀, что повѣсила его вмѣстѣ со шпагою провѣтривать.

«Оно, должно думать, желѣзное» продолжала старуха.

«Гм! желѣзное. Отчего жъ оно желѣзное?» говорилъ про-себя Иванъ Ивановичъ. «А давно ли оно у пана?»

«Можетъ-быть и давно».

«Хорошая вещица!» продолжалъ Иванъ Ивановичъ: «я выпрошу его; что̀ ему дѣлать съ нимъ? или промѣняюсь на что-нибудь. Что, бабуся, дома панъ?»

«Дома».

«Что онъ, лежитъ?»

«Лежитъ».

«Ну, хорошо; я приду къ нему».

Иванъ Ивановичъ одѣлся, взялъ въ руки суковатую палку отъ собакъ, потому-что въ Мирго-

родѣ гораздо болѣе ихъ попадается на улицѣ, нежели людей, и пошелъ.

Дворъ Ивана Никифоровича хотя былъ возлѣ двора Ивана Ивановича и можно было перелѣзть изъ одного въ другой черезъ плетень; однако жъ Иванъ Ивановичъ пошелъ улицею. Съ этой улицы нужно было перейти въ переулокъ, который былъ такъ узокъ, что если случалось встрѣтиться въ немъ двумъ повозкамъ въ одну лошадь, то онѣ уже не могли разъѣхаться и оставались въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, покамѣстъ схативши за заднія колеса, не вытаскивали ихъ каждую въ противную сторону на улицу; пѣшеходъ же убирался, какъ цвѣтами, репейниками, росшими съ обѣихъ сторонъ возлѣ забора. На этотъ переулокъ выходили съ одной стороны сарай Ивана Ивановича, съ другой амбаръ, ворота и голубятня Ивана Никифоровича. Иванъ Ивановичъ подошелъ къ воротамъ, загремѣлъ щеколдой: изнутри поднялся собачій лай; но разношерстная стая скоро побѣжала, помахивая хвостами, назадъ, увидѣвши, что это было знакомое лицо. Иванъ Ивановичъ перешелъ дворъ, на которомъ пестрѣли индѣйскіе голуби, кормимые собственноручно Иваномъ Никифоровичемъ,

корки арбузовъ и дынь, мѣстами зелень, мѣстами изломанное колесо или обручъ отъ бочки, или валявшійся мальчишка въ запачканной рубашкѣ — картина, которую любятъ живописцы! Тѣнь отъ развѣшанныхъ платьевъ покрывала почти весь дворъ и сообщала ему нѣкоторую прохладу. Баба встрѣтила его поклономъ и, зазѣвавшись, стала на одномъ мѣстѣ. Передъ домомъ охорашивалось крылечко съ навѣсомъ на двухъ дубовыхъ столбахъ, — ненадежная защита отъ солнца, которое въ это время въ Малороссіи не любитъ шутить и обливаетъ пѣшехода съ ногъ до головы жаркимъ пôтомъ. Изъ этого можно было видѣть, какъ сильно было желаніе у Ивана Ивановича пріобрѣсть необходимую вещь, когда онъ рѣшился выйти въ такую пору, измѣнивъ даже своему всегдашнему обыкновенію прогуливаться только вечеромъ.

Комната, въ которую вступилъ Иванъ Ивановичъ, была совершенно темна, потому-что ставни были закрыты и солнечный лучъ, проходя въ дыру, сдѣланную въ ставнѣ, принялъ радужный цвѣтъ и, ударяясь въ противустоявшую стѣну, рисовалъ на ней пестрый ландшафтъ изъ очеретяныхъ крышъ, деревъ и развѣшаннаго на

дворѣ платья, все только въ обращенномъ видѣ. Отъ этого всей комнатѣ сообщался какой-то чудный полусвѣтъ.

«Помоги Богъ!» сказалъ Иванъ Ивановичъ.

«А! здравствуйте, Иванъ Ивановичъ!» отвѣчалъ голосъ изъ угла комнаты. Тогда только Иванъ Ивановичъ замѣтилъ Ивана Никифоровича, лежащаго на разостланномъ на полу коврѣ. «Извините, что я передъ вами въ натурѣ». Иванъ Никифоровичъ лежалъ безо всего, даже безъ рубашки.

«Ничего. Почивали ли вы сегодня, Иванъ Никифоровичъ?»

«Почивалъ. А вы почивали, Иванъ Ивановичъ?»

«Почивалъ».

«Такъ вы теперь и встали?»

«Я теперь всталъ? Христосъ съ вами, Иванъ Никифоровичъ! какъ можно спать до-сихъ-поръ! Я только-что пріѣхалъ изъ хутора. Прекрасныя жита по дорогѣ! восхитительныя! и сѣно такое рослое, мягкое, злачное!»

«Горпина!» закричалъ Иванъ Никифоровичъ: «принеси Ивану Ивановичу водки, да пироговъ со сметаною».

«Хорошее время сегодня».

«Не хвалите, Иванъ Ивановичъ; чтобъ его чортъ взялъ! некуда дѣваться отъ жару».

«Вотъ, таки нужно помянуть чорта. Ей, Иванъ Никифоровичъ! Вы вспомните мое слово, да уже будетъ поздно: достанется вамъ на томъ свѣтѣ за богопротивныя слова».

«Чѣмъ же я обидѣлъ васъ, Иванъ Ивановичъ? Я не тронулъ ни отца', ни матери вашей. Не знаю, чѣмъ я васъ обидѣлъ».

«Полно уже, полно Иванъ Никифоровичъ!»

«Ейбогу, я не обидѣлъ васъ, Иванъ Ивановичъ!»

«Странно, что перепела до-сихъ-поръ нейдутъ подъ дудочку».

«Какъ вы себѣ хотите, думайте, что́ вамъ угодно, только я васъ не обидѣлъ ничѣмъ».

«Не знаю, отчего они нейдутъ» говорилъ Иванъ Ивановичъ, какъ-бы не слушая Ивана Никифоровича: «время ли не приспѣло еще, только время, кажется, такое, какое нужно».

«Вы говорите, что жита хорошія».

«Восхитительныя жита, восхитительныя!» Засимъ послѣдовало молчаніе.

«Что́ это вы, Иванъ Никифоровичъ, платье развѣшиваете?» наконецъ сказалъ Иванъ Ивановичъ.

*

«Да, прекрасное, почти новое платье загноила проклятая баба; теперь провѣтриваю; сукно тонкое, превосходное, только вывороти — и можно снова носить».

«Мнѣ тамъ понравилась одна вещица, Иванъ Никифоровичъ».

«Какая?»

«Скажите пожалуйста, на что вамъ это ружье, что выставлено вывѣтривать вмѣстѣ съ платьемъ?» Тутъ Иванъ Ивановичъ поднесъ табаку: «смѣю ли просить объ одолженіи?»

«Ничего, одолжайтесь! я понюхаю своего!» При этомъ Иванъ Никифоровичъ пощупалъ вокругъ себя и досталъ рожокъ. «Вотъ глупая баба, такъ она и ружье туда же повѣсила! Хорошій табакъ жидъ дѣлаетъ въ Сорочинцахъ. Я не знаю, что онъ кладетъ туда, а такое душистое! на кануперъ немного похоже. Вотъ возьмите, разжуйте немножко во рту: не правда ли, похоже на кануперъ? возьмите, одолжайтесь!»

«Скажите пожалуйста, Иванъ Никифоровичъ, я все на-счетъ ружья: что вы будете съ нимъ дѣлать? вѣдь оно вамъ не нужно».

«Какъ не нужно? а случится стрѣлять».

«Господь съ вами, Иванъ Никифоровичъ, когда же вы будете стрѣлять? Развѣ по второмъ пришествіи. Вы, сколько я знаю и другіе запомнятъ, ни одной еще качки не убили, да и ваша натура не такъ уже Господомъ Богомъ устроена, чтобъ стрѣлять. Вы имѣете осанку и фигуру важную: какъ же вамъ таскаться по болотамъ, когда ваше платье, которое не во всякой рѣчи прилично назвать по имени, провѣтривается и теперь еще, — что же тогда? Нѣтъ, вамъ нужно имѣть покой, отдохновеніе. (Иванъ Ивановичъ, какъ упомянуто выше, необыкновенно живописно говорилъ, когда нужно было убѣждать кого. Какъ онъ говорилъ! Боже, какъ онъ говорилъ!) Да, такъ вамъ нужны приличные поступки. Послушайте, отдайте его мнѣ!»

«Какъ можно! это ружье дорогое; такихъ ружьевъ теперь не сыщете нигдѣ. Я еще, какъ собирался въ милицію, купилъ его у турчина; а теперь бы-то такъ вдругъ и отдать его! Какъ можно? это вещь необходимая».

«На что же она необходимая?»

«Какъ на что? А когда нападутъ на домъ разбойники... Еще бы не необходимая. Слава тебѣ Господи! теперь я спокоенъ и не боюсь никого;

а отчего? оттого, что я знаю, что у меня стоитъ въ коморѣ ружье».

«Хорошее ружье! Да у него, Иванъ Никифоровичъ, замокъ испорченъ».

«Что жъ, что испорченъ? Можно починить; нужно только смазать конопляннымъ масломъ, чтобъ не ржавѣлъ».

«Изъ вашихъ словъ, Иванъ Никифоровичъ, я никакъ не вижу дружественнаго ко мнѣ расположенія. Вы ничего не хотите сдѣлать для меня въ знакъ пріязни».

«Какъ же это вы говорите, Иванъ Ивановичъ, что я вамъ не оказываю никакой пріязни? Какъ вамъ не совѣстно? Ваши волы пасутся на моей степи, и я ни разу не занималъ ихъ. Когда ѣдете въ Полтаву, всегда просите у меня повозки, и что жъ? развѣ я отказалъ когда? Ребятишки ваши перелѣзаютъ чрезъ плетень въ мой дворъ и играютъ съ моими собаками — я ничего не говорю: пусть себѣ играютъ, лишь бы ничего не трогали! пусть себѣ играютъ!»

«Когда не хотите подарить, такъ, пожалуй, помѣняемся».

«Что жъ вы дадите мнѣ за него?» При этомъ

Иванъ Никифоровичъ облокотился на руку и поглядѣлъ на Ивана Ивановича.

«Я вамъ дамъ за него бурую свинью, ту самую, что̀ я откормилъ въ сажу. Славная свинья! Увидите, если на слѣдующій годъ она не наведетъ вамъ поросятъ».

«Я не знаю, какъ вы, Иванъ Ивановичъ, можете это говорить. На что̀ мнѣ свинья ваша? развѣ чорту поминки дѣлать».

«Опять! безъ чорта таки-нельзя обойтиться! Грѣхъ вамъ, ейбогу грѣхъ, Иванъ Никифоровичъ!»

«Какъ же вы въ-самомъ-дѣлѣ, Иванъ Ивановичъ, даете за ружье, чортъ знаетъ что̀ такое: свинью».

»Отчего же она, чортъ знаетъ что̀ такое, Иванъ Никифоровичъ?»

«Какъ же, вы бы сами посудили хорошенько: это-таки ружье — вещь извѣстная; а то̀ чортъ знаетъ что̀ такое — свинья. Если бы не вы говорили, я бы могъ это принять въ обидную для себя сторону».

«Что̀ жъ нехорошаго замѣтили вы въ свиньѣ?»

«За кого же въ-самомъ-дѣлѣ вы принимаете меня? чтобъ я свинью. . . .»

«Садитесь, садитесь! не буду уже. . . . Пусть вамъ остается ваше ружье, пускай себѣ сгніетъ и перержавѣетъ, стоя въ углу въ коморѣ — не хочу больше говорить о немъ».

Послѣ этого послѣдовало молчаніе.

«Говорятъ» началъ Иванъ Ивановичъ: «что три короля объявили войну царю нашему».

«Да, говорилъ мнѣ Петръ Ѳедоровичъ; что̀ жъ это за война? и отчего она?»

«Навѣрное не можно сказать, Иванъ Никифоровичъ, за что̀ она. Я полагаю, что короли хотятъ, чтобы мы всѣ приняли турецкую вѣру».

«Вишь, дурни, чего захотѣли!» произнесъ Иванъ Никифоровичъ, приподнявши голову.

«Вотъ видите, а царь нашъ и объявилъ имъ за то̀ войну: нѣтъ, говоритъ, примите вы сами вѣру Христову!»

«Что жъ? вѣдь наши побьютъ ихъ, Иванъ Ивановичъ!»

«Побьютъ. Такъ не хотите, Иванъ Никифоровичъ, мѣнять ружьеца?»

«Мнѣ странно, Иванъ Ивановичъ, вы, кажется, человѣкъ извѣстный ученостью, а говорите какъ недоросль. Что̀ бы я за дуракъ такой. . .»

«Садитесь, садитесь. Богъ съ нимъ! пусть оно

себѣ околѣетъ; не буду больше говорить!...»

Въ это время принесли закуску.

Иванъ Ивановичъ выпилъ рюмку и закусилъ пирогомъ съ сметаною. «Слушайте, Иванъ Никифоровичъ: я вамъ дамъ, кромѣ свиньи, еще два мѣшка овса; вѣдь овса вы не сѣяли. Этотъ годъ, все равно, вамъ нужно будетъ покупать овесъ».

«Ейбогу, Иванъ Ивановичъ, съ вами говорить нужно гороху наѣвшись. (Это еще ничего, Иванъ Никифоровичъ и не такія фразы отпускаетъ.) Гдѣ видно, чтобы кто ружье промѣнялъ на два мѣшка овса? Небось, бекеши своей не поставите».

«Но вы позабыли, Иванъ Никифоровичъ, что я и свинью еще даю вамъ».

«Какъ! два мѣшка овса и свинью — за ружье?»

«Да что жъ, развѣ мало?»

«За ружье?»

«Конечно за ружье».

«Два мѣшка за ружье?»

«Два мѣшка не пустыхъ, а съ овсомъ; а свинью позабыли?»

«Поцалуйтесь съ своею свиньею, а коли не хотите, такъ съ чортомъ!»

«О! васъ зацѣпи только! Увидите: нашпигу-

ютъ вамъ на томъ свѣтѣ языкъ горячими иголками за такія богомерзкія слова. Послѣ разговора съ вами нужно и лицо и руки умыть и самому окуриться».

«Позвольте, Иванъ Ивановичъ; ружье — вещь благородная, самая любопытная забава, притомъ и украшеніе въ комнатѣ пріятное...»

«Вы, Иванъ Никифоровичъ, разносились такъ съ своимъ ружьемъ, какъ *дурень съ писанною торбою*» сказалъ Иванъ Ивановичъ съ досадою, потому-что дѣйствительно начиналъ уже сердиться.

«А вы, Иванъ Ивановичъ, настоящій гусакъ.»

Если бы Иванъ Никифоровичъ не сказалъ этого слова, то они бы поспорили между-собою и разошлись, какъ всегда, пріятелями; но теперь произошло совсѣмъ другое. Иванъ Ивановичъ весь вспыхнулъ.

«Чтò вы такое сказали, Иванъ Никифоровичъ?» спросилъ онъ, возвысивъ голосъ.

«Я сказалъ, что вы похожи на гусака, Иванъ Ивановичъ!»

«Какъ же вы смѣли, сударь, позабывъ и приличіе и уваженіе къ чину и фамиліи человѣка, обезчестить такимъ поноснымъ именемъ?»

«Чтò жъ тутъ поноснаго? Да чего вы въ-са-

момъ-дѣлѣ такъ размахались руками, Иванъ Ивановичъ!»

«Я повторяю, какъ вы осмѣлились, въ противность всѣхъ приличій, назвать меня гусакомъ?»

«Начхать я вамъ на голову, Иванъ Ивановичъ! Что̀ вы такъ раскудахтались».

Иванъ Ивановичъ не могъ болѣе владѣть собою: губы его дрожали; ротъ измѣнилъ обыкновенное положеніе *ижицы* и сдѣлался похожимъ на *О*; глазами онъ такъ мигалъ, что сдѣлалось страшно. Это было у Ивана Ивановича чрезвычайно рѣдко; нужно было для этого его сильно разсердить. «Такъ я жъ вамъ объявляю» произнесъ Иванъ Ивановичъ: «что я знать васъ не хочу».

«Большая бѣда! ейбогу не запла̀чу отъ этого!» отвѣчалъ Иванъ Никифоровичъ. Лгалъ, лгалъ, ейбогу лгалъ! ему очень было досадно это.

«Нога моя не будетъ у васъ въ домѣ».

«Эге, ге!» сказалъ Иванъ Никифоровичъ, съ досады не зная самъ что̀ дѣлать и, противъ обыкновенія, вставъ на ноги. «Ей баба, хлопче!» При семъ показалась изъ-за дверей та самая тощая баба и небольшаго роста мальчикъ, запутанный въ длинный и широкій сюртукъ. «Возьмите

Ивана Ивановича за руки, да выведите его за двери!»

«Какъ! дворянина?» закричалъ съ чувствомъ достоинства и негодованія Иванъ Ивановичъ: «осмѣльтесь только! подступите! я васъ уничтожу съ глупымъ вашимъ паномъ! Воронъ не найдетъ мѣста вашего!» (Иванъ Ивановичъ говорилъ необыкновенно сильно, когда душа его бывала потрясена.) Вся группа представляла сильную картину: Иванъ Никифоровичъ, стоявшій посреди комнаты въ полной красотѣ своей безъ всякаго украшенія! Баба, разинувшая ротъ и выразившая на лицѣ самую безмысленную, исполненную страха мину! Иванъ Ивановичъ съ поднятою вверхъ рукою, какъ изображались римскіе трибуны! Это была необыкновенная минута! спектакль великолѣпный! и между-тѣмъ только одинъ былъ зрителемъ: это былъ мальчикъ въ неизмѣримомъ сюртукѣ, который стоялъ довольно покойно и чистилъ пальцемъ свой носъ. . . . . .

Наконецъ Иванъ Ивановичъ взялъ шапку свою: «Очень хорошо поступаете вы, Иванъ Никифоровичъ! прекрасно! Я это припомню».

«Ступайте, Иванъ Ивановичъ, ступайте! да

глядите, не попадайтесь мнѣ: а не то я вамъ, Иванъ Ивановичъ, всю морду побью!»

«Вотъ вамъ за это, Иванъ Никифоровичъ!» отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, выставивъ ему кукишъ и хлопнувъ за собою дверью, которая съ визгомъ захрипѣла и отворилась снова. Иванъ Никифоровичъ показался въ дверяхъ и что-то хотѣлъ присовокупить, но Иванъ Ивановичъ уже не оглядывался и летѣлъ со двора.

═

ГЛАВА III.

ЧТО̀ ПРОИЗОШЛО ПОСЛѢ ССОРЫ ИВАНА ИВАНОВИЧА СЪ ИВАНОМЪ НИКИФОРОВИЧЕМЪ?

Итакъ, два почтенные мужа, честь и украшеніе Миргорода, поссорились между собою! и за что̀? за вздоръ, за гусака! не захотѣли видѣть другъ друга, прервали всѣ связи, между-тѣмъ-какъ прежде были извѣстны за самыхъ неразлучныхъ друзей. Каждый день, бывало, Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ посылаютъ другъ къ другу узнать о здоровьи и ча-

сто переговариваются другъ съ другомъ съ своихъ балконовъ и говорятъ другъ другу такія пріятныя рѣчи, что сердцу любо слушать было. По воскреснымъ днямъ, бывало, Иванъ Ивановичъ въ штаметовой бекешѣ, Иванъ Никифоровичъ въ нанковомъ желто-коричневомъ казакинѣ отправляются почти объ-руку другъ съ другомъ въ церковь. И если Иванъ Ивановичъ, который имѣлъ глаза чрезвычайно зоркіе, первый замѣчалъ лужу, или какую-нибудь нечистоту посреди улицы, что̀ бываетъ иногда въ Миргородѣ, то всегда говорилъ Ивану Никифоровичу: «берегитесь, не ступите сюда ногою, ибо здѣсь не хорошо». Иванъ Никифоровичъ съ своей стороны показывалъ тоже самые трогательные знаки дружбы, и гдѣ бы ни стоялъ, всегда протянетъ къ Ивану Ивановичу руку съ рожкомъ примолвивши: «одолжайтесь!» А какое прекрасное хозяйство у обоихъ!... и эти два друга... Когда я услышалъ объ этомъ, то меня какъ громомъ поразило! Я долго не хотѣлъ вѣрить. Боже праведный! Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ! Такіе достойные люди! Что̀ жъ теперь прочно на этомъ свѣтѣ?

Когда Иванъ Ивановичъ пришелъ къ себѣ до-

мой, то долго былъ въ сильномъ волненіи. Онъ, бывало, прежде всего зайдетъ въ конюшню посмотрѣть, ѣстъ ли кобылка сѣно (у Ивана Ивановича кобылка саврасая съ лысиной на лбу. Хорошая очень лошадка); потòмъ покормитъ индѣекъ и поросятъ изъ своихъ рукъ, и тогда уже идетъ въ покои, гдѣ или дѣлаетъ деревянную посуду (онъ очень искусно, не хуже токаря умѣетъ выдѣлывать разныя вещи изъ дерева), или читаетъ книжку, печатанную у Любія Гарія и Попова (названія ея Иванъ Ивановичъ не помнитъ, потому-что дѣвка уже очень давно оторвала верхнюю часть заглавнаго листка, забавляя дитя), или же отдыхаетъ подъ навѣсомъ. Теперь же онъ не взялся ни за одно изъ всегдашнихъ своихъ занятій; вмѣсто того, встрѣтивши Гапку, началъ бранить, зачѣмъ она шатается безъ дѣла, между-тѣмъ-какъ она тащила крупу въ кухню; кинулъ палкой въ пѣтуха, который пришелъ къ крыльцу за обыкновенной подачей; и когда подбѣжалъ къ нему запачканный мальчишка въ изодранной рубашонкѣ и закричалъ: «тятя, тятя! дай пряника!» то онъ ему такъ страшно пригрозилъ и затопалъ ногами, что испуганный мальчишка забѣжалъ, Богъ знаетъ куда.

Наконецъ однако жъ онъ одумался и началъ заниматься всегдашними дѣлами. Поздно сталъ онъ обѣдать, и уже ввечеру почти легъ отдыхать подъ навѣсомъ. Хорошій борщъ съ голубями, который сварила Гапка, выгналъ совершенно утреннее происшествіе. Иванъ Ивановичъ опять началъ съ удовольствіемъ разсматривать свое хозяйство. Наконецъ остановилъ глаза на сосѣднемъ дворѣ и сказалъ самъ-себѣ: «сегодня я не былъ у Ивана Никифоровича; пойду-ка къ нему». Сказавши это, Иванъ Ивановичъ взялъ палку и шапку и отправился на улицу; но едва только вышелъ за ворота, какъ вспомнилъ ссору, плюнулъ и возвратился назадъ. Почти такое же движеніе случилось и на дворѣ Ивана Никифоровича. Иванъ Ивановичъ видѣлъ, какъ баба уже поставила ногу на плетень съ намѣреніемъ перелѣзть на его дворъ, какъ вдругъ послышался голосъ Ивана Никифоровича: «назадъ! назадъ! ненужно!» Однако жъ Ивану Ивановичу сдѣлалось очень скучно. Весьма могло быть, что сіи достойные люди на другой же бы день помирились, еслибы особенное происшествіе въ домѣ Ивана Ивановича не уничтожило всякую надежду и не подлило масла въ готовый погаснуть огонь вражды.

Къ Ивану Никифоровичу ввечеру въ тотъ же день пріѣхала Агафія Ѳедосѣевна. Агафія Ѳедосѣевна не была ни родственницей, ни свояченицей, ни даже кумой Ивану Никифоровичу. Казалось бы, ей совершенно не зачѣмъ было къ нему ѣздить; и онъ самъ былъ не слишкомъ ей радъ; однако жъ она ѣздила и проживала у него по цѣлымъ недѣлямъ, а иногда и болѣе. Тогда она отбирала ключи и весь домъ брала на свои руки. Это было очень непріятно Ивану Никифоровичу; однако жъ онъ, къ удивленію, слушалъ ее, какъ ребенокъ, и хотя иногда и пытался спорить, однако Агафія Ѳедосѣевна всегда брала верхъ.

Я, признаюсь, не понимаю, для чего это такъ устроено, что женщины хватаютъ насъ за носъ, также ловко, какъ-будто за ручку чайника? или руки ихъ такъ созданы, или носы наши ни на что̀ болѣе не годятся. И несмотря на то̀, что носъ Ивана Никифоровича былъ нѣсколько похожъ на сливу, она все-таки схватила его за этотъ носъ и водила за собою, какъ собачку. Онъ даже невольно измѣнилъ при ней обыкновенный свой образъ жизни: не такъ долго лежалъ на солнцѣ, если же и лежалъ, то не въ

натуръ, а всегда надѣвалъ рубашку и шаровары, хотя Агаѳія Ѳедосѣевна совершенно этого не требовала: она была неохотница до церемоній, и когда Иванъ Никифоровичъ страдалъ лихорадкою, она сама своими руками вытирала его съ ногъ до головы скипидаромъ и уксусомъ. Агаѳія Ѳедосѣевна носила на головѣ чепецъ, три бородавки на носу и кофейный капотъ съ желтенькими цвѣтами. Весь станъ ея похожъ былъ на кадушку, и оттого отыскать ея талію было такъ же трудно, какъ увидѣть безъ зеркала свой носъ. Ножки ея были коротенькія, сформированныя на образецъ двухъ подушекъ. Она сплетничала и ѣла вареные бураки по утрамъ, и отлично-хорошо ругалась — и при всѣхъ этихъ разнообразныхъ занятіяхъ лицо ея ни на минуту не измѣняло своего выраженія, что̀ обыкновенно могутъ показывать однѣ только женщины.

Какъ только она пріѣхала, все пошло навыворотъ: «Ты, Иванъ Никифоровичъ, не мирись съ нимъ и не проси прощенія: онъ тебя погубить хочетъ, это таковскій человѣкъ! Ты его еще не знаешь». Шушукала, шушукала проклятая баба и сдѣлала то̀, что Иванъ Никифоровичъ и слышать не хотѣлъ объ Иванѣ Ивановичѣ.

Все приняло другой видъ: если сосѣдняя собака забѣгала когда на дворъ, то ее колотили, чѣмъ ни попало; ребятишки, перелѣзавшіе черезъ заборъ, возвращались съ воплемъ, съ поднятыми вверхъ рубашонками и съ знаками розогъ назади. Даже самая баба, когда Иванъ Ивановичъ хотѣлъ-было ее спросить о чемъ-то, сдѣлала такую непристойность, что Иванъ Ивановичъ, какъ человѣкъ чрезвычайно деликатный плюнулъ и примолвилъ только: «экая скверная баба! хуже своего пана!»

Наконецъ, къ довершенію всѣхъ оскорбленій, ненавистный сосѣдъ выстроилъ прямо противъ него, гдѣ обыкновенно былъ перелазъ чрезъ плетень, гусиный хлѣвъ, какъ-будто съ особеннымъ намѣреніемъ усугубить оскорбленіе. Этотъ отвратительный для Ивана Ивановича хлѣвъ выстроенъ былъ съ дьявольскою скоростью: въ одинъ день.

Это возбудило въ Иванѣ Ивановичѣ злость и желаніе отомстить. Онъ не показалъ однако жъ никакого вида огорченія, несмотря на то̀, что хлѣвъ даже захватилъ часть его земли; но сердце у него такъ билось, что ему было чрезвычайно трудно сохранять это наружное спокойствіе.

Такъ провелъ онъ день. Настала ночь. . . . О, если бъ я былъ живописецъ, я бы чудно изобразилъ всю прелесть ночи! Я бы изобразилъ, какъ спитъ весь Миргородъ; какъ неподвижно глядятъ на него безчисленныя звѣзды; какъ видимая тишина оглашается близкимъ и далекимъ лаемъ собакъ; какъ мимо ихъ несется влюбленный пономарь и перелѣзаетъ чрезъ плетень съ рыцарскимъ безстрашіемъ; какъ бѣлыя стѣны домовъ, охваченныя лунымъ свѣтомъ, становятся болѣе, осѣняющія ихъ деревья темнѣе, тѣнь отъ деревьевъ ложится чернѣе, цвѣты и умолкнувшая трава душистѣе, и сверчки, неугомонные рыцари ночи, дружно изо всѣхъ угловъ заводятъ свои трескучія пѣсни. Я бы изобразилъ, какъ въ одномъ изъ этихъ низенькихъ, глиняныхъ домиковъ, разметавшейся на одинокой постелѣ чернобровой горожанкѣ, съ дрожащими молодыми грудями, снится гусарскій усъ и шпоры, а свѣтъ луны смѣется на ея щекахъ. Я бы изобразилъ, какъ по бѣлой дорогѣ мелькаетъ чорная тѣнь летучей мыши, которая садится на бѣлыя трубы домовъ... Но врядъ-ли бы я могъ изобразить Ивана Ивановича, вышедшаго въ эту ночь съ пилою въ рукѣ: столько на

лицѣ у него было написано разныхъ чувствъ! Тихо, тихо подкрался онъ и подлѣзъ подъ гусиный хлѣвъ. Собаки Ивана Никифоровича еще ничего не знали о ссорѣ между ними, и потому позволили ему, какъ старому пріятелю, подойти къ хлѣву, который весь держался на четырехъ дубовыхъ столбахъ; подлѣзши къ ближнему столбу, приставилъ онъ къ нему пилу и началъ пилить. Шумъ, производимый пилою, заставлялъ его поминутно оглядываться; но мысль объ обидѣ возвращала бодрость. Первый столбъ былъ подпиленъ; Иванъ Ивановичъ принялся за другой. Глаза его горѣли и ничего не видѣли отъ страха. Вдругъ Иванъ Ивановичъ вскрикнулъ и обомлѣлъ: ему показался мертвецъ; но скоро онъ пришелъ въ-себя, увидѣвши, что это былъ гусь, просунувшій къ нему свою шею. Иванъ Ивановичъ плюнулъ отъ негодованія и началъ продолжать работу. И второй столбъ подпиленъ: зданіе пошатнулось. Сердце у Ивана Ивановича начало такъ страшно биться, когда онъ принялся за третій, что онъ нѣсколько разъ прекращалъ работу; уже болѣе половины столба было подпилено, какъ вдругъ шаткое зданіе сильно покачнулось... Иванъ Ивановичъ едва успѣлъ отско-

чить, какъ оно рухнуло съ трескомъ. Схвативши пилу, въ страшномъ испугѣ, прибѣжалъ онъ домой и бросился на кровать, не имѣя даже духу поглядѣть въ окно на слѣдствія своего страшнаго дѣла. Ему казалось, что весь дворъ Ивана Никифоровича собрался: старая баба, Иванъ Никифоровичъ, мальчикъ въ безконечномъ сюртукѣ, всѣ съ дрекольями, предводительствуемые Агафіей Ѳедосѣевной, шли разорять и ломать его домъ.

Весь слѣдующій день провелъ Иванъ Ивановичъ, какъ въ лихорадкѣ. Ему все чудилось, что ненавистный сосѣдъ, въ отмщеніе за это по-крайней-мѣрѣ подожжетъ домъ его; и потому онъ далъ повелѣніе Гапкѣ, поминутно осматривать вездѣ, не подложено ли гдѣ-нибудь сухой соломы. Наконецъ, чтобы предупредить Ивана Никифоровича, онъ рѣшился забѣжать зайцемъ впередъ и подать на него прошеніе въ миргородскій повѣтовый судъ. Въ чемъ оно состояло, объ этомъ можно узнать изъ слѣдующей главы.

═

ГЛАВА IV

О ТОМЪ, ЧТО ПРОИЗОШЛО ВЪ ПРИСУТСТВІИ МИРГОРОДСКАГО ПОВѢТОВАГО СУДА.

Чудный городъ Миргородъ! Какихъ въ немъ нѣтъ строеній! И подъ соломенною, и подъ очеретяною, даже подъ деревянною крышею; направо улица, налѣво улица, вездѣ прекрасный плетень; по немъ вьется хмѣль, на немъ висятъ горшки, изъ-за него подсолнечникъ выказываетъ свою солнцеобразную голову, краснѣетъ макъ, мелькаютъ толстыя тыквы. . . . Роскошь!

Плетень всегда убранъ предметами, которые дѣлаютъ его еще болѣе живописнымъ: или напяленною плахтою, или сорочкою, или шараварами. Въ Миргородѣ нѣтъ ни воровства, ни мошенничества, и потому каждый вѣшаетъ на плетень, что ему вздумается. Если будете подходить къ площади, то, вѣрно, на время остановитесь полюбоваться видомъ: на ней находится лужа, удивительная лужа! единственная, какую только вамъ удавалось когда-нибудь видѣть! Она занимаетъ почти всю площадь. Прекрасная лужа! Дома и домики, которые издали можно принять за копны сѣна, обступивши вокругъ, дивятся красотѣ ея.

Но я тѣхъ мыслей, что нѣтъ лучше дома, какъ повѣтовый судъ. Дубовый ли онъ, или березовый— мнѣ нѣтъ дѣла; но въ немъ, милостивые государи, восемь окошекъ! восемь окошекъ въ рядъ, прямо на площадь, и на то водное пространство, о которомъ я уже говорилъ и которое городничій называетъ озеромъ! Одинъ только онъ окрашенъ цвѣтомъ гранита; всѣ прочіе дома въ Миргородѣ просто выбѣлены. Крыша на немъ вся деревянная, и была бы даже выкрашена красною краскою, еслибы приготовленное для того масло,

канцелярскіе, приправивши лукомъ, не съѣли, что было, какъ нарочно, во время поста, и крыша осталась не крашеною. На площадь выступаетъ крыльцо, на которомъ часто бѣгаютъ куры, оттого-что на крыльцѣ всегда почти разсыпаны крупы, или что-нибудь съѣстное, что впрочемъ дѣлается не нарочно, но единственно отъ неосторожности просителей. Домъ раздѣленъ на двѣ половины: въ одной *присутствіе*, въ другой *арестантская*. Въ той половинѣ, гдѣ присутствіе, находятся двѣ комнаты чистыя, выбѣленныя; одна передняя, для просителей; въ другой столъ, украшенный чернильными пятнами; на столѣ зерцало; четыре дубовые стула съ высокими спинками; возлѣ стѣнъ сундуки, кованные желѣзомъ, въ которыхъ сохранялись кипы повѣтовой ябеды. На одномъ изъ этихъ сундуковъ стоялъ тогда сапогъ, вычищенный ваксою. Присутствіе началось еще съ утра. Судья, довольно полный человѣкъ, хотя нѣсколько тонѣе Ивана Никифоровича, съ доброю миною, въ замасляномъ халатѣ, съ трубкою и чашкою чаю, разговаривалъ съ подсудкомъ. У судьи губы находились подъ самымъ носомъ, и оттого носъ его могъ нюхать верхнюю губу, сколько душѣ угодно было.

Эта губа служила ему вмѣсто табакерки, потому-что табакъ, адресуемый въ носъ, почти всегда сѣялся на нее. И такъ судья разговаривалъ съ подсудкомъ. Босая дѣвка держала въ сторонѣ подносъ съ чашками.

Въ концѣ стола секретарь читалъ рѣшеніе дѣла, но такимъ однообразнымъ и заунывнымъ тономъ, что самъ подсудимый заснулъ бы, слушая. Судья, безъ-сомнѣнія, это бы сдѣлалъ прежде всѣхъ, еслибы не вошелъ между-тѣмъ въ занимательный разговоръ.

«Я нарочно старался узнать» говорилъ судья, прихлебывая чай уже изъ простывшей чашки: «какимъ-образомъ это дѣлается, что они поютъ хорошо. У меня былъ славный дроздъ, года два тому назадъ. Что жъ? вдругъ испортился совсѣмъ, началъ пѣть, Богъ знаетъ что, чѣмъ далѣе хуже — хуже, сталъ картавить, хрипѣть, хоть выбрось! А вѣдь самый вздоръ! это вотъ отчего дѣлается: подъ горлышкомъ дѣлается бобонъ, меньше горошинки. Этотъ бобончикъ нужно только проколоть иголкою. Меня научилъ этому Захаръ Прокофьевичъ, и именно, если хотите, я вамъ разскажу, какимъ это было образомъ: пріѣзжаю я къ нему....»

«Прикажете, Демьянъ Демьяновичъ, читать другое?» прервалъ секретарь, уже нѣсколько минутъ окончившій чтеніе.

«А вы уже прочитали? Представьте, какъ скоро! Я и не услышалъ ничего! Да гдѣ жъ оно? дайте его сюда, я подпишу. Что́ тамъ еще у васъ?»

«Дѣло казака Бокитька о краденой коровѣ».

«Хорошо, читайте! Да, такъ пріѣзжаю я къ нему... Я могу даже разсказать вамъ подробно, какъ онъ угостилъ меня. Къ водкѣ былъ поданъ балыкъ, единственный! Да, не нашего балыка, которымъ (при этомъ судья сдѣлалъ языкомъ и улыбнулся, причемъ носъ его понюхалъ свою всегдашнюю табакерку) которымъ угощаетъ наша бакалейная миргородская лавка. Селедки я не ѣлъ, потому-что, какъ вы сами знаете, у меня отъ нея дѣлается изжога подъ ложечкою; но икры отвѣдалъ; прекрасная икра! нечего сказать, отличная! потомъ выпилъ я водки персиковой, настоянной на золототысячникъ. Была и шафранная; но шафранной, какъ вы сами знаете, я не употребляю. Оно, видите, очень хорошо: напередъ, какъ говорятъ, раззадорить аппетитъ, а потомъ уже завершить.... А! слыхомъ-слыхать,

видомъ-видать...» вскричалъ вдругъ судья, увидѣвъ входящаго Ивана Ивановича.

«Богъ въ помощь! желаю здравствовать!» произнесъ Иванъ Ивановичъ, поклонившись на всѣ стороны съ свойственною ему одному пріятностію. Боже мой! какъ онъ умѣлъ обворожить всѣхъ своимъ обращеніемъ! Тонкости такой я нигдѣ не видывалъ. Онъ зналъ очень хорошо самъ свое достоинство и потому на всеобщее почтеніе смотрѣлъ, какъ на должное. Судья самъ подалъ стулъ Ивану Ивановичу, носъ его потянулъ съ верхней губы весь табакъ, что̀ всегда было у него знакомъ большаго удовольствія.

«Чѣмъ прикажете потчивать васъ, Иванъ Ивановичъ?» спросилъ онъ: «не прикажете ли чашку чаю?»

«Нѣтъ, весьма благодарю» отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, поклонился и сѣлъ.

«Сдѣлайте милость, одну чашечку!» повторилъ судья.

«Нѣтъ, благодарю; весьма доволенъ гостепріимствомъ!» отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, поклонился и сѣлъ.

«Одну чашку» повторилъ судья.

«Нѣтъ, не безпокойтесь, Демьянъ Демьяновичъ!»

При этомъ Иванъ Ивановичъ поклонился и сѣлъ.

«Чашечку?»

«Ужъ такъ и быть, развѣ чашечку!» произнесъ Иванъ Ивановичъ и протянулъ руку къ подносу.

Господи Боже! какая бездна тонкости бываетъ у человѣка! Нельзя разсказать, какое пріятное впечатлѣніе производятъ такіе поступки!

«Не прикажете ли еще чашечку?»

«Покорно благодарствую» отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, ставя на подносъ опрокинутую чашку и кланяясь.

«Сдѣлайте одолженіе, Иванъ Ивановичъ!»

«Не могу; весьма благодаренъ». При этомъ Иванъ Ивановичъ поклонился и сѣлъ.

«Иванъ Ивановичъ! сдѣлайте дружбу, одну чашечку!»

«Нѣтъ, весьма обязанъ за угощеніе». Сказавши это, Иванъ Ивановичъ поклонился и сѣлъ.

«Только чашечку! одну чашечку!»

Иванъ Ивановичъ протянулъ руку къ подносу и взялъ чашку.

Фу, ты пропасть! какъ можетъ, какъ найдется человѣкъ поддержать свое достоинство!

«Я, Демьянъ Демьяновичъ» говорилъ Иванъ

Ивановичъ, допивая послѣдній глотокъ: «я къ вамъ имѣю необходимое дѣло: я подаю позовъ». При этомъ Иванъ Ивановичъ поставилъ чашку и вынулъ изъ кармана исписанный гербовый листъ бумаги. «Позовъ на врага моего, на заклятаго врага».

«На кого же это?»

«На Ивана Никифоровича Довгочхуна».

При этихъ словахъ судья чуть не упалъ со стула. «Что̀ вы говорите!» произнесъ онъ, всплеснувъ руками: «Иванъ Ивановичъ! вы ли это?»

«Видите сами, что я».

«Господь съ вами и всѣ святые! Какъ! вы! Иванъ Ивановичъ! стали непріятелемъ Ивану Никифоровичу! Ваши ли это уста говорятъ? повторите еще! Да не спрятался ли у васъ кто-нибудь сзади и говоритъ вмѣсто васъ?...»

«Что̀ жъ тутъ невѣроятнаго. Я не могу смотрѣть на него: онъ нанесъ мнѣ смертельную обиду, оскорбилъ честь мою».

«Пресвятая Троица! какъ же мнѣ теперь увѣрить матушку! А она, старушка, каждый день, какъ только мы поссоримся съ сестрою, говоритъ: вы, дѣтки, живете между собою, какъ собаки. Хоть бы вы взяли примѣръ съ Ивана Ивановича и

Ивана Никифоровича: вотъ ужъ друзья, такъ друзья! то-то пріятели! то-то достойные люди! — вотъ тебѣ и пріятели! Разскажите, за что же это? какъ?»

«Это дѣло деликатное, Демьянъ Демьяновичъ! на словахъ его нельзя разсказать: прикажите лучше прочитать просьбу. Вотъ, возьмите съ этой стороны, здѣсь приличнѣе.

«Прочитайте, Тарасъ Тихоновичъ!» сказалъ судья, оборотившись къ секретарю.

Тарасъ Тихоновичъ взялъ просьбу, и высморкавшись такимъ-образомъ, какъ сморкаютъ всѣ секретари по повѣтовымъ судамъ, съ помощью двухъ пальцевъ, началъ читать:

Отъ дворянина миргородскаго повѣта и помѣщика Ивана Иванова сына Перерепенка прошеніе; а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

1). Извѣстный всему свѣту своими богопротивными, въ омерзѣніе приводящими и всякую мѣру превышающими законопреступными поступками, дворянинъ Иванъ Никифоровъ, сынъ Довгочхунъ, сего 1810 года, іюля 7 дня учинилъ мнѣ смертельную обиду, какъ персонально до чести относящуюся, такъ равномѣрно въ уничиженіе и конфузію чина моего и фамиліи. Оный дворянинъ и самъ притомъ гнуснаго вида, характеръ имѣетъ бранчивый

и преисполнен разнаго рода богохуленіями и бранными словами!

Тут чтецъ немного остановился, чтобы снова высморкаться, а судья съ благоговѣніемъ сложилъ руки и только говорилъ про-себя: «что за бойкое перо! Господи Боже! какъ пишетъ этотъ человѣкъ!»

Иванъ Ивановичъ просилъ читать далѣе, и Тарасъ Тихоновичъ продолжалъ:

Оный дворянинъ, Иванъ Никифоровъ сынъ Довгочхунъ, когда я пришелъ къ нему съ дружескими предложеніями, назвалъ меня публично обиднымъ и поноснымъ для чести моей именемъ, а именно «гусакомъ», тогда-какъ извѣстно всему миргородскому повѣту, что симъ гнуснымъ животнымъ я никогда отнюдь не именовался и впредь именоваться не намѣренъ. Доказательствомъ же дворянскаго моего происхожденія есть то, что въ метрической книгѣ, находящейся въ церкви Трехъ Святителей, записанъ какъ день моего рожденія, такъ равномѣрно и полученное мною крещеніе. «Гусакъ» же, какъ извѣстно всѣмъ, кто сколько-нибудь свѣдущъ въ наукахъ, не можетъ быть записанъ въ метрической книгѣ; ибо «гусакъ» есть не человѣкъ, а птица, что уже всякому, даже небывавшему въ семинаріи, достовѣрно извѣстно. Но оный злокачественный дворянинъ, будучи обо всемъ этомъ свѣдущъ, не для чего инаго, какъ чтобы нанесть

смертельную для моего чина и званія обиду, обругалъ меня онымъ гнуснымъ словомъ.

2). Сей же самый неблагопристойный и неприличный дворянинъ посягнулъ притомъ на мою родовую, полученную мною послѣ родителя моего, состоявшаго въ духовномъ званіи, блаженной памяти Ивана Онисіева сына Перерепенка, собственность, тѣмъ, что, въ противность всякимъ законамъ, перенесъ совершенно насупротивъ моего крыльца гусиный хлѣвъ, что̀ дѣлалось не съ инымъ какимъ намѣреніемъ, какъ чтобъ усугубить нанесенную мнѣ обиду; ибо оный хлѣвъ стоялъ до сего въ изрядномъ мѣстѣ и довольно еще былъ крѣпокъ. Но омерзительное намѣреніе вышеупомянутаго дворянина состояло единственно въ томъ, чтобы учинить меня свидѣтелемъ непристойныхъ пассажей; ибо извѣстно, что всякій человѣкъ не пойдетъ въ хлѣвъ, тѣмъ паче въ гусиный, для приличнаго дѣла. При такомъ противузаконномъ дѣйствіи, двѣ переднія сохи захватили собственную мою землю, доставшуюся мнѣ еще при жизни отъ родителя моего, блаженной памяти Ивана Онисіева сына Перерепенка, начинавшуюся отъ амбара и прямою линіей до самаго того мѣста, гдѣ бабы моютъ горшки.

3). Вышеизображенный дворянинъ, котораго уже самое имя и фамилія внушаетъ всякое омерзѣніе, питаетъ въ душѣ злостное намѣреніе поджечь меня въ собственномъ домѣ. Несомнѣнные чему признаки изъ нижеслѣ-

дующаго явствуютъ: во 1-хъ, оный злокачественный дворянинъ началъ выходить часто изъ своихъ покоевъ, чего прежде никогда, по причинѣ своей лѣности и гнусной тучности тѣла, не предпринималъ; во 2-хъ, въ людской его, примыкающей о самый заборъ, ограждающій мою собственную, полученную мною отъ покойнаго родителя моего, блаженной памяти Ивана Онисіева сына Перерепенка, землю, ежедневно и въ необычной продолжительности горитъ свѣтъ, что̀ уже явное есть къ тому доказательство; ибо до сего, по скаредной его скупости, всегда не только сальная свѣча, но даже каганецъ былъ потушаемъ.

И потому прошу онаго дворянина Ивана Никифорова сына Довгочхуна, яко повиннаго въ зажигательствѣ, въ оскорбленіи моего чина, имени и фамиліи, и въ хищническомъ присвоеніи собственности, а паче всего въ подломъ и предосудительномъ присовокупленіи къ фамиліи моей названія «гусака» ко взысканію штрафа, удовлетворенія, проторей и убытковъ присудить, и самого, яко нарушителя, въ кандалы забить и, заковавши, въ городскую тюрьму препроводить, и по сему моему прошенію рѣшеніе немедленно и неукоснительно учинить. Писалъ и сочинялъ дворянинъ, миргородскій помѣщикъ Иванъ Ивановъ сынъ Перерепенко.

По прочтеніи просьбы, судья приблизился къ Ивану Ивановичу, взялъ его за пуговицу и на-

чалъ говорить ему такимъ-образомъ: «Что́ это вы дѣлаете, Иванъ Ивановичъ? Бога бойтесь! бросьте просьбу, пусть она пропадаетъ! (сатана приснись ей!) Возьмитесь лучше съ Иваномъ Никифоровичемъ за руки, да поцалуйтесь, да купите сантуринскаго, или никопольскаго, или хоть просто сдѣлайте пуншику, да позовите меня: разопьемъ вмѣстѣ и позабудемъ все!»

«Нѣтъ, Демьянъ Демьяновичъ! не такое дѣло» сказалъ Иванъ Ивановичъ съ важностію, которая такъ всегда шла къ нему: «не такое дѣло, чтобы можно было рѣшить полюбовною сдѣлкою! Прощайте! прощайте и вы, господа!» продолжалъ онъ съ тою же важностію, оборотившись ко всѣмъ: «надѣюсь, что моя просьба возымѣетъ надлежащее дѣйствіе» и ушелъ, оставивъ въ изумленіи все присутствіе.

Сдуья сидѣлъ, не говоря ни слова; секретарь нюхалъ табакъ; канцелярскіе опрокинули разбитый черепокъ бутылки, употребляемой вмѣсто черпилицы, и самъ судья, въ разсѣянности, разводилъ пальцемъ по столу чернильную лужу.

«Что̀ вы скажете на это, Дорофей Трофимовичъ?» сказалъ судья, послѣ нѣкотораго молчанія, обратившись къ подсудку.

«Ничего не скажу» отвѣчалъ подсудокъ.

«Экія дѣла дѣлаются!» продолжалъ судья. Не успѣлъ онъ этого сказать, какъ дверь затрещала и передняя половина Ивана Никофоровича высадилась въ присутствіе; а остальная оставалась въ передней. Появленіе Ивана Никифоровича, и еще въ судъ, такъ показалось необыкновеннымъ, что судья вскрикнулъ, секретарь прервалъ свое чтеніе, одинъ канцеляристъ, въ фризовомъ подобіи полуфрака, взялъ въ губы перо; другой проглотилъ муху; даже отправлявшій должность фельдъегеря и сторожа, инвалидъ, который до того стоялъ у дверей, почесывая въ своей грязной рубашкѣ, съ нашивкою на плечѣ, даже этотъ инвалидъ разинулъ ротъ и наступилъ кому-то на ногу.

«Какими судьбами! что̀ и какъ? Какъ здоровье ваше, Иванъ Никифоровичъ?»

Но Иванъ Никифоровичъ былъ ни живъ, ни мертвъ, потому-что завязнулъ въ дверяхъ и не могъ сдѣлать ни шагу впередъ, или назадъ. Напрасно судья кричалъ въ переднюю, чтобы кто-нибудь, изъ находившихся тамъ, выперъ сзади Ивана Никифоровича въ присутственную залу. Въ передней находилась одна только старуха-

просительница, которая, несмотря на всѣ усилія своихъ костлявыхъ рукъ, ничего не могла сдѣлать. Тогда одинъ изъ канцелярскихъ, съ толстыми губами, съ широкими плечами, съ толстымъ носомъ, глазами глядѣвшими искоса и пьяно, съ разодранными локтями, приблизился къ передней половинѣ Ивана Никифоровича, сложилъ ему обѣ руки на-крестъ, какъ ребенку, и мигнулъ старому инвалиду, который уперся своимъ колѣномъ въ брюхо Ивана Никифоровича, и несмотря на жалобные стоны, онъ былъ вытиснутъ въ переднюю. Тогда отодвинули задвижки и отворили вторую половинку дверей. Причемъ канцелярскій и его помощникъ, инвалидъ, отъ дружескихъ усилій дыханіемъ устъ своихъ распространили такой сильный запахъ, что комната присутствія превратилась-было на-время въ питейный домъ.

«Не зашибли ли васъ, Иванъ Никофоровичъ? Я скажу матушкѣ, она пришлетъ вамъ настойки, которою только потрите поясницу и спину, и все пройдетъ».

Но Иванъ Никофоровичъ повалился на стулъ и, кромѣ продолжительныхъ *оховъ*, ничего не могъ сказать. Наконецъ слабымъ, едва слышнымъ отъ

усталости голосомъ, произнесъ онъ: «не угодно ли?» и, вынувши изъ кармана рожокъ, прибавилъ: «возьмите, одолжайтесь!»

«Весьма радъ, что васъ вижу» отвѣчалъ судья: «но все не могу представить себѣ, что̀ заставило васъ предпринять трудъ и одолжить насъ такою пріятною нечаянностію».

«Съ просьбою...» могъ только произнесть Иванъ Никифоровичъ.

«Съ просьбою? съ какою?»

«Съ позвомъ... (тутъ одышка произвела долгую паузу) охъ!... съ позвомъ на мошенника... Ивана Иванова Перерепенка».

«Господи! и вы туда же! такіе рѣдкіе друзья! Позывъ на такого добродѣтельнаго человѣка!...»

«Онъ самъ сатана!» произнесъ отрывисто Иванъ Никифоровичъ.

Судья перекрестился.

«Возьмите просьбу, прочитайте».

«Нечего дѣлать, прочитайте, Тарасъ Тихоновичъ» сказалъ судья, обращаясь къ секретарю, съ видомъ неудовольствія, при чемъ носъ его невольно понюхалъ верхнюю губу, что̀ обыкновенно онъ дѣлалъ прежде только отъ большаго удовольствія. Такое самоуправство носа причи-

нило судьѣ еще болѣе досады: онъ вынулъ платокъ и смелъ съ верхей губы весь табакъ, чтобы наказать дерзость его.

Секретарь, сдѣлавши обыкновенный свой приступъ, который онъ всегда употреблялъ передъ началомъ чтенія, т. е. безъ помощи носоваго платка, началъ обыкновеннымъ своимъ голосомъ такимъ-образомъ:

Проситъ дворянинъ миргородскаго повѣта Иванъ Никифоровъ сынъ Довгочхунъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

1). По ненавистной злобѣ своей и явному недоброжелательству, называющій себя дворяниномъ, Иванъ Ивановъ сынъ Перерепенко, всякія пакости, убытки и иныя ехидненскіе и въ ужасъ приводящіе поступки мнѣ чинитъ, и вчерашняго дня по-полудни, какъ разбойникъ и тать, съ топорами, пилами, долотами и иными слесарными орудіями, забрался ночью въ мой дворъ и въ находящійся въ ономъ мой же собственный хлѣвъ. Собственноручно и поноснымъ образомъ его изрубилъ. На что съ моей стороны я не подавалъ никаковой причины къ столь противузаконному и разбойническому поступку.

2). Оный же дворянинъ Перерепенко имѣетъ посягательство на самую жизнь мою, и до 7-го числа прошлаго мѣсяца, содержа въ тайнѣ сіе намѣреніе, пришелъ ко мнѣ и началъ дружескимъ и хитрымъ образомъ выпрашивать у меня ружье, находившееся въ моей комнатѣ, и пред-

лагалъ мнѣ за него, съ свойственною ему скупостью, многія негодныя вещи, какъ-то: свинью бурую и двѣ мѣрки овса. Но, предугадывая тогда же преступное его намѣреніе, я всячески старался отъ онаго уклонить его, но оный мошенникъ и подлецъ Иванъ Ивановъ сынъ Перерепенко выбранилъ меня мужицкимъ образомъ и питаетъ ко мнѣ съ того времени вражду непримиримую. Притомъ же оный, часто поминаемый, неистовый дворянинъ и разбойникъ Иванъ Ивановъ сынъ Перерепенко и происхожденія весьма поноснаго: его сестра была извѣстная всему свѣту потаскуха и ушла за егерскою ротою, стоявшею назадъ тому пять лѣтъ въ Миргородѣ; а мужа своего записала въ крестьяне. Отецъ и мать его тоже были пребеззаконные люди, и оба были невообразимые пьяницы. Упоминаемый же дворянинъ и разбойникъ Перерепенко своими скотоподобными и порицанія достойными поступками превзошелъ всю свою родню и подъ видомъ благочестія дѣлаетъ самыя соблазнительныя дѣла. Постовъ не содержитъ; ибо накапунѣ филиповки сей богоотступникъ купилъ барана и на другой день велѣлъ зарѣзать своей беззаконной дѣвкѣ Гапкѣ, оговариваясь, аки бы ему нужно было подъ тотъ часъ сало на каганцы и свѣчи.

Посему прошу онаго дворянина, яко разбойника, святотатца, мошенника, уличеннаго уже въ воровствѣ и грабительствѣ, въ кандалы заковать, и въ тюрьму, или государственный острогъ препроводить, и тамъ уже, по усмо-

трѣпію, лиша чиновъ и дворянства, добре барбарами шмаровать и въ Сибирь на-каторгу по-надобности заточить, проторы, убытки велѣть ему заплатить и по сему моему прошенію рѣшеніе учинить. — Къ сему прошенію руку приложилъ дворянинъ миргородскаго повѣта Иванъ Никифоровъ сынъ Довгочхунъ.

Какъ-только секретарь кончилъ чтеніе, Иванъ Никифоровичъ взялся за шапку и поклонился съ намѣреніемъ уйти.

«Куда же вы, Иванъ Никифоровичъ?» говорилъ ему вслѣдъ судья: «посидите немного! выпейте чаю! Орышко! что ты стоишь, глупая дѣвка и перемигаваешься съ канцелярскими; ступай, принеси чаю!»

Но Иванъ Никифоровичъ, съ испугу, что такъ далеко зашелъ отъ дому и выдержалъ такой опасный карантинъ, успѣлъ уже пролѣзть въ дверь, проговоривъ: «не безпокойтесь, я съ удовольствіемъ....» и затворилъ ее за собою, оставивъ въ изумленіи все присутствіе.

Дѣлать было нечего. Обѣ просьбы были приняты и дѣло готовилось принять довольно важный интересъ, какъ одно непредвидѣнное обстоятельство сообщило ему еще бóльшую занимательность. Когда судья вышелъ изъ присутствія

въ сопровожденіи подсудка и секретаря, а канцелярскіе укладывали въ мѣшокъ нанесенныхъ просителями куръ, яицъ, краюхъ хлѣба, пироговъ, книшей и прочаго дрязгу, въ это время бурая свинья вбѣжала въ комнату и схватила, къ удивленію присутствовавшихъ, не пирогъ или хлѣбную корку, но прошеніе Ивана Никифоровича, которое лежало на концѣ стола, перевѣсившись листами внизъ. Схвативши бумагу, бурая хавронья убѣжала такъ скоро, что ни одинъ изъ приказныхъ чиновниковъ не могъ догнать ее, несмотря на кидаемыя линейки и чернилицы.

Это чрезвычайное происшествіе произвело страшную суматоху, потому-что даже копія не была еще списана съ прошенія. Судья, т. е. его секретарь и подсудокъ долго трактовали о такомъ неслыханномъ обстоятельствѣ; наконецъ рѣшено было на томъ, чтобы написать объ этомъ отношеніе къ городничему, такъ-какъ слѣдствіе по этому дѣлу болѣе относилось къ градской полиціи. Отношеніе за № 389 послано было къ нему въ тотъ же день и по этому самому произошло довольно любопытное объясненіе, о которомъ читатели могутъ узнать изъ слѣдующей главы.

ГЛАВА V,

въ которой излагается совѣщаніе двухъ почтенныхъ въ Миргородѣ особъ.

Какъ-только Иванъ Ивановичъ управился въ своемъ хозяйствѣ и вышелъ, по обыкновенію, полежать подъ навѣсомъ, то, къ несказанному удивленію своему, увидѣлъ что-то краснѣвшееся въ калиткѣ. Это былъ красный обшлагъ городничаго, который, равномѣрно какъ и воротникъ его, получилъ политуру и по краямъ превращался въ лакированную кожу. Иванъ Ивановичъ

подумалъ про-себя: «недурно, что пришелъ Петръ Ѳедоровичъ поговорить» но очень удивился, увидя, что городничій шолъ чрезвычайно скоро и размахивалъ руками, что̀ случалось съ нимъ, по обыкновенію, весьма рѣдко. На мундирѣ у городничаго посажено было восемь пуговицъ, девятая, какъ оторвалась во время процессіи при освященіи храма, назадъ тому два года, такъ до-сихъ-поръ десятскіе не могутъ отыскать, хотя городничій при ежедневныхъ рапортахъ, которые отдаютъ ему квартальные надзиратели, всегда спрашиваетъ: нашлась ли пуговица? Эти восемь пуговицъ были насажены у него такимъ образомъ, какъ бабы садятъ бобы: одна направо, другая налѣво. Лѣвая нога была у него прострѣлена въ послѣдней компаніи, и потому онъ, прихрамывая, закидывалъ ею такъ далеко въ сторону, что разрушалъ этимъ почти весь трудъ правой ноги. Чѣмъ быстрѣе дѣйствовалъ городничій своею пѣхотою, тѣмъ менѣе она подвигалась впередъ; и потому, покамѣстъ дошолъ городничій къ навѣсу, Иванъ Ивановичъ имѣлъ довольно времени теряться въ догадкахъ, отчего городничій такъ скоро размахивалъ руками. Тѣмъ болѣе это его занимало, что дѣло казалось необыкновенной

важности, ибо при городничемъ была даже новая шпага. «Здравствуйте, Петръ Өедоровичъ!» вскричалъ Иванъ Ивановичъ, который, какъ уже сказано, былъ очень любопытенъ и никакъ не могъ удержать своего нетерпѣнія при видѣ, какъ городничій бралъ приступомъ крыльцо, но все еще не поднималъ глазъ своихъ вверхъ и ссорился съ своею пѣхотою, которая никакимъ образомъ не могла съ одного размаху взойти на ступеньку.

«Добраго дня желаю любезному другу и благодѣтелю, Ивану Ивановичу!» отвѣчалъ городничій.

«Милости прошу садиться. Вы, какъ я вижу, устали, потому-что ваша раненная нога мѣшаетъ....»

«Моя нога!» вскрикнулъ городничій, бросивъ на Ивана Ивановича одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, какіе бросаетъ великанъ на пигмея, ученый педантъ на танцовальнаго учителя; при этомъ онъ вытянулъ свою ногу и топнулъ сю объ полъ. Эта храбрость однако жъ ему дорого стоила, потому-что весь корпусъ его покачнулся и носъ клюнулъ перила; но мудрый блюститель порядка, чтобъ не подать никакого вида, тотчасъ опра-

вился и полѣзъ въ карманъ, какъ-будто бы съ тѣмъ, чтобы достать табакерку. «Я вамъ доложу о себѣ, любезнѣйшій другъ и благодѣтель Иванъ Ивановичъ, что я дѣлывалъ на вѣку своемъ не такіе походы. Да, серьезно, дѣлывалъ. Напримѣръ, во время компаніи 1807 года.... Ахъ, я вамъ разскажу, какимъ манеромъ я перелѣзъ черезъ заборъ къ одной хорошенькой нѣмкѣ». При этомъ городничій зажмурилъ одинъ глазъ и сдѣлалъ бѣсовски-плутовскую улыбку.

«Гдѣ жъ вы бывали сегодня?» спросилъ Иванъ Ивановичъ, желая прервать городничаго и скорѣе навести его на причину посѣщенія; ему бы очень хотѣлось спросить, что̀ такое намѣренъ объявить городничій; но тонкое познаніе свѣта представляло ему всю неприличность такого вопроса, и Иванъ Ивановичъ долженъ былъ скрѣпиться и ожидать разгадки, между-тѣмъ, какъ сердце его билось съ необыкновенною силою.

«А позвольте, я вамъ разскажу, гдѣ былъ я» отвѣчалъ городничій: «во-первыхъ доложу вамъ, что сегодня отличное время....»

При послѣднихъ словахъ Иванъ Ивановичъ почти-что не умеръ.

«Но позвольте» продолжалъ городничій: «я

пришолъ сегодня къ вамъ по одному важному дѣлу». Тутъ лицо городничаго и осанка приняли то же самое озабоченное положеніе, съ которымъ бралъ онъ приступомъ крыльцо. Иванъ Ивановичъ ожилъ и трепеталъ, какъ въ лихорадкѣ, не замедливши, по обыкновенію своему, сдѣлать вопросъ: «какое же оно, важное? развѣ оно важное?»

«Вотъ извольте видѣть: прежде всего осмѣлюсь доложить вамъ, любезный другъ и благодѣтель, Иванъ Ивановичъ, что вы.... съ моей стороны я, извольте видѣть, я ничего, но виды правительства этого требуютъ: вы нарушили порядокъ благочинія!»

«Что̀ это вы говорите, Петръ Ѳедоровичъ? Я ничего не понимаю».

«Помилуйте, Иванъ Ивановичъ! какъ вы ничего не понимаете? Ваша собственная животина утащила очень важную казенную бумагу, и вы еще говорите послѣ этого, что ничего не понимаете!»

«Какая животина?»

«Съ позволенія сказать, ваша собственная бурая свинья».

«А я чѣмъ виноватъ? Зачѣмъ судейскій сторожъ отворяетъ двери!»

«Но, Иванъ Ивановичъ, ваше собственное животное, стало быть вы виноваты».

«Покорно благодарю васъ за то̀, что съ свиньею меня равняете».

«Вотъ ужъ этого я не говорилъ, Иванъ Ивановичъ! Ейбогу не говорилъ! Извольте разсудить по чистой совѣсти сами: вамъ, безъ всякаго сомнѣнія, извѣстно, что согласно съ видами начальства, запрещено въ городѣ, тѣмъ же паче въ главныхъ градскихъ улицахъ, прогуливаться нечистымъ животнымъ. Согласитесь сами, что это дѣло запрещенное».

«Богъ знаетъ, что это вы говорите. Большая важность, что свинья вышла на улицу!»

«Позвольте вамъ доложить, позвольте, позвольте Иванъ Ивановичъ, это совершенно невозможно. Что жъ дѣлать? Начальство хочетъ — мы должны повиноваться. Не спорю, забѣгаютъ иногда на улицу и даже на площадь куры и гуси, замѣтьте себѣ: куры и гуси; но свиней и козловъ, я еще въ прошломъ году далъ предписаніе, не впускать на публичныя площади; которое

предписаніе тогда же приказалъ прочитать изустно, въ собраніи, предъ цѣлымъ народомъ».

«Нѣтъ, Петръ Ѳедоровичъ, я здѣсь ничего не вижу, какъ только то̀, что вы всячески стараетесь обижать меня».

«Вотъ этого-то не можете сказать, любезнѣйшій другъ и благодѣтель, чтобы я старался обижать. Вспомните сами: я не сказалъ вамъ ни одного слова прошлый годъ, когда вы выстроили крышу цѣлымъ аршиномъ выше установленной мѣры. Напротивъ, я показалъ видъ, какъ-будто совершенно этого не замѣтилъ. Вѣрьте, любезнѣйшій другъ, что и теперь бы я совершенно, такъ сказать.... но мой долгъ, словомъ: обязанность, требуетъ смотрѣть за чистотою. Посудите сами, когда вдругъ на главной улицѣ....»

«Ужъ хороши ваши главныя улицы! Туда всякая баба идетъ выбросить что̀ ей не нужно».

«Позвольте вамъ доложить, Иванъ Ивановичъ, что вы сами обижаете меня! Правда, это случается иногда, но по большей части только подъ заборомъ, сараями или каморами; но чтобъ на главной улицѣ, на площадь втесалась супоросная свинья, это такое дѣло....»

«Что жъ такое, Петръ Өедоровичъ! вѣдь свинья твореніе Божіе!»

«Согласенъ. Это всему свѣту извѣстно, что вы человѣкъ учоный, знаете науки и прочіе разные предметы. Конечно, я наукамъ не обучался никакимъ: скорописному письму я началъ учиться на тридцатомъ году своей жизни. Вѣдь я, какъ вамъ извѣстно, изъ рядовыхъ».

«Гм!» сказалъ Иванъ Ивановичъ.

«Да» продолжалъ городничій: «въ 1801 году я находился въ 42 егерскомъ полку въ 4 ротѣ поручикомъ. Ротный командиръ у насъ былъ, если изволите знать, капитанъ Еремеевъ». При этомъ городничій запустилъ свои пальцы въ табакерку, которую Иванъ Ивановичъ держалъ открытою и переминалъ табакъ.

Иванъ Ивановичъ отвѣчалъ: «гм».

«Но мой долгъ» продолжалъ городничій: «есть повиноваться требованіямъ правительства. Знаете ли вы, Иванъ Ивановичъ, что похитившій въ судѣ казенную бумагу, подвергается, наравнѣ со всякимъ другимъ преступленіемъ, уголовному суду».

«Такъ знаю, что если хотите, и васъ научу. Такъ говорится о людяхъ, напримѣръ, если бы

вы украли бумагу; но свинья животное, творенiе божie!»

«Все такъ; но законъ говоритъ: виновный въ похищенiи.... прошу васъ прислушаться внимательнѣе: виновный! Здѣсь не означается ни рода, ни пола, ни званiя, стало-быть, и животное можетъ быть виновно. Воля ваша, а животное, прежде произнесенiя приговора къ наказанiю, должно быть представлено въ полицiю, какъ нарушитель порядка».

«Нѣтъ, Петръ Өедоровичъ!» возразилъ хладнокровно Иванъ Ивановичъ: «этого-то не будетъ!»

«Какъ вы хотите, только я долженъ слѣдовать предписанiямъ начальства».

«Что жъ вы стращаете меня? Вѣрно, хотите прислать за нею безрукаго солдата: я прикажу дворовой бабѣ его кочергой выпроводить; ему послѣднюю руку переломятъ».

«Я не смѣю съ вами спорить. Въ такомъ случаѣ, если вы не хотите представить ее въ полицiю, то пользуйтесь ею, какъ вамъ угодно; заколите, когда желаете, ее къ рождеству и надѣлайте изъ нея окороковъ, или такъ съѣшьте. Только я бы у васъ попросилъ, если будете дѣлать колбасы, пришлите мнѣ парочку тѣхъ, ко-

торыя у васъ такъ искусно дѣлаетъ Гапка изъ свиной крови и сала. Моя Аграфена Трофимовна очень ихъ любитъ».

«Колбасъ, извольте пришлю парочку».

«Очень вамъ буду благодаренъ, любезный другъ и благодѣтель. Теперь позвольте вамъ сказать еще одно слово: я имѣю порученіе отъ судьи, такъ равно и ото всѣхъ нашихъ знакомыхъ, такъ-сказать, примирить васъ съ пріятелемъ вашимъ, Иваномъ Никифоровичемъ».

«Какъ! съ невѣжею! чтобы я примирился съ этимъ грубіяномъ! Никогда! Не будетъ этого, не будетъ!» Иванъ Ивановичъ былъ въ чрезвычайно-рѣшительномъ состояніи.

«Какъ вы себѣ хотите» отвѣчалъ городничій, угощая обѣ ноздри табакомъ: «я вамъ не смѣю совѣтовать; однако жъ позвольте доложить: вотъ вы теперь въ ссорѣ, а какъ помиритесь....»

Но Иванъ Ивановичъ началъ говорить о ловлѣ перепеловъ, что̀ обыкновенно случалось, когда онъ хотѣлъ замять рѣчь.

Итакъ городничій, не получивъ никакого успѣха, долженъ былъ отправиться восвояси.

═

ГЛАВА VI,

изъ которой читатель легко можетъ узнать все-то, что̀ въ ней содержится.

Сколько ни старались въ судѣ скрыть дѣло, но на другой же день весь Миргородъ узналъ, что свинья Ивана Ивановича утащила просьбу Ивана Никифоровича. Самъ городничій первый, позабывшись, проговорился. Когда Ивану Никифоровичу сказали объ этомъ, онъ ничего не сказалъ, спросилъ только: не бурая ли?

Но Агафія Өедосѣевна, которая была при

этомъ, начала опять приступать къ Ивану Никифоровичу: «что ты, Иванъ Никифоровичъ? надъ тобой будутъ смѣяться, какъ надъ муракомъ, если ты попустишь! Какой ты послѣ этого будешь дворянинъ? Ты будешь хуже бабы, что продаетъ сластены, которыя ты такъ любишь». И уговорила неугомонная! Нашла гдѣ-то человѣка среднихъ лѣтъ, черномазаго, съ пятнами по всему лицу, въ темносинемъ съ заплатами на локтяхъ сюртукѣ, совершенную приказную чернильницу! Сапоги онъ смазывалъ дегтемъ, носилъ по три пера за ухомъ, и привязанный къ пуговицѣ на шнурочкѣ стеклянный пузырекъ, вмѣсто чернильницы; съѣдалъ за однимъ разомъ девять пироговъ, а десятый клалъ въ карманъ, и въ одинъ гербовый листъ столько уписывалъ всякой ябеды, что никакой чтецъ не могъ за однимъ разомъ прочесть, не перемежая этого кашлемъ и чиханьемъ. Это небольшое подобіе человѣка копалось, корпѣло, писало и наконецъ состряпало такую бумагу:

Въ миргородскій повѣтовый судъ отъ дворянина Ивана Никифорова сына Довгочхуна.

Въ слѣдствіе онаго прошенія моего, что отъ меня дворянина Ивана Никифорова сына Довгочхуна къ тому

имѣло быть, совокупно съ дворяниномъ Иваномъ Ивановымъ сыномъ Перерепенкомъ; чему и самъ повѣтовый миргородскій судъ потворство свое изъявилъ. И самое оное нахальное самоуправство бурой свиньи, будучи въ тайнѣ содержимо и уже отъ стороннихъ людей до слуха дошедшись. Понеже оное допущеніе и потворство, яко злоумышленное, суду неукоснительно подлежитъ; ибо оная свинья есть животное глупое, и тѣмъ паче способное къ хищенію бумаги. Изъ чего очевидно явствуетъ, что часто поминаемая свинья не иначе, какъ была подущена къ тому самимъ противникомъ, называющимъ себя дворяниномъ Иваномъ Ивановымъ сыномъ Перерепенкомъ, уже уличенномъ въ разбоѣ, посягательствѣ на жизнь и святотатствѣ. Но оный миргородскій судъ, съ свойственнымъ ему лицепріятіемъ, тайное своей особы соглашеніе изъявилъ; безъ каковаго соглашенія оная свинья никоимъ бы образомъ не могла быть допущенною къ утащенію бумаги: ибо миргородскій повѣтовый судъ въ прислугѣ весьма снабженъ, для сего довольно уже назвать одного солдата, во всякое время въ пріемной пребывающаго, который, хотя имѣетъ одинъ кривой глазъ и нѣсколько поврежденную руку, но, чтобы выгнать свинью и ударить ее дубиною, имѣетъ весьма соразмѣрныя способности. Изъ чего достовѣрно видно потворство онаго миргородскаго суда и безспорно раздѣленіе жидовскаго отъ того барыша повзаимности

совмѣщаясь. Оный же вышеумомянутый разбойникъ и дворянинъ Иванъ Ивановъ сынъ Перерепенко въ приточеніи ошельмовавшись состоялся. Почему и довожу оному повѣтовому суду я, дворянинъ Иванъ Никифоровъ сынъ Довгочхунъ, въ надлежащее всевѣдѣніе, если съ оной бурой свиньи, или согласившагося съ нею дворянина Перерепенка, означенная просьба взыщена не будетъ, и по ней рѣшеніе по справедливости и въ мою пользу не возымѣетъ: то я, дворянинъ Иванъ Никифоровъ сынъ Довгочхунъ, о таковомъ онаго суда противозаконномъ потворствѣ подать жалобу въ палату имѣю, съ надлежащимъ по формѣ перенесеніемъ дѣла. — Дворянинъ миргородскаго повѣта Иванъ Никифоровъ сынъ Довгочхунъ.

Эта просьба произвела свое дѣйствіе: судья былъ человѣкъ, какъ обыкновенно бываютъ всѣ добрые люди, трусливаго десятка. Онъ обратилъ къ секретарю. Но секретарь пустилъ сквозь губы густой «гм» и показалъ на лицѣ своемъ ту равнодушную и дьявольски-двусмысленную мину, которую принимаетъ одинъ только сатана, когда видитъ у ногъ своихъ прибѣгающую къ нему жертву. Одно средство оставалось: примирить двухъ пріятелей. Но какъ приступить къ этому, когда всѣ покушенія были до того безуспѣшны? Однако же еще рѣшились попытаться; но Иванъ

Ивановичъ напрямикъ объявилъ, что не хочетъ, и даже весьма разсердился. Иванъ Никифоровичъ, вмѣсто отвѣта, обратился спиною назадъ, и хоть бы слово сказалъ. Тогда процессъ пошолъ съ необыкновенною быстротою, которою обыкновенно такъ славятся судилища. Бумагу помѣтили, записали, выставили нумеръ, вшили, расписались, все въ одинъ и тотъ же день, и положили дѣло въ шкапъ, гдѣ оно лежало, лежало, лежало годъ, другой, третій; множество невѣстъ успѣло вытти за-мужъ, въ Миргородѣ пробили новую улицу, у судьи выпалъ одинъ коренной зубъ и два боковыхъ, у Ивана Ивановича бѣгало по двору больше ребятишекъ, нежели прежде; откуда они взялись, Богъ одинъ знаетъ! Иванъ Никифоровичъ въ упрекъ Ивану Ивановичу выстроилъ новый гусиный хлѣвъ, хотя немного подальше прежняго, и совершенно застроился отъ Ивана Ивановича, такъ-что сіи достойные люди никогда почти не видали въ лицо другъ друга— и дѣло все лежало, въ самомъ лучшемъ порядкѣ, въ шкапу, который сдѣлался мраморнымъ отъ чернильныхъ пятенъ.

Между-тѣмъ произошелъ чрезвычайно-важный случай для всего Миргорода.

Городничій давалъ ассамблею! Гдѣ возьму я кистей и красокъ, чтобъ изобразить разнообразіе съѣзда и великолѣпное пиршество? Возьмите часы, откройте ихъ и посмотрите, что̀ тамъ дѣлается! Не правда ли, чепуха страшная? Представьте же теперь себѣ, что почти столько же, если не больше, колесъ стояло среди двора городничаго. Какихъ бричекъ и повозокъ тамъ не было! Одна — задъ широкій а передъ узенькій; другая — задъ узенькій, а передъ широкій. Одна была и бричка и повозка вмѣстѣ; другая ни бричка, ни повозка; иная была похожа на огромную копну сѣна, или на толстую купчиху; другая на растрепаннаго жида, или на скелетъ, еще несовсѣмъ освободившійся отъ кожи; иная была въ профилѣ совершенная трубка съ чубукомъ; другая была ни на что̀ не похожа, представляя какое-то странное существо, совершенно безобразное и чрезвычайно фантастическое. Изъ среды этого хаоса колесъ и ко̀зелъ, возвышалось подобіе кареты съ комнатнымъ окномъ, перекрещеннымъ толстымъ переплетомъ. Кучера, въ сѣрыхъ чекменяхъ, свиткахъ и сѣрякахъ, въ бараньихъ шапкахъ и разнокалиберныхъ фуражкахъ, съ трубками въ рукахъ, проводили по двору распряженныхъ лошадей.

Что за асамблею далъ городничій! Позвольте, я перечту всѣхъ, которые были тамъ: Тарасъ Тарасовичъ, Евплъ Акинѳовичъ, Евтихій Евтихіевичъ, Иванъ Ивановичъ, не тотъ Иванъ Ивановичъ, а другой, Савва Гавриловичъ, нашъ Иванъ Ивановичъ, Елевферій Елевферіевичъ, Макаръ Назарьевичъ, Ѳома Григорьевичъ... Не могу далѣе! не въ силахъ! Рука устаетъ писать! А сколько было дамъ! смуглыхъ и бѣлолицыхъ, длинныхъ и коротенькихъ, толстыхъ, какъ Иванъ Никифоровичъ, и такихъ тонкихъ, что, казалось, каждую можно было упрятать въ шпажныя ножны городничаго. Сколько чепцовъ! сколько платьевъ! красныхъ, жолтыхъ, кофейныхъ, зеленыхъ, синихъ, новыхъ, перелицованныхъ, перекроенныхъ, платковъ, лентъ, ридикюлей! Прощайте, бѣдные глаза! вы никуда не будете годиться послѣ этого спектакля. А какой длинный столъ былъ вытянутъ! А какъ разговорилось все — какой шумъ подняли! Куда противъ этого мельница со всѣми своими жерновами, колесами, шестерней, ступами! Не могу вамъ сказать навѣрно, о чемъ они говорили, но должно думать, что о многихъ пріятныхъ и полезныхъ вещахъ, какъ-то: о погодѣ, о соба-

кахъ, о пшениц, о чепчикахъ, о жеребцахъ. Наконецъ Иванъ Ивановичъ, не тотъ Иванъ Ивановичъ, а другой, у котораго одинъ глазъ кривъ, сказалъ: «мнѣ очень странно, что правый глазъ мой (кривой Иванъ Ивановичъ всегда говорилъ о себѣ иронически) не видитъ Ивана Никифоровича г-на Довгочхуна». — «Не хотѣлъ притти!» сказалъ городничій.

«Какъ-такъ?»

«Вотъ уже, слава Богу, есть два года, какъ поссорились они между собою, т. е. Иванъ Ивановичъ съ Иванъ Никифоровичемъ, и гдѣ одинъ, туда другой ни за что не пойдетъ!

«Что̀ вы говорите!» При этомъ кривой Иванъ Ивановичъ поднялъ глаза вверхъ и сложилъ руки вмѣстѣ. «Что жъ теперь, если уже люди съ добрыми глазами не живутъ въ мирѣ, гдѣ же жить мнѣ въ ладу съ кривымъ моимъ окомъ!» На эти слова всѣ засмѣялись во весь ротъ. Всѣ очень любили криваго Ивана Ивановича за то, что онъ отпускалъ шутки совершенно во вкусѣ нынѣшнемъ; самъ высокій худощавый человѣкъ въ байковомъ сюртукѣ съ пластыремъ на носу, который до-того сидѣлъ въ углу и ни разу не перемѣнилъ движенія на своемъ лицѣ, даже когда

залетѣла къ нему въ носъ муха, этотъ самый господинъ всталъ съ своего мѣста и подвинулся ближе къ толпѣ, обступившей криваго Ивана Ивановича. «Послушайте!» сказалъ кривой Иванъ Ивановичъ, когда увидѣлъ, что его окружило порядочное общество: «послушайте, вмѣсто того, что вы теперь заглядываетесь на мое кривое око, давайте, вмѣсто этого, помиримъ двухъ нашихъ пріятелей! Теперь Иванъ Ивановичъ разговариваетъ съ бабами и дѣвчатами; пошлемъ потихоньку за Иваномъ Никифоровичемъ, да и столкнемъ ихъ вмѣстѣ». . . . .

Всѣ единодушно приняли предложеніе Ивана Ивановича и положили немедленно послать къ Ивану Никифоровичу на домъ просить его, во что бы ни стало, пріѣхать къ городничему на обѣдъ. Но важный вопросъ — на кого возложить это важное порученіе? — повергнулъ всѣхъ въ недоумѣніе. Долго спорили, кто способнѣе и искуснѣе въ дипломатической части; наконецъ единодушно рѣшили возложить все это на Антона Прокофьевича Голопузя. Но прежде нужно нѣсколько познакомить читателя съ этимъ замѣчательнымъ лицомъ. Антонъ Прокофьевичъ былъ совершенно добродѣтельный человѣкъ во всемъ

значеніи этого слова: дастъ ли ему кто изъ почетныхъ людей въ Миргородѣ платокъ на шею, или исподнее — онъ благодаритъ; щелкнетъ ли его кто слегка въ носъ — онъ и тогда благодаритъ. Если у него спрашивали: «отчего это у васъ, Антонъ Прокофьевичъ, сюртукъ коричневой, а рукава голубые?» то онъ обыкновенно всегда отвѣчалъ: «а у васъ и такого нѣтъ! подождите, обносится, весь будетъ одинаковый!» И точно: голубое сукно, отъ дѣйствія солнца, начало обращаться въ коричневое и теперь совершенно подходитъ подъ цвѣтъ сюртука. Но вотъ что странно, что Антонъ Прокофьевичъ имѣетъ обыкновеніе суконное платье носить лѣтомъ, а нанковое — зимою. Антонъ Прокофьевичъ не имѣетъ своего дома. У него былъ прежде на концѣ города, но онъ его продалъ и на вырученныя деньги купилъ тройку гнѣдыхъ лошадей и небольшую бричку, въ которой разъѣзжалъ гостить по помѣщикамъ. Но такъ-какъ съ лошадьми было много хлопотъ и притомъ нужны были деньги на овесъ, то Антонъ Прокофьевичъ ихъ промѣнялъ на скрыпку и дворовую дѣвку, взявши придачи двадцати-пяти-рублевую бумажку. Потомъ скрып-

ку Антонъ Прокофьевичъ продалъ, а дѣвку промѣнялъ на сафьянный съ золотомъ кисетъ. И теперь у него кисетъ такой, какого ни у кого нѣтъ. За это наслажденіе, онъ уже не можетъ разъѣзжать по деревнямъ, а долженъ оставаться въ городѣ и ночевать въ разныхъ домахъ, особенно тѣхъ дворянъ, которые находили удовольствіе щелкать его по носу. Антонъ Прокофьевичъ любитъ хорошо поѣсть, играетъ изрядно въ дураки и мельники; повиноваться всегда было его стихіею; и потому онъ, взявши шапку и палку, немедленно отправился въ путь. Но идучи сталъ разсуждать, какимъ-образомъ ему подвигнуть Ивана Никифоровича притти на ассамблею. Нѣсколько крутой нравъ сего, впрочемъ достойнаго человѣка, дѣлалъ его предпріятіе почти невозможнымъ. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, ему рѣшиться притти, когда встать съ постели уже ему стоило великаго труда? Но положимъ, что онъ встанетъ, какъ ему придти туда, гдѣ находится, что̀, безъ сомнѣнія, онъ знаетъ, непримиримый врагъ его? Чѣмъ болѣе Антонъ Прокофьевичъ обдумывалъ, тѣмъ болѣе находилъ препятствій. День былъ душенъ; солнце жгло; потъ лился съ него градомъ. Антонъ Прокофье-

вичъ, несмотря на то̀, что его щелкали по носу, былъ довольно хитрый человѣкъ на многія дѣла. Въ мѣнѣ только былъ онъ не такъ счастливъ; онъ очень зналъ, когда нужно прикинуться дуракомъ, и иногда умѣлъ найтись въ такихъ обстоятельствахъ и случаяхъ, гдѣ рѣдко и умный бываетъ въ состояніи извернуться. Въ то время, когда изобрѣтательный умъ его выдумывалъ средство, ка̀къ убѣдить Ивана Никифоровича, и когда уже онъ храбро шелъ навстрѣчу всего, одно неожиданное обстоятельство нѣсколько смутило его. Не мѣшаетъ, при этомъ, сообщить читателю, что у Антона Прокофьевича были, между прочимъ, одни панталоны такого страннаго свойства, что когда онъ надѣвалъ ихъ, то всегда собаки кусали его за икры. Какъ на бѣду, въ тотъ день онъ надѣлъ именно эти панталоны. И потому едва только онъ предался размышленіямъ, какъ страшный лай со всѣхъ сторонъ поразилъ слухъ его. Антонъ Прокофьевичъ поднялъ такой крикъ (громче его никто не умѣлъ кричать), что не только знакомая баба и обитатель неизмѣримаго сюртука выбѣжали къ нему навстрѣчу, но даже мальчишки со двора Ивана Ивановича посыпались къ нему, и хотя собаки только за одну ногу успѣли его укусить, одна-

ко жъ это очень уменьшило его бодрость, и онъ съ нѣкотораго рода робостью подступалъ къ крыльцу.

═

ГЛАВА VII

и

ПОСЛѢДНЯЯ.

«А! здравствуйте. Начто вы собакъ дразните?» сказалъ Иванъ Никифоровичъ, увидѣвши Антона Прокофьевича; потому-что съ Антономъ Прокофьевичемъ никто иначе не говорилъ, какъ шутя.

«Чтобъ онѣ передохли всѣ! Кто ихъ дразнитъ?» отвѣчалъ Антонъ Прокофьевичъ.

«Вы врете».

«Ейбогу нѣтъ! Просилъ васъ Петръ Ѳедоровичъ на обѣдъ».

«Гм!»

«Ейбогу! такъ убѣдительно просилъ, что выразить не можно. Что это, говоритъ, Иванъ Никифоровичъ чуждается меня, какъ непріятеля. Никогда не зайдетъ поговорить, либо посидѣть».

Иванъ Никифоровичъ погладилъ свой подбородокъ.

«Если, говоритъ, Иванъ Никифоровичъ и теперь не придетъ, то я не знаю, что̀ подумать: вѣрно, онъ имѣетъ на меня какой умыселъ! Сдѣлайте милость, Антонъ Прокофьевичъ, уговорите Ивана Никифоровича! Что жъ, Иванъ Никифоровичъ? пойдемъ! Тамъ собралась теперь отличная ко̀мпанія!»

Иванъ Никифоровичъ началъ разсматривать пѣтуха, который, стоя на крыльцѣ, изо всей мочи дралъ горло.

«Еслибы вы знали, Иванъ Никифоровичъ» продолжалъ усердный депутатъ: «какой осетрины, какой свѣжей икры прислали Петру Ѳедоровичу!»

При этомъ Иванъ Никифоровичъ поворотилъ свою голову и началъ внимательно прислушиваться.

Это ободрило депутата. «Пойдемте скорѣе, тамъ и Ѳома Григорьевичъ! Что жъ вы?» прибавилъ онъ, видя, что Иванъ Никифоровичъ лежалъ все въ одинаковомъ положеніи: «что жъ? идемъ или нейдемъ?»

«Не хочу».

Это «не хочу» поразило Антона Прокофьевича: онъ уже думалъ, что убѣдительное представленіе его совершенно склонило этого, впрочемъ достойнаго человѣка; но вмѣсто того услышалъ рѣшительное: «не хочу».

«Отчего же не хотите вы?» спросилъ онъ почти съ досадою, которая показывалась у него чрезвычайно рѣдко, даже тогда, когда клали ему на голову зажженную бумагу, чѣмъ особенно любили себя тѣшить судья и городничій.

Иванъ Никифоровичъ понюхалъ табаку.

«Воля ваша, Иванъ Никифоровичъ, я не знаю, что̀ васъ удерживаетъ?»

«Чего я пойду?» проговорилъ наконецъ Иванъ Никифоровичъ: «тамъ будетъ разбойникъ!» Такъ

онъ называлъ обыкновенно Ивана Ивановича. Боже праведный! А давно ли....

«Ейбогу не будетъ! вотъ какъ Богъ святъ, что не будетъ! Чтобъ меня на самомъ этомъ мѣстѣ громомъ убило!» отвѣчалъ Антонъ Прокофьевичъ, который готовъ былъ божиться десять разъ на одинъ часъ: «пойдемте же, Иванъ Никифоровичъ!»

«Да вы врете, Антонъ Прокофьевичъ, онъ тамъ?»

«Ейбогу, ейбогу нѣтъ! Чтобы я не сошелъ съ этого мѣста, если онъ тамъ! Да и сами посудите, съ какой стати мнѣ лгать! Чтобъ мнѣ руки и ноги отсохли!... Что, и теперь не вѣрите? Чтобъ я околѣлъ тутъ же передъ вами! чтобъ ни отцу, ни матери моей, ни мнѣ, не видать царствія небеснаго! Еще не вѣрите?»

Иванъ Никифоровичъ этими увѣреніями совершенно успокоился и велѣлъ своему камердинеру, въ безграничномъ сюртукѣ, принесть шаравары и нанковый казакинъ.

Я полагаю, что описывать, какимъ образомъ Иванъ Никифоровичъ надѣвалъ шаравары, какъ ему намотали галстухъ и наконецъ надѣли казакинъ, который подъ лѣвымъ рукавомъ лоп-

нулъ, совершенно излишне. Довольно, что онъ во все это время сохранялъ приличное спокойствіе и не отвѣчалъ ни слова на предложенія Антона Прокофьевича — что-нибудь промѣнять на его турецкій кисетъ.

Между-тѣмъ собраніе съ нетерпѣніемъ ожидало рѣшительной минуты, когда явится Иванъ Никифоровичъ, и исполнится наконецъ всеобщее желаніе, чтобы сіи достойные люди примирились между собою; многіе были почти увѣрены, что не придетъ Иванъ Никифоровичъ. Городничій даже бился объ закладъ съ кривымъ Иваномъ Ивановичемъ, что не придетъ; но разошелся только потому, что кривой Иванъ Ивановичъ требовалъ, чтобы тотъ поставилъ въ закладъ подстрѣленную свою ногу, а онъ кривое око,— чѣмъ городничій очень обидѣлся, а компанія потихоньку смѣялась. Никто еще не садился за столъ, хотя давно уже былъ второй часъ, время, въ которое въ Миргородѣ, даже въ парадныхъ случаяхъ, давно уже обѣдаютъ.

Едва только Антонъ Прокофьевичъ появился въ дверяхъ, какъ въ то же мгновеніе былъ обступленъ всѣми. Антонъ Прокофьевичъ на всѣ вопросы закричалъ однимъ рѣшительнымъ словомъ:

«не будетъ». Едва только онъ это произнесъ, какъ уже градъ выговоровъ, браней, а можетъ-быть, и щелчковъ, готовился посыпаться на его голову за неудачу посольства, какъ вдругъ дверь отворилась и — вошелъ Иванъ Никифоровичъ.

Еслибы показался самъ сатана, или мертвецъ, то они бы не произвели такого изумленія во всемъ обществѣ, въ какое повергнулъ его неожиданный приходъ Ивана Никифоровича. А Антонъ Прокофьевичъ только заливался, ухватившись за бока, отъ радости, что такъ подшутилъ надъ всею компаніею.

Какъ бы то ни было, только это было почти невѣроятно для всѣхъ, чтобы Иванъ Никифоровичъ въ такое короткое время могъ одѣться, какъ прилично дворянину. Ивана Ивановича въ это время не было; онъ зачѣмъ-то вышелъ. Очнувшись отъ изумленія, вся публика приняла участіе въ здоровьи Ивана Никифоровича и изъявила удовольствіе, что онъ раздался въ толщину. Иванъ Никифоровичъ цаловался со всякимъ и говорилъ: «очень одолженъ». Между-тѣмъ запахъ борща понесся чрезъ комнату и пощекоталъ пріятно ноздри проголодавшимся гостямъ. Всѣ повалили

въ столовую. Вереница дамъ говорливыхъ и молчаливыхъ, тощихъ и толстыхъ, потянулась впередъ, и длинный столъ зарябѣлъ всѣми цвѣтами. Не стану описывать кушаньевъ, какія были за столомъ! Ничего не упомяну ни о мнишкахъ въ сметанѣ, ни объ утрибкѣ, которую подавали къ борщу, ни объ индѣйкѣ съ сливами и изюмомъ, ни о томъ кушаньи, которое очень походило видомъ на сапоги, намоченные въ квасѣ, ни о томъ соусѣ, который есть лебединая пѣснь стариннаго повара, о томъ соусѣ, который подавался обхваченный весь виннымъ пламенемъ, что́ очень забавляло и вмѣстѣ пугало дамъ. Не стану говорить объ этихъ кушаньяхъ, потому-что мнѣ гораздо болѣе нравится ѣсть ихъ, нежели распространяться объ нихъ въ разговорахъ. Ивану Ивановичу очень понравилась рыба, приготовленная съ хрѣномъ. Онъ особенно занялся этимъ полезнымъ и питательнымъ упражненіемъ. Выбирая самыя тонкія рыбьи косточки, онъ клалъ ихъ на тарелку и както нечаянно взглянулъ насупротивъ: Творецъ Небесный! какъ это было странно! Противъ него сидѣлъ Иванъ Никифоровичъ. Въ одно и то же время взглянулъ и Иванъ Никифоровичъ!.... Нѣтъ!.... не могу!....

Дайте мнѣ другое перо! Перо мое вяло, мертво, съ тонкимъ расчепомъ для этой картины! Лица ихъ съ отразившимся изумленіемъ сдѣлались какъ бы окаменѣлыми. Каждый изъ нихъ увидѣлъ лицо давно знакомое, къ которому, казалось бы, невольно готовъ подойти, какъ къ пріятелю неожиданному и поднесть рожокъ съ словомъ: «одолжайтесь» или «смѣю ли просить объ одолженіи»; но вмѣстѣ съ этимъ то же самое лицо было страшно, какъ не хорошее предзнаменованіе! Потъ катился градомъ у Ивана Ивановича и у Ивана Никифоровича. Присутствующіе, всѣ, сколько ихъ ни было за столомъ, онѣмѣли отъ вниманія и не отрывали глазъ отъ нѣкогда бывшихъ друзей. Дамы, которыя до того времени были заняты довольно интереснымъ разговоромъ о томъ, какимъ-образомъ дѣлаются каплуны, вдругъ прервали разговоръ. Все стихло! Это была картина, достойная кисти великаго художника! Наконецъ Иванъ Ивановичъ вынулъ носовой платокъ и началъ сморкаться, а Иванъ Никифоровичъ осмотрѣлся вокругъ и остановилъ глаза на растворенной двери. Городничій тотчасъ замѣтилъ это движеніе и велѣлъ затворить дверь покрѣпче. Тогда каждый изъ дру-

зей началъ кушать, и уже ни разу не взглянули они другъ на друга.

Какъ только кончился обѣдъ, оба прежніе пріятели схватились съ мѣстъ и начали искать шапокъ, чтобы улизнуть. Тогда городничій мигнулъ, и Иванъ Ивановичъ, не тотъ Иванъ Ивановичъ, а другой, что́ съ кривымъ глазомъ, сталъ за спиною Ивана Никифоровича, а городничій зашелъ за спину Ивана Ивановича, и оба начали подталкивать ихъ сзади, чтобы спихнуть ихъ вмѣстѣ и не выпускать до-тѣхъ-поръ, пока не подадутъ рукъ. Иванъ Ивановичъ, что́ съ кривымъ глазомъ, натолкнулъ Ивана Никифоровича, хотя и нѣсколько косо, однако жъ довольно еще удачно, въ то мѣсто, гдѣ стоялъ Иванъ Ивановичъ; но городничій сдѣлалъ дирекцію слишкомъ въ сторону, потому-что онъ никакъ не могъ управиться съ своевольною пѣхотою, не слушавшею на тотъ разъ никакой команды и какъ на зло закидывавшею чрезвычайно далеко и совершенно въ противную сторону (что́ можетъ, происходило оттого, что за столомъ было чрезвычайно много разныхъ наливокъ), такъ-что Иванъ Ивановичъ упалъ на даму въ красномъ платьѣ, которая, изъ любопытства, просунулась

въ самую середину. Такое предзнаменованіе не предвѣщало ничего добраго. Однако жъ судья, чтобъ поправить это дѣло, занялъ мѣсто городничаго и потянувши носомъ съ верхней губы весь табакъ, отпихнулъ Ивана Ивановича въ другую сторону. Въ Миргородѣ это обыкновенный способъ примиренія; онъ нѣсколько похожъ на игру въ мячикъ. Какъ только судья пихнулъ Ивана Ивановича, Иванъ Ивановичъ съ кривымъ глазомъ уперся всею силою и пихнулъ Ивана Никифоровича, съ котораго потъ валился, какъ дождевая вода съ крыши. Несмотря на то̀, что оба пріятеля весьма упирались, они все-таки были столкнуты, потому-что обѣ дѣйствовавшія стороны получили значительное подкрѣпленіе со стороны другихъ гостей.

Тогда обступили ихъ со всѣхъ сторонъ тѣсно и не выпускали до-тѣхъ-поръ, пока они не рѣшились подать другъ другу руки. «Богъ съ вами, Иванъ Никифоровичъ и Иванъ Ивановичъ! Скажите по совѣсти, за что̀ вы поссорились? не по пустякамъ ли? Не совѣстно ли вамъ передъ людьми и передъ Богомъ!»

«Я не знаю» сказалъ Иванъ Никифоровичъ, пыхтя отъ усталости (замѣтно было, что онъ

былъ весьма не прочь отъ примиренія): «я не знаю, что̀ я такое сдѣлалъ Ивану Ивановичу; за что̀ же онъ порубилъ мой хлѣвъ и замышлялъ погубить меня?»

«Неповиненъ ни въ какомъ зломъ умыслѣ» говорилъ Иванъ Ивановичъ, не обращая глазъ на Ивана Никифоровича: «клянусь и предъ Богомъ и передъ вами, почтенное дворянство, я ничего не сдѣлалъ моему врагу. За что̀ же онъ меня поноситъ и наноситъ вредъ моему чину и званію?»

«Какой же я вамъ, Иванъ Ивановичъ, нанесъ вредъ?» сказалъ Иванъ Никифоровичъ. Еще одна минута объясненія — и давнишняя вражда готова была погаснуть. Уже Иванъ Никифоровичъ полѣзъ въ карманъ, чтобы достать рожокъ и сказать: «одолжайтесь».

«Развѣ это не вредъ» отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, не подымая глазъ: «когда вы, милостивый государь, оскорбили мой чинъ и фамилію такимъ словомъ, которое неприлично здѣсь сказать».

«Позвольте вамъ сказать подружески, Иванъ Ивановичъ! (при этомъ Иванъ Никифоровичъ дотронулся пальцемъ до пуговицы Ивана Ивано-

вича, что означало совершенное его расположеніе) вы обидѣлись чортъ знаетъ за что такое: за то, что я васъ назвалъ *гусакомъ....»* Иванъ Никифоровичъ спохватился, что сдѣлалъ неосторожность, произнесши это слово; но уже было поздно: слово было произнесено.

Все пошло къ чорту!

Когда при произнесеніи этого слова безъ свидѣтелей, Иванъ Ивановичъ вышелъ изъ-себя и пришелъ въ такой гнѣвъ, въ какомъ не дай Богъ видѣть человѣка, — что жъ теперь, посудите, любезные читатели, что теперь, когда это убійственное слово произнесено было въ собраніи, въ которомъ находилось множество дамъ, передъ которыми Иванъ Ивановичъ любилъ быть особенно приличнымъ? Поступи Иванъ Никифоровичъ не такимъ образомъ, скажи онъ птица, а не гусакъ, еще бы можно было поправить.

Но — все кончено!

Онъ бросилъ на Ивана Никифоровича взглядъ — и какой взглядъ! Еслибы этому взгляду придана была власть исполнительная, то онъ обратилъ бы въ прахъ Ивана Никифоровича. Гости поняли этотъ взглядъ и поспѣшили сами разлучить ихъ. И этотъ человѣкъ, образецъ кротости,

который ни одну нищую не пропускалъ, чтобъ не разспросить ее, выбѣжалъ въ ужасномъ бѣшенствѣ. Такія сильныя бури производятъ страсти!

Цѣлый мѣсяцъ ничего не было слышно объ Иванѣ Ивановичѣ. Онъ заперся въ своемъ домѣ. Завѣтный сундукъ былъ отпертъ, изъ сундука были вынуты—что̀ же? – карбованцы! старые, дѣдовскіе карбованцы! И эти карбованцы перешли въ запачканныя руки чернильныхъ дѣльцовъ. Дѣло было перенесено въ палату. И когда получилъ Иванъ Ивановичъ радостное извѣстіе, что завтра рѣшится оно, тогда только выглянулъ на свѣтъ и рѣшился вытти изъ дому. Увы! съ того времени палата извѣщала ежедневно, что дѣло кончится завтра, въ продолженіе десяти лѣтъ!

Назадъ тому лѣтъ пять, я проѣзжалъ чрезъ городъ Миргородъ. Я ѣхалъ въ дурное время. Тогда стояла осень съ своею грустно-сырою погодою, грязью и туманомъ. Какая-то ненатуральная зелень — твореніе скучныхъ, безпрерывныхъ дождей, покрывала жидкою сѣтью поля и нивы, къ которымъ она такъ пристала, какъ шалости старику, розы старухѣ. На меня тогда сильное вліяніе производила погода: я скучалъ, когда она была скучна. Но несмотря на то̀, когда я

сталъ подъѣзжать къ Миргороду, то почувствовалъ, что у меня сердце бьется сильно. Боже, сколько воспоминаній! я двѣнадцать лѣтъ не видалъ Миргорода. Здѣсь жили тогда въ трогательной дружбѣ два единственные друга. А сколько вымерло знаменитыхъ людей! Судья Демьянъ Демьяновичъ уже тогда былъ покойникомъ; Иванъ Ивановичъ, что съ кривымъ глазомъ, тоже приказалъ долго жить. Я въѣхалъ въ главную улицу: вездѣ стояли шесты съ привязаннымъ вверху пукомъ соломы: производилась какая-то новая планировка! Нѣсколько избъ было снесено. Остатки заборовъ и плетней торчали уныло.

День былъ тогда праздничный; я приказалъ рогоженную кибитку свою остановить передъ церковью, и вошелъ такъ тихо, что никто не обратился. Правда, и некому было: церковь была пуста; народу почти никого; видно было, что и самые богомольные побоялись грязи. Свѣчи при пасмурномъ, лучше сказать, больномъ днѣ, както были странно-непріятны; темные притворы были печальны; продолговатыя окна, съ круглыми стеклами, обливались дождливыми слезами. Я отошелъ въ притворъ и оборотился къ

одному почтенному старику съ посѣдѣвшими волосами: «Позвольте узнать, живъ ли Иванъ Никифоровичъ?» Въ это время лампада вспыхнула живѣе передъ иконою, и свѣтъ прямо ударился въ лицо моего сосѣда. Какъ же я удивился, когда, разсматривая, увидѣлъ черты знакомыя! Это былъ самъ Иванъ Никифоровичъ! Но какъ измѣнился! «Здоровы ли вы, Иванъ Никифоровичъ! Какъ же вы постарѣли!» — «Да, постарѣлъ. Я сегодня изъ Полтавы» отвѣчалъ Иванъ Никифоровичъ.

«Что̀ вы говорите! вы ѣздили въ Полтаву въ такую дурную погоду?» — «Что жъ дѣлать! тяжьба...» При этомъ я невольно вздохнулъ. Иванъ Никифоровичъ замѣтилъ этотъ вздохъ и сказалъ: «не безпокойтесь, я имѣю вѣрное извѣстіе, что дѣло рѣшится на слѣдующей недѣлѣ, и въ мою пользу». Я пожалъ плечами и пошолъ узнать что-нибудь объ Иванѣ Ивановичѣ.

«Иванъ Ивановичъ здѣсь!» сказалъ мнѣ кто-то: «онъ на клиросѣ». Я увидѣлъ тогда тощую фигуру. Это ли Иванъ Ивановичъ? Лицо было покрыто морщинами, волосы были совершенно бѣлые; но бекеша была все та же. Послѣ пер-

выхъ привѣтствій, Иванъ Ивановичъ, обратившись ко мнѣ съ веселою улыбкою, которая такъ всегда шла къ его воронкообразному лицу, сказалъ: «Увѣдомить ли васъ о пріятной новости?»—«О какой новости?» спросилъ я. «Завтра непремѣнно рѣшится мое дѣло; палата сказала навѣрное».

Я вздохнулъ еще глубже и поскорѣе поспѣшилъ проститься, потому-что я ѣхалъ по весьма важному дѣлу, и сѣлъ въ кибитку. Тощія лошади, извѣстныя въ Миргородѣ подъ именемъ курьерскихъ, потянулись, производя копытами своими, погружавшимися въ сѣрую массу грязи, непріятный для слуха звукъ. Дождь лилъ ливмя на жида, сидѣвшаго на козлахъ и накрывшагося рогожкою. Сырость меня проняла насквозь. Печальная застава съ будкою, въ которой инвалидъ чинилъ сѣрые доспѣхи свои, медленно пронеслась мимо. Опять то же поле, мѣстами изрытое, чорное, мѣстами зеленѣющее, мокрыя галки и вороны, однообразный дождь, слезливое безъ просвѣту небо!.... Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

МАЛОРОССІЙСКІЯ СЛОВА, ВСТРѢЧАЮЩІЯСЯ

ВЪ ПЕРВОМЪ И ВТОРОМЪ ТОМАХЪ.

—

Бандура,	инструментъ, родъ гитары.
Баклага,	родъ плоскаго боченка.
Батогъ,	кнутъ.
Барвинокъ,	растенье.
Баштанъ,	мѣсто, засѣянное арбузами и дынями.
Болячка,	вередъ.
Бондарь,	бочаръ.
Бубликъ,	круглый крендель, баранокъ.
Будякъ,	чертополохъ.
Бурякъ,	свекла.
Буханецъ,	небольшой бѣлый хлѣбъ.
Варенуха,	вареная водка съ пряностями и плодами.
Вертепъ,	кукольный театръ.
Вечеря, вечерять,	ужинъ, ужинать,
Видлога,	откидная шапка изъ сукна, пришитая къ кобеняку.
Винница,	винокурня.
Вояка,	воинъ.
Выкрутасы;	трудные па.
Габа,	движимость, имущество.
Галушки,	клёцки.

Гама́нъ,	родъ бумажника, гдѣ хранится огниво, кремень, трутъ, табакъ, иногда и деньги.
Гати́ть,	дѣлать плотину.
Голодная кутья́,	сочельникъ.
Голодра́бецъ,	бѣднякъ, бобыль.
Гопа́къ, Го́рлица,	танцы.
Греча́никъ,	гречневый хлѣбъ,
Гуса́къ,	гусь — самецъ.
Далибу́гъ,	ейбогу (польское).
Дѣвчина, дѣвчата,	дѣвушка, дѣвушки.
Дижа́,	кадка.
Добро́дію,	сударь, милостивецъ.
До́вбишъ,	литаврщикъ.
Домови́на,	гробъ.
Дрибу́шки,	мелкія косы.
Ду́ля,	шишъ.
Дука́тъ,	червонецъ.
Жи́нка,	жена.
Жупа́нъ,	родъ кафтана.
Завзя́тый,	задорный.
За́воды,	заливъ.
Загада́ться,	задуматься.
Замурованный,	задѣланный камнемъ.
Знахоръ, ка,	колдунъ, ворожея.
Исподница,	юбка.
Каву́нъ,	арбузъ.
Кагане́цъ,	свѣтильникъ, состоящій изъ черепка, и. полвенного салом.
Каза́нъ,	котелъ.
Кану́перъ,	трава.
Канчу́къ,	нагайка.

Карбо́ванецъ.	цѣлковый.
Каца́пъ,	русскій мужикъ съ бородой.
Ка́чка,	утка.
Кле́пки,	выпуклыя дощечки, изъ которыхъ составляется бочка.
Книшъ,	родъ печенаго бѣлаго хлѣба.
Кнуръ,	боровъ.
Кобеня́къ,	родъ суконнаго плаща, съ пришитою сзади видлогою.
Кожу́хъ,	тулупъ.
Комо́ра,	амбаръ.
Кора́бликъ,	старинный головной уборъ.
Коржъ,	сухая лепешка изъ пшеничной муки, часто съ саломъ.
Корова́й,	свадебный хлѣбъ.
Ко́рчикъ,	родъ деревяннаго ковша, которымъ пересыпаютъ хлѣбъ, совокъ.
Коха́нка,	возлюбленная.
Ку́нтушъ.	верхнее старинное платье.
Куре́нь,	соломенный шалашъ.
Курень у запорожцевъ,	отдѣленіе военнаго стана запорожцевъ.
Ку́холь,	кружка.
Ку́хва,	родъ кадки.
Лева́да,	поле, окопанное рвомъ.
Ли́хо, ли́шечко,	бѣда.
Лысый дидько,	домовой, демонъ.
Лю́лька,	трубка.
Мазни́ца,	родъ ведра, въ которомъ держатъ деготь въ дорогѣ.
Маки́тра,	горшокъ, въ которомъ трутъ макъ и прочее.
Макого́нъ,	пестъ для растиранія.
Малаха́й,	плеть.
Ми́ска,	чашка для похлебки.
Ми́шки,	кушанье изъ муки съ творогомъ.
Молоди́ца,	молодая замужняя женщина.
Наги́дка, наги́дочка,	ноготокъ, растеніе,

На́ймытъ,	нанятой работникъ.
На́ймычка,	нанятая работница.
Нами́тка,	бѣлое женское покрывало изъ рѣдкаго полотна съ откидными концами.
Нечуй-вѣтеръ,	трава, которую даютъ свиньямъ для жиру.
Оселе́децъ,	длинный клокъ волосъ на головѣ, заматывающійся за ухо; въ собственномъ смыслѣ сельдь.
Охочекомонный,	вольныя кавалерійскія войска.
Очере́тъ,	тростникъ.
Очи́покъ,	родъ женской шапочки.
Очку́ръ,	шнурокъ, которымъ стягиваются шаровары.
Паляница,	небольшой хлѣбъ, нѣсколько плоскій.
Пампу́шки.	вареное кушанье изъ тѣста.
Па́сичникъ,	пчеловодъ.
Па́рубокъ,	парень.
Пе́йсики,	жидовскіе локоны.
Пе́кло,	адъ,
Перепели́чка,	молодая перепелка.
Пере́купка,	торговка.
Перепо́лохъ,	испугъ; выливать переполохъ — лечить отъ испуга.
Петровы батоги,	дикій цыкорій.
Пивкопы́,	двадцать пять копеекъ.
Пла́хта,	нижняя одежда женщинъ изъ шерстяной клѣтчатой матеріи.
Повѣтъ, о́вый,	уѣздъ, уѣздный.
Повѣтка,	сарай.
Подсу́докъ,	засѣдатель уѣзднаго суда.
Позо́въ,	тяжебное прошеніе.
Поло́ва,	мякина.
Полутабене́къ,	старинная шолковая матерія.
По́кутъ,	мѣсто подъ образами.

Пошапковаться,	поздороваться.
Псяюха,	польское бранное слово.
Пищикъ,	пищалка, свистокъ.
Пу́тря,	кушанье, родъ каши.
Ра́да,	совѣтъ.
Раздобрѣть,	растолстѣть.
Рейстро́вый казакъ,	казакъ, записанный на службу.
Ручни́къ,	утиральникъ.
Руше́ніе,	ополченіе.
Сажъ,	мѣсто, гдѣ откармливаютъ скотину.
Салама́та,	толокно.
Сви́тка,	родъ полукафтанья.
Сво́локъ,	перекладина подъ потолкомъ.
Синда́чки,	узкія ленты.
Скры́ня,	большой сундукъ.
Сласте́ны,	пышки.
Слива́нка,	наливка изъ сливъ.
Сма́лецъ,	гусиный жиръ.
Сму́шки,	мерлушки.
Со́пяшница,	боль въ животѣ.
Сопи́лка,	дудка, свирѣль,
Стрички,	ленты.
Стуса́нъ,	кулакъ.
Сукня́,	одежда женщинъ изъ сукна.
Сулія,	большая бутыль.
Сырове́цъ,	хлѣбный квасъ,
Тенди́тный,	слабосильный, нѣжный.
Тройча́тка,	тройная плеть,
Тѣсная баба,	игра, въ которую играютъ школьники въ классѣ: жмутся на скамьѣ, покамѣстъ одна половина не вытѣснитъ другую.
Утри́бка,	кушанье изъ внутренностей.

Хло́пецъ,	мальчикъ.
Ху́торъ,	небольшая деревушка.
Ху́стка,	платокъ.
Цу́рка,	дѣвушка, дочь (польское).
Цыбу́ля,	лукъ.
Череви́ки,	башмаки.
Черено́къ съ червонцами:	поясъ, въ который насыпали червонцы.
Чубъ, Чупри́па,	длинный клокъ волосъ на головѣ
Чумаки́,	обозники, ѣдущіе въ Крымъ за солью, и на Донъ за рыбою.
Ши́шка,	небольшой хлѣбъ, дѣлаемый на свадьбахъ.
Швецъ,	сапожникъ.
Ши́беникъ,	висѣльникъ.
Ю́шка,	супъ, жижа.
Я́тка,	родъ палатки или шатра.
Я́сочка,	свѣтикъ мой,
Яломо́къ,	жидовская шапочка.

ОГЛАВЛЕНIЕ ВТОРАГО ТОМА.

=

МИРГОРОДЪ.

=

Стран.

Старосвѣтскiе помѣщики 7

Тарасъ Бульба 55

Вiй 305

Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ 383

Малороссiйскiя слова, встрѣчающiяся въ 1 и 2 томахъ 485

=

СОЧИНЕНІЯ
ГОГОЛЯ.
3